

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Андрей
ПЛАТОНОВ

СЦЕНАРИИ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ КИНО

Im Werden Verlag
Мюнхен 2007

Содержание

МАШИНИСТ	3
ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА	14
ОТЕЦ-МАТЬ	23
ВООДУШЕВЛЕНИЕ	45
НЕРОДНАЯ ДОЧЬ.....	76
СОЛДАТ-ТРУЖЕНИК, ИЛИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ.....	91
СЕМЬЯ ИВАНОВА	117
КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ТЕМЫ СЦЕНАРИЯ	
ПОД УСЛОВНЫМ НАЗВАНИЕМ	
«БЕССМЕРТНЫЙ СОЛДАТ».....	178
КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ТЕМЫ КИНОСЦЕНАРИЯ	
С УСЛОВНЫМ НАЗВАНИЕМ «СЕМЬЯ ИВАНОВА»	180

Машинист: Либретто / [Вступ. и примеч. Н. Корниенко] // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биограф.: Сборник. М., 1994. С. 229-243.

Песчаная учительница: Либретто // Киносценарий: Литературно-художественный альманах. 1988. № 2. С. 155-161.

Отец — мать; Солдат-труженик, или После войны: [Сценарии] / [Предисл. Б. Слуцкого; После сл. З. Войтинской] // Искусство кино. 1967. № 3. С. 118-160.

Опубликовано (с небольшими купюрами): Искусство кино (Москва). 1967. № 3.

Печатается по рукописи: РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Е. х. 92.

Воодушевление: Сценарий: (3-й вариант) // Здесь и теперь. 1992. № 1. С. 174-219.

Неродная дочь: Кинематографический рассказ / Рис. В. Климшина // Вокруг света. 1940. № 12. С. 3-9.

Семья Иванова: Сценарий // Советская литература. 1990. № 10. С. 78-122.

Бессмертный солдат: Платонов, А. Краткое изложение темы сценария под условным названием «Бессмертный солдат» // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии / Сост.: Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубина. М.: Современный писатель, 1994. С. 451-454.

Семья Иванова: Платонов, А. Краткое изложение темы киносценария с условным названием «Семья Иванова» // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии / Сост.: Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубина. М.: Современный писатель, 1994. С. 455-457.

МАШИНИСТ

Либретто

Действующие лица:

Машинист

Девушка

Кузьма

Активист

Середняк

Жених девушки

Лошади, петух, тараканы

Второстепенные персонажи

Машинный зал электростанции. Два турбогенератора. Распределительная вертикальная панель с приборами. Красные лампы над включенными автоматами. Под лампами циферблаты амперметров. Таблички: «литейный», «сборный», «кузнечный», «колесный», «токарный». Вращающиеся коллекторы генераторов динамо-машины. Из-под токособирательных щеток брызжет огонь. Стрелки циферблатов-амперметров подрагивают близь красных черточек, указывающих предельную нагрузку.

Машинист стоит у турбогенератора. Турбина слегка парит через клапаны регулятора. Жарко. Машинист отирает с лица пот обтирочными концами. По лицу машиниста ползет масляная грязь. Он смотрит на приборы. Стрелки трепещут. Коллекторы динамо-машин искрят еще сильнее. Машинист берет наждачный лист и, прижав его к вращающемуся коллектору, уменьшает пламя, бьющее из-под щеток. Коллектор натерт до блеска.

Станция везет свою предельную нагрузку.

Электрическое сверло вонзается в котельный лист. Сверильный прибор грудью прижимает котельщик. Из-под сверла бьет пламя, несмотря на струю воды, которая охлаждает сверло. Резец гонит стальную стружку с обтачиваемого паровозного бандажа.

Фасад электростанции. Черная доска на фасаде. На доске написано:

«Наш завод работает на плюху. За полугодие промфинплан выполнен на 85%. Здесь делают узкое место и организуют социалистическое горе».

Снова машинный зал электростанции. Машинист чистит наждаком коллектор. Щетки искрят сильнее, чем раньше, и машинист не может их сбить. Стрелки амперных циферблатов перешли за красные черты пределов нагрузки и подрагивают на новых местах.

Из корпуса второго генератора показывается дым. Машинист оглядывается на него. Взрыв напряженного синего (если можно это сделать) пламени. Машинист подбегает к распределительной панели и выключает всю нагрузку сгоревшего генератора. За-

тем закрывает вентилем паропровод в турбину, которая вращала выбывший генератор. Весь турбогенератор останавливается. Теперь работает только один турбогенератор.

Стрелки циферблатов «токарный», «котельный», «литейный» падают на нули. Эти цеха вез сгоревший турбогенератор.

Ранее показанное электрическое сверло вновь показывается. Оно теперь останавливается. Резец, гнавший стружку с бандаж, также перестает работать. Котельщик, что работал сверлом, а затем токарь произносят движением уст некоторые слова и плюют на железо с такой яростью, что из железа от их плевков показывается ржавь.

Электростанция. Машинист тоже плюет на корпус работающего генератора. Слюни его кипят на теле машины и вмиг исчезают.

Машинист нажимает кнопку, около которой написано «котельная».

Котельная. Батарея котлов. Над одной топкой загорается красная лампа. Она освещает табличку: «держат предельное давление».

Два кочегара. Они в одних штанах, без рубашек. Они подходят под непрерывно льющийся душ, обдаются водой, затем открывают дверцу топки и начинают бросать в нее, навстречу выбивающемуся дымному огню, полные лопаты угля.

Машинный зал электростанции. Машинист глядит на единственно работающий турбогенератор. Машинист говорит генератору:

«Держись, бедняк!».

Подходит к распределительной панели, Включает автомат: переводит всю нагрузку завода на уцелевший турбогенератор. Моментально, вслед за движением руки машиниста, включившего автоматический рубильник, из-под щеток генератора вместо искр стали бить целые молнии.

Стрелки циферблатов — «токарный», «котельный», «литейный» — трогаются с нулей, показывают нагрузку.

Сверло котельщика завращалось. Резец снова взял сталь. Турбогенератор работает с громадным перенапряжением, он даже дымится. Пластины предохранителя нагреты докрасна (сделать это натуральным цветом, если можно), затем они делаются накаливаемыми добела и так остаются белыми.

Весь машинный зал электростанции наполняется газом тлеющего генератора и паром из неплотностей турбины. Машинист открывает двери электростанции, через дверь виден летний день и покоящиеся без ветра деревья. Машинист снимает пиджак и ложится на корпус генератора с наждаком в руках. Он хочет потушить молнии на коллекторе — и трет его наждаком. Все движения машиниста не поспешны, но чрезвычайно экономны и потому кажутся быстрыми. Ему 30 лет.

Из котельной входит кочегар. Он равнодушен.

«Что у тебя тут газует?»

Осветительные лампы припогасают в тумане газа.

Машинист отвечает с машины:

«Ступай баланс нажми. Видишь — напряжение тает. Твой пар в мою вертушку не берет — давай мне давление».

Кочегар уходит. Котельная. Котел [нрзб] работает: из предохранительного клапана бьет вихрь пара. Кочегар залезает по лестнице на котел. У него в руках ключ. Он поворачивает ключом гайку клапана. Пар перестает бить из клапана. Кочегар сходит с котла.

«Жги воду с форсом», — говорит он второму кочегару. Второй кочегар открывает дверцу топки. Оттуда рвется длинное пламя. Вдвоем они начинают загрузку топки углем.

Машинный зал. Машинист лежит на генераторе. Входят двое: директор завода и секретарь партколлектива. Они осведомляются — в чем дело. Стоят у генератора. Смотрят на трепещущие стрелки приборов. Пауза.

«Пронесемся или сгорим?»

Машинист сползает с машины. Рубашка на его животе истлела, пока он лежал, и он взмок от пота.

Взрыв синего пламени из генератора. Одновременно — вихрь пара из клапана турбины. Машинный зал от дыма и пара делается невидимым.

Котельная. Кочегар натягивает рычаг гудка. Тревожный гудок. К электростанции подъезжает пожарный паровоз.

Кочегар направляет струю брандспойта в чад машинного зала. Чад несколько рассеивается. Около генератора навзничь лежит машинист. Он показывает на свой голый черный живот. Кочегар направляет струю воды на живот машиниста. Машинист встает.

«Брось меня в топку, такого стервеца!».

Кочегар поливает водой директора и партийного секретаря, которые также лежат опрокинутыми. Кочегар кладет брандспойт на пол и закручивает вентиль еще вращающегося турбогенератора. Все стрелки циферблатов показывают нули. Кочегар говорит:

«Ты думаешь, промфинплан теперь споткнулся. Пускай споткнулся — мы его подыдем, и он опять пойдет!»

Ночь. Звезды. Завод во тьме. Здание электростанции. Окна ее слабо светятся. Там горят керосиновые лампы. Два десятка монтеров сидят на полу: они перематывают якоря генераторов и разбирают турбину. Машинист повис на цепи недействующего электрического крана. Ему помогают другие мастеровые. От их общего веса кран начал действовать — он приподымает деталь генератора, зацепленную за другой конец крановой цепи.

Стоит очередь больных паровозов — иные без дышел, иные без тендеров и т.д. Мимо паровозов идет девушка с узелком. Она подходит к электростанции. Входит в машинное помещение. Видит машиниста; тот сползает с крановой цепи. Девушка дает ему узелок с едой. Машинист сразу ест. Девушка опечаленно стоит против этого грязного полуголого человека. Она говорит:

«Я не знаю, зачем я ношу тебе еду, зачем тоскую, когда мы никогда не будем женаты». Машинист жует.

«Уже скоро, Маша, будет социализм. Ты подожди чуть-чуть».

Девушка идет обратно мимо больных паровозов. В ее руке пустой узелок. Она прислоняется к цилиндру холодного паровоза и стоит в слабой ночной тьме. Затем идет дальше. Очередь паровозов длится мимо нее. Девушка идет все более быстро. Бежит. Паровозы не кончаются. Она хватается за колесо паровоза и останавливается в недоумении.

Общее собрание рабочих завода. Собрание происходит в цехе. Трибуна — тендер паровоза. На трибуне — машинист электростанции, директор завода, секретарь партколлектива и предзавкома. Собрание взволновано.

«Кто сжег генератор? Какой полугад остановил весь завод на 14 часов? Показать его на усмотрение масс!»

Тысячное собрание настроено тревожно и угрюмо.

Машинист встает.

«Я».

Секретарь партколлектива встает.

«Мы».

Собрание сразу умолкает. Кто сидел, тот встает. Общее молчание. Видно, как по лицам мастеровых невозбранно ползают мухи.

Секретарь, директор, предзавкома и машинист медленно сходят с тендера. Идут сквозь строй рабочих. Их останавливают без внимания. Машинист идет сзади всех; его лицо выражает спокойствие, а не огорчение. Секретарь, предзавкома и директор уже вышли из массы. Но двое задних мастеровых протягивают руки и задерживают машиниста:

«А ты оставайся, черт беззаветный!
Опять пойдешь в сборку — паровозы гонять».

Заболоченная долина большой реки. Испарения болот застыт солнце. Осока, камыш, топь, бездорожье и глушь бесприютного местожительства Бедная деревня на острове — среди мокрой поймы. Утро. Тишина. При въезде в деревню вывеска — «Колхоз имени Генеральной Линии». Около некоторых изб стоят прислоненные новые тесовые гробы. У других изб мужики только делают гробы. Недалеко от деревни видна железнодорожная дамба, пересекающая всю речную пойму поперек.

На дамбе неподвижно стоит крестьянин. Он бос и плохо одет. Он глядит в даль пустыми выцветшими глазами, едва ли что соображая. В колхозе звонит колокол на работу. Крестьянин автоматически идет с дамбы в колхоз.

Среди колхоза большой двор. На воротах вывеска «РСФСР. Организационный Двор». На дворе собрались крестьяне, по виду и настроению подобные первому, которого мы назовем Середняком — он становится в ряд со всеми. Из дома Оргдвора появляется на крыльце Активист. Он говорит всем:

«Зачем готовите гробы? Или полагаете, что этот свет наш, а тот — будет вашим. Упреждаю, что тот свет будет организован по одному началу с этим: деваться вам некуда. Хотите живите, хотите кончайтесь»

Около Активиста труба громкоговорителя. Активист включает радио. Труба начинает играть, Активист же дирижирует звуками. Мужики разбредаются по Организационному Двору, соблюдая некоторый такт, соответственно музыке и движению дирижирующих рук Активиста. Одни крестьяне подбирают палочки и соломинки и складывают их в кучи среди Оргдвора; другие — укрепляют плетни, третьи — просто топчутся. Действие происходит в тумане болот и точно во сне всех действующих. Середняк мнет глину ногами в углу Оргдвора. Белые глаза его равнодушны и почти мертвы.

Активист прекращает управление радиомузыкой.

Мужики враз замирают на своих местах.

«Снабжение Энтузиазмом закончено».

Активист делает жест всеобщего устранения. Крестьяне оставляют Оргдвор. Середняк снова на дамбе и глядит в даль.

«В ожидании спуска дальнейших директив».

Готовые гробы. Крестьяне волокут с улицы во дворы: ставят их в глушь бурьяна и ложатся в них.

Середняк стоит один на высоте дамбы вдали. Активист выходит на крыльцо Оргдвора и глядит на сторожевого Середняка в бинокль.

Общий скотный двор. Беспризорными стоят десять—двадцать лошадей. Они ржут без пищи и питья и оглядываются в мучении. Затем идут всем табуном на водопой. Возвращаясь с водопоя, выдирают зубами солому из крыш, рвут траву по дороге, собирают отдельные пучки сена — и все это несут в зубах на общий скотный двор. Здесь они сваливают весь самовольно собранный корм в кучу и только теперь начинают коллективно есть.

Деревенская площадь. На ней собралась стая грачей. Стая поднялась и улетела.

Плетень. На плетне воробьи. Они также поднимаются и улетают вдаль — за колхозную деревню.

Колея дороги на въезде из деревни. По этой колее ползет длинная череда тараканов, покидающих колхоз.

Активист идет по пустынному колхозу. В руках у него бумажные таблички и номерки. Активист входит во дворы и избы. В одном дворе он видит бочку. Прикрепляет к ней бумажку с надписью: «Бочка № 49. Емкость 200 литров». Подходит к плетню. Вешает на него тоже ярлычок: «Временная единоличная огорожа № 73. На учете топливного утиля».

Видит петуха, поглядывающего на Активиста из-за лопуха. Бросается на петуха. Петух бежит от Активиста. Активист мчится за петухом через дворы, плетни и гумна. Петух взлетает и летит как форменная птица. Активист глядит на полет петуха в бинокль.

Активист входит в избу. Внутренность избы — голая и чистая, как больница. На лавках лежат женщина, мальчик и крестьянин: все вниз лицом и совершенно неподвижны. На стене — обычные часы с маятником и гирями. Маятник не качается, часы стоят. Активист глядит на часы. Пускает их в ход, покачнув маятник своей рукой. Маятник, сделав несколько ходов, вновь останавливается. Активист выходит из избы.

Со середины улицы Активист глядит на сторожевого Средняка, что стоит на дамбе.

К Активисту подходит истомленный, еле одетый человек — бедняк Кузьма.

Активист говорит ему, не отрывая взора от бинокля:

«Беги в лука и ликвидируй там петуха».

Кузьма делает ему удар в ухо. Но сытый, твердый Активист не чувствует боли, т.к. удар истомленного человека слишком слаб и бессилён. Этот бедняк Кузьма сам зашатался от своего напряжения, тогда как Активист остался неподвижен. Кузьма ложится в дорожный прах.

«Где же ты, партия?»

Средняк машет с дамбы руками. Активист трогается в направлении — на дамбу. Кузьма подымается и идет за ним.

Вдалеке виден быстро мчащийся паровоз. Показать работающий паровоз вблизи — на всем ходу. Паровоз не окрашен, на цилиндрах нет покрышек — смазочные трубки обнажены; вообще — многие внутренности паровоза наружи, как обычно бывает на паровозах, вышедших из капитального ремонта и работающих для испытания. На тендере паровоза написано крупно мелом: «Проба».

Из окна паровоза выглядывает машинист, тот самый, что был раньше на электростанции. Он видит вдалеке, на линии, человека — Средняка. Машинист дает долгий свисток. Средняк не уходит с рельсов. Паровоз уже почти настигает его. За Средняком виден тупик — деревянный упор. Машинист резко закрывает пар и поводит ручкой автоматического тормоза до отказа. Средняк мчится от паровоза прямо по линии, между рельсов, не соображая, что надо оставить путь в сторону. Лицо Средняка не выражает испуга — он бежит автоматически и наблюдает опустевшими, ясными глазами окружающий солнечный мир.

Тормозные колодки паровоза настолько сильно сжимают колеса, что из-под колодок брызжет огонь. Колеса перестают вращаться. Паровоз проползает несколько метров юзом и останавливается. Средняк садится на деревянный упор тупика и глядит на паровоз.

Активист и бедняк Кузьма взбираются по насыпи к паровозу. Машинист сходит с паровоза.

Активист спрашивает у машиниста сумку с директивами. Машинист не понимает. Активист назойливо требует, — он вынимает карандаш, чтобы расписаться в получении документов.

Машинист вытирает руки паклей. Чтобы отвязаться от Активиста, он проводит по лицу Активиста грязной паклей. Активист молча утирается.

Кузьма просится на паровоз. Середняк стоит тут же, но не смеет ничего сказать. Кузьма входит на паровоз. Паровоз уезжает задним ходом.

Активист и Середняк уходят на колхоз.

Середняк доходит до своего дома. Входит в избу. В избе его висят остановившиеся часы и лежит старик с обомлевшим лицом. Середняк берет лукошко с печки, выходит во двор и посыпает мусор из лукошка по земле, как раньше он сыпал зерно курам. Но никакой птицы нет. Солнце пустынно освещает дворовую землю. Тогда Середняк прислоняется к молодому деревцу, — и так стоит. Но с улицы поверх плетня на него смотрит лицо Активиста. Активист показывает ему жестом головы и руки, что деревцо надо вырвать

Середняк целует ствол деревца, затем изымает его с корнем из земли и несет Активисту. Активист направляется по улице. Середняк идет за ним с деревцем на плечах. Оба они входят на Организационный Двор, и Активист показывает место у крыльца, где нужно вновь посадить это дерево. Середняк бездумными медленными руками начинает рыть яму для корня.

От одного края колхоза начинается болото. Среди болота виден плот. На плоту — люди и костры. Из крайней одной хаты медленно выходит тучный рыхлый крестьянин; одет он плохо и на лицо худ.

Активист выглядывает из ворот Оргдвора и замечает тучного мужика. Активист постепенно достигает его.

«Ты чего не являлся на раскулачивание? Ты отчего не выселился?»

Тучный крестьянин устало глядит на Активиста.

«Я ж тихий бедняк!»

Активист пробует рукой живот этого крестьянина.

«А отчего ты тучный?»

Бедняк поднимает рубаху на своем животе.

«Это не жир, а старость — у меня водянка и я вскоре скончаюсь!»

Активист берет готовый гроб, что стоит прислоненный к соседней избе. Затем Активист вынимает свисток и свистит в него. Из Оргдвора выглядывает Середняк. Активист показывает Середняку на гроб и на плот, который виден на болоте. Середняк заспешил куда-то с Оргдвора.

Середняк подводит лошадь к пустому гробу. Привязывает лошадь упрощенным способом к гробу.

Активист сажает тучного мужика в гроб и трогает лошадь в воду.

Тучный бедняк кричит в пространство из гроба:

«Где ты, Козьма! Я же сырой, бедняк, и не кулацкий класс!»

Лошадь без сопровождения поволокла гроб по болотной мели — в направлении видимого плота. Тучный бедняк еще кричит оттуда что-то, но Активист смотрит на него в бинокль, и бедняк прячет лицо внутрь гроба, боясь вылезти из него.

«Раз ты тучный, то езжай на плот в кулацкий класс! Бедняк пухлым быть не должен».

Лошадь уволакивает гроб с бедняком. Активист и Середняк стоят на болотном берегу.

Паровоз едет по дамбе, лежащей поперек заболоченной долины. Кузьма и машинист глядят из окна на болота. Кузьма показывает рукой на всю окрестность.

«Когда я был мальчишкой, кулаки на великие деньги продали землю инженер-буржуям под эту дамбу. А река загородилась и умерла — и стали мы гибнуть в болотах. Но теперь мы кулаков посадили на бревна и отправили жить на середину болот!»

Паровоз переходит на главный путь и исчезает с полным паром.

Активист сидит на берегу и смотрит в даль болот. Середняк неподвижно стоит около него, опустив руки. К берегу приближается лошадь. Она волочит обратно по болотной мели пустой гроб.

В гроб садятся Активист и Середняк. Лошадь волочит их на Организационный Двор. Активист входит на крыльцо дома, что на Оргдворе, и протяжно свистит в свой свисток.

Из гробов, поставленных в бурьян на разных дворах, поднимаются равнодушные мужики и бредут к Оргдвору.

Собрание на Оргдворе. Стоят несколько десятков крестьян против крыльца. Активист включает радио. Прислушивается. Выключает.

«Оно играет не то. Я вам сейчас сыграю на губах Организационный танец, а вы пляшите под него всем темпом своих туловищ!»

Видно, как уста Активиста играют танец. Мужики с мертвыми лицами топчутся по-лошадиному. Активист перестает играть. Он недоволен.

«Темпу больше, а то раскулачу!»

Мужики танцуют и кружатся несколько быстрее. В общем танце мужики обертываются лицами в противоположную от Активиста сторону. Активист кричит им.

«Взором ко мне!»

Крестьяне враз оборачиваются к нему. Все лица танцующих покрыты слезами.

Активист замечает это.

«Ликвидировать кулацкое настроение!»

Слезы на всех лицах моментально обсыхают — и мужики усиленно организуют радость и улыбку на своих лицах.

Паровоз въезжает в ворота паровозоремонтного завода.

Паровоз останавливается. С паровоза сходят машинист и Кузьма.

Партийный комитет завода. Машинист и Кузьма входят в дверь Комитета, в Комитете заседание. Все члены Комитета — простые рабочие. Машинист просит, чтобы Комитет дал Кузьме право сказать свое слово. Большевики соглашаются. Кузьма садится на стул посреди комнаты.

Телефон звонит. Секретарь Комитета слушает телефон. Он говорит затем: «Через полчаса общее собрание. Сейчас явится Секретарь Обкома».

Общее собрание рабочих завода в цехе. На трибуне Кузьма. Он говорит наглядно. Представляет Активиста. Показывает омертвевший образ Середняка и т. д.

Уже темнеет. Ночь. Тот же паровоз стоит близь цеха. Кочегар бросает уголь в топку Машинист, Кузьма и еще десять — пятнадцать мастеровых выходят из цеха. Влезает на паровоз. Паровоз сразу берет хороший ход. Выезжает за ворота завода. Около ворот стоит с узелком невеста машиниста. Она видит машиниста и кричит ему. Машинист машет ей рукой приветствие, но паровоз уходит все более быстро. Машинист снимает фуражку и бросает ее своей невесте! Девушка подбирает фуражку и стоит с ней и своим узелком. Задний фонарь паровоза уменьшается и делается вовсе невидимым. Паровоз исчез.

Ночь. На высоком шесте горит красный фонарь над колхозом. Дальше — над кулацким плотом — горит фонарь желтый.

Оргдвор. Среди Оргдвора стол. На столе большая плошка, в которой горит сало. За столом сидит Активист и пишет ведомость. Ночной ветер колеблет листы его ведомости.

Середняк проходит мимо Оргдвора и стучит сторожевой колотушкой.

По железнодорожной дамбе, которой сейчас не видно, мчатся три огня паровоза. Огни летят выше уровня колхоза и земли, в полной тьме — точно по небу.

Активист слышит шум какого-то движения и смотрит на небо. На небе звезды. Активист склоняется над ведомостью и снова пищет. Огонь в площадке колеблется.

Активист трудится с крайним усердием и углубленностью. Он не слышит, как к нему подходят Кузьма и машинист. Кузьма без всякого предупреждения делает Активисту удар в голову, но попадает только косвенно, почти промахивается, и сам падает на землю от своего измождения. Машинист тогда бьет Активиста ровным ударом в лоб. Активист валится, но во время падения выхватывает револьвер и стреляет вверх. Освещенный паровоз стоит на дамбе. После выстрела с паровоза раздается тревожный, длинный гудок: видна струя пара, бьющая из сирены.

Поднявшись, Активист видит, что на Ордворе, кроме машиниста и Активиста, стоят десять — двенадцать рабочих. Он смотрит на дамбу. Там гудит паровоз.

Активист прыгает через плетень. Рабочие оставляют его без внимания. Активист подбегает к берегу болота и бежит по воде по направлению к кулацкому плоту, над которым горит желтый фонарь.

По темным дворам мужики поднимаются из гробов. Лошади прыгают с обобщественного скотного двора табуном. Люди и лошади идут на Ордвор. Позади всех шествует петух — тот, который некогда улетел от Активиста.

Кузьма, машинист и все прибывшие рабочие сидят за столом. Их окружают крестьяне и лошади.

Утренний рассвет. Около дамбы находится все население колхоза: крестьяне, лошади, петух, воробьи, старики, несколько женщин и т.д.

Все рабочие и машинист входят на паровоз. Кузьма остается в колхозе. Он новый председатель колхоза. Паровоз дает продолжительный гудок и отъезжает. Все население колхоза бежит вослед паровозу, но паровоз уже скрывается на полном ходу.

Паровозоремонтный 3-д. Главные ворота. На воротах громадный плакат: «Товарищи! Сегодня начинается сверхурочный добровольный труд для постройки землечерпательной машины, чтобы осушить болота в подшефном колхозе имени Генеральной Линии».

Машинный зал электростанции.

Входит машинист. Дежурный машинист передает нашему машинисту свою работу. Машинист расписывается в книге.

Котельная. Кочегар тянет рычаг гудка.

Гудок: конец рабочего дня. Открываются проходные будки. Из будок никто не выходит. Один мастерской подошел к доске с номерами Вешает свой номер. Сторож глядит на него — и смеется. Мастерской снимает свой номер назад и уходит обратно в цех. Новый гудок к началу работы. Проходные будок закрываются.

Машинист нажимает кнопку. В котельной на котле зажигается красная лампа с табличкой: «держат предельное напряжение».

Из-под щеток коллекторов бьют искры и молнии. Машинист, как прежде, начинает борьбу с перегруженными машинами. Он трет коллекторы наждаком. Плюет на корпус машины. Слюни кипят. Он снимает рубашку. Мочит ее под краном. Выжимает из нее лишнюю воду. Потом накладывает влажную рубаху на корпус машины. От рубахи идет пар. Так же поступает машинист со штанами и с нижним бельем. Всей своей одеждой, намоченной и влажной, он покрывает горячие машины. Сам остается голый. Лишь через чресла обвязывает себя веревкой

В машинный зал входит девушка — невеста машиниста. Она лучше, чем прежде, одета и не имеет в руках узелка с едой,

«Я тебе ничего не принесла — принесу, когда социализм настанет».

Машинист рассеянно смотрит на нее, потому что все время чутко слушает работу машин.

«Ладно, Маша. Как социализм доделаем, так я тебя враз полюблю. А ты пока походи походи».

Маша стоит и плачет. Машинист целует ее и, обернувшись, плюет на свою рубашку, лежащую на машине.

Рубаха тлеет. Сплюнутая влага вскипает. Девушка уходит. С порога оборачивает свое плачущее лицо,

«У Карла Маркса жена была, у Ленина была, а у тебя все нет и нет».

Машинист озадачен. Но машины дымятся. Он вновь мочит свою одежду, выжимает ее и расстилает по корпусам машин.

«Проходит месяц».

Едут товарные платформы. На платформе ящики с частями машин. На ящиках написано «Экскаватор. В колхоз Генеральная Линия». На одной платформе сидят машинист и пятеро мастеровых.

«И еще проходит неделя».

Плавающий экскаватор стоит собранный на воде. Труба его дымится. Ковш поднят.

Лето. Высокий день. Чаща осоки, кустарника и болотная топь окружают экскаватор с трех сторон. Экскаватор поворачивается рабочей стороной к заросшему болоту. Ковш опускается под воду. Ковш извлекает грунт и относит его в сторону.

Экскаватор вгрызается в болотную чащу. Его ковш корчует чащобу, заросли, рвет из-под воды залежалые деревья, мечет грунт. Машин экскаватора работают ураганным темпом. При больших напряжениях, когда ковш экскаватора цепляет под водой глубокие корни, понтон экскаватора накрывается, через него хлещет вода. Тысячи лягушек, спасаясь, бросаются на экскаватор; другие тысячи их облепляют грунт берегов роемого канала. Вода мутными потоками кружится вокруг напряженной, трещащей машины. Как трактор борозду, машина роет новую реку. Среди вечной неподвижной девственности, в окружении диких прекрасных цветов — экскаватор рвет землю и поднимает кверху железной рукой букеты подводных нежных растений, а затем бросает их прочь. Машинист, облитый маслом и потом, с радостной яростью работает рычагами управления.

Позади экскаватора уже образовалось прямое и точное русло новой реки. Экскаватор работает дальше — вперед, окутанный дымом и паром.

Болото близь колхоза. Под руководством Кузьмы все члены колхоза работают по живот в воде. Колхоз роет лопатами подводный грунт и накладывает его в корзины бабам, которые выносят грунт в корзинах на берег. Грунт — жидкий; по женщинам, когда они уносят корзины, течет грязь. Мужики, роющиеся в болотной жиже, тоже все в грязи. Заросли рвут руками. Миллионы комаров и мух неподвижными тучами стоят над тружениками. Бабы ходят с корзинами из болота на берег и возвращаются обратно. Колхозники копают. Они потеют даже в воде: соленые пятна слившегося пота блестят на их голых телах.

Колхоз углубляет русло по направлению к далекой непроходимой чаще, что стоит стеной вдалеке.

Из-за той чащи показывается дым работающего экскаватора.

Весь водяной колхоз обращается взором в то направление.

Кузьма выходит на берег. За ним выходят все.

Экскаватор бьется уже в последней болотной чаше — от колхоза отделяет его уже небольшое пространство негустого болота.

Кузьма уводит всю артель в деревню.

Колхоз. По улице ходят куры. Горой лежат пустые гробы. Кузьма входит в избу. Висят остановившиеся часы, Кузьма толкает маятник. Часы идут. С пола на стену поднимаются тараканы. Кузьма моет руки, достает из сундука чистую рубаху.

Улица колхоза. Бабы и мужики вышли из изб со свежей одеждой и переодеваются на воздухе.

Экскаватор уже пробился сквозь чащи и работает на виду колхоза, оставляя за собой след в виде новой, геометрически точной реки.

Экскаватор приближается к берегу колхоза.

По берегу к остановившемуся экскаватору идет колхоз. Впереди шествия флаг. Близь флага — Кузьма. Под флагом два колхозника несут на носилках рупор радиогромкоговорителя и принадлежности для радиоприема. Задние несут на шестах антенну. Баба волочит по береговой воде провод заземления. Позади колхозных людей идут общие лошади, Петух, Грачи, Воробьи и одна Собака.

Шествие останавливается на берегу против экскаватора. Кузьма пускает радио. Радио играет музыку. Все члены колхоза дирижируют руками в такт музыке. Экскаватор дает гудок. Ковш опускается под воду. Ковш поднимается, наполненный грунтом. Ковш относится в сторону и сгружает подводный грунт на берег. Движения машины сложны и сознательны.

Середняк находится близь Кузьмы. Он поет от оживления и движется на месте:

«Чья ж теперь машина?»

Машинист отвечает с борта экскаватора.

«Ваша».

Услышав это, весь колхоз в новой одежде с берега бросается в воду. Достигнув экскаватора, люди хватаются за него и с жадностью держатся за причальные брусья. Лошади также подходят вброд к машине. Петух перелетает воду и садится на площадку понтона.

Колхозники влезают на экскаватор. Трогают детали машины, гладят железо, глотают слюни от жадности к новой собственности. Кузьма и Середняк обнимают котел.

Середняк наклоняется ртом с борта, моет губы, вытирает их начисто исподней рубахой и подходит к машинисту. Целует машиниста.

«Мы уже теперь в колхозе не расстанемся. От такого имущества у нас будет покладная общая душа!»

Некоторые колхозники пошли и поплыли в даль — по новому каналу.

Из деревни в канал ручьями тронулась стоячая дотоле вода

Машинист бросается в одежде в новый канал, чтобы вымыться.

Станция железной дороги — невдалеке от колхоза. К станции подходит пассажирский поезд. С поезда сходят несколько рабочих семей с паровозоремонтного завода. Невеста машиниста, празднично одетая, также сходит с поезда. Ее сопровождает молодой человек — ее новый жених.

Снова экскаватор. Середняк, Кузьма и машинист пляшут на понтоне под аккомпанемент прерывистого гудка, рукоять которого дергает один мастеровой.

На берегу появляются люди с поезда. Бывшая невеста машиниста идет под руку со своим женихом.

Для приезжих с экскаватора на берег выкладывается мостик.

Плот с классом кулаков. Меж ними несколько бедняков, в том числе Тучный бедняк, а также Активист. Они видят экскаватор и происшествия на нем. Жердями они подталкивают плот в направлении экскаватора, пробираясь сквозь болотные заросли.

На понтоне экскаватора совершается свидание семей рабочих с колхозниками. Бывшая невеста машиниста представляет ему своего жениха:

«Это мой будущий муж».

Машинист радостно пожимает руку этому мужу:

«Здравствуй, Значит, ты с ней будешь работать в котел нашего класса: все равно»

Кузьма отзывает машиниста к котлу экскаватора и открывает дверцу топки, там погасает огонь.

Но колхозные ребяташки под командой Середняка уже подволокли к экскаватору поезд связанных между собой пустых гробов. Гробы раскалываются и идут в топку экскаватора.

К экскаватору подплывает кулацкий плот. Машина сифонит — из дымовой трубы вырываются языки огня.

Машинист и колхозники глядят на кулацкий плот. Кулаки глядят на экскаватор.

Машинист обращается: «Вы кто?»

Кулак отвечает с плота: «Мы — как класс».

Машинист пускает в ход экскаватор. Ковш приближается к плоту, цепляет его за край и волочит вокруг экскаватора — из камышей на чистый поток. Тучный бедняк кричит с плота, Кузьма объясняет машинисту. Машинист освобождает ковш от плота и приспускает ковш к Тучному бедняку. Бедняк забирается в ковш; с ним садятся еще двое бедняков. Кроме них, за борт ковша уцепился Активист.

Ковш поднимается над водой. Затем останавливается в воздухе. Машинист двигает одним из рычагов, ковш сотрясается, Активист падает в воду. Троих бедняков ковш опускает на берег.

Затем ковш энергично подталкивает плот вперед; плот увлекается течением потока и уплывает в даль, в вечерний сумрак. Девушка подходит к машинисту:

«А если б я стала ждать тебя?»

Машинист думает,

«Зачем? Твой жених тоже мастеровой, и мне еще много надо земли рыть».

Невеста опускает голову.

Середняк подходит к ней:

«Записывайся к нам в колхозные матеря!»

Девушка глядит на Середняка, на машиниста и своего жениха (простого мастерового) и легко улыбается.

Трое людей — Машинист, Жених и Середняк — склоняются к лицу девушки и одновременно целуют ее. Кузьма тоже пытается пролезть между склонившимися туловищами — для дачи своего поцелуя, — но не управляется.

(Обращаю внимание, что этот поцелуй качественно другой, чем знаменитый концовочный поцелуй. Если постановщикам сделать этот поцелуй качественно другим не удастся — тогда не делать поцелуя вовсе. Задача в том, чтобы поднять «поцелуй» из позора и сделать его свежим социально <действенным> явлением).

ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Либретто

Две курсистки астраханских педагогических курсов — Мария Никифоровна Нарышкина и Гюлизар — сидят обнявшись, на койке в общежитии, смеются и раскачиваются. У Марии Никифоровны простое, красивое от молодости, напряженное лицо. У ее подруги, туземки дикого кайсакско-калмыцкого племени, резкое измученное восточное лицо — стоячие, любопытные и внимательные глаза. Говорит Нарышкина. На черных волосах Гюлизар отсвечивает через окно высокое летнее степное солнце. Его свет есть и на полу, но он перебивается тенями летящих в воздухе птиц.

— Где твоя родина, Гюлизар? Есть у тебя там любимое дерево? — спрашивает Нарышкина.

Гюлизар, обмакнув палец в рот, чертит на полу круг. Нарышкина удивляется и не понимает. Гюлизар рассказывает.

— У нас нет родины! Наша родина — путь в пустыне по кочевому кольцу.

Нарышкина нечаянно нащупывает в кармане яблоко, вынимает, откусывает кончик и дает откусить подруге. Гюлизар продолжает.

— Кочевое кольцо есть у каждого племени! Только у моего оно засыхает от песков.

Гюлизар, увлекаясь, говорит о силе пустыни, иногда по привычке закрывая лицо рукой до глаз: она не так давно сняла чадру. Тогда сияют ее глаза, глядящие мимо Нарышкиной. Гюлизар встала, но ходит мягко и не смело. Нарышкина сторожит ее слова и возбуждается.

— А где твое кочевое кольцо? — спрашивает Нарышкина.

— В Кара-Кумской пустыне, в самых песках, на тоненькой полоске редких трав и водопоев!

Отворяется дверь. Входит человек — Мемед, брат Гюлизар. Высокий, сухой, сильный мужчина, в костюме своего племени. Глаза почти неподвижны, как у сестры. Есть что-то в жестах и улыбке от иронии и затаенного отчаяния. Некоторое время он молча стоит и слушает. Девушки его замечают. Гюлизар бросается к нему.

— Мемед! Брат мой! Как давно я тебя не видела!

Мемед целует Гюлизар в щеку. Мягкий почтительный привет Нарышкиной.

Начинают беседовать. Мемед сидит на противоположной койке и коротко отвечает. Чаще за него отвечает сестра. Спрашивает Нарышкина. Она чуть смущается. Мемед говорит сестре, что он приехал за ней, Гюлизар отвечает, что занятия на курсах затянулись и кончатся через неделю.

— Я не скоро вернусь! — говорит Гюлизар. — Возвращайся один!

Мемед думает и улыбается, глядя на сестру. Он не понимает.

— Мы с ней поедem учить детей! — показывает Гюлизар на Нарышкину. — А потом в Москву — учиться больше!

Мемед застенчиво смотрит на обеих. Ему странно, что говорит сестра.

Он дик и чужд в этом месте, ему жалко себя. Он встает и подходит к сестре. Та обнимает его и объясняет свое желание. Мемед говорит, что в племени осталось 200 человек, когда уезжала Гюлизар, было 250 человек.

— Жива Зегидэ? — спрашивает Гюлизар.

— Нет.

— А Фатъма?

— Лежит в песке у Мертвого колодца!

Гюлизар молчит.

— Что же ты будешь делать там теперь? — спрашивает Гюлизар. Ей стыдно.

— Искать траву и спасти людей. Мы думали, ты будешь с нами — ты училась, тебе весь свет видней.

Еще говорят. Главное — тоску о сестре, наверное, навсегда покидающую родное племя, — вождь оставляет внутри себя. Но ее видно.

Входят несколько курсисток. На курсах начинается лекция. Мемед уходит. Сестра его зовет придти еще вечером.

Вечер. Южный летний город. Простой сад педагогических курсов. Много курсисток лежат на траве, сидят на лавочках. Читают. У них скоро зачеты. Отдельно в траве сидят Нарышкина и Гюлизар. Они тоже занимаются. В сад входит Мемед и ищет сестру. Спрашивает у одной курсистки. Та показывает. Мемед подходит и стоит перед подругами.

Все трое гуляют по аллеям. Выходят на конец сада — оттуда виден город и далекая сухая степь, вся в огне вечернего солнца, вся в томительном раздраженном зное. Молча стоят. Мемед машет рукой в степь и говорит. Нарышкина и Гюлизар мучительно слушают его. Им, видно, отчего-то хорошо.

Вечер уже перекрывается ночью по-южному быстро. Последний момент вечера — на границе ночи, когда еще светится степь, — фантастичен. Бесконечность чувственно увлекательна, воздух осязается, почти сразу открываются взору живые горячие звезды.

Нарышкина, Гюлизар и Мемед уходят по косогору в город. Провинция. Заборы. Дома. Хаты. Небольшие сады. Скамейки, на них отдыхающие люди.

Керосиновые лампы в окнах. Группа рабочих с гармоникой. Люди поют и проходят.

Степь. Три фигуры людей. Пустыня ночью как отвлеченное видение. Только трое людей в ней реальны. Они беседуют. Нарышкина веселая. Она заставляет Мемеда взять Гюлизар и себя под руку.

Мемед не умеет. Потом берет и идет среди двух девушек, смущенный и неловкий.

Они возвращаются к дому общежития курсов. Прощаются. Все трое горят молодостью, возбуждением.

— Едем в кочевье! — обращается к обеим Мемед. — Там ветер, говорят, как друг и сердце, всегда свободно! Я вас подожду!

Подруги смеются и уходят.

Выпускной день курсов. Актный зал, 30 — 40 курсисток. 3 — 4 педагога. Зав. Губ. Отд. Народного образования и представитель комитета партии. Говорят приветствия. Представитель комитета партии говорит рубя рукой, грубо и жарко. Зав. Губ. ОНО приветствует умильно. Типы глубокой провинции: коммунист военного образца, тощие просвещенцы, люди неизвестного назначения.

Курсистки не слушают говорящих, увлеченные ожидающей их судьбой, о которой они гадают друг с другом.

Закат солнца. Из ворот курсов выходят курсистки. Некоторые уже с вещами — уезжают домой или на работу. К калитке подходит Мемед. Встречный поток девушек не дает ему войти. Он ждет в стороне. Выходит Нарышкина. Здравуются. Идут рядом по улице.

— Уговорите сестру ехать в пустыню! И сами поезжайте с нею и со мной!

Нарышкина слабо отрицает головой и молча идет. Мемед вздрагивает и напрягается. Он мучается, теряя сестру и Нарышкину, к которой уже потекла вся его кровь.

Улица безлюдна. Ранние звезды светят близко. Одна звезда падает и сечет небо медленно угасающей чертой, от которой в человеке возбуждается страх и радость. Мемед грубо и нежно хватает Нарышкину за полную девичью руку, а сам уже беспомощен и жалок от любви к ней.

Нарышкина кричит и закрывает лицо. Подбегает Гюлизар.

— Что с вами случилось? Я вас искала по всему саду!

Она догадывается и следит за братом. Тот уже совершенно владеет собой. Нарышкина хитро по-женски маскирует событие и, улыбаясь, как бы продолжает с Мемедом равнодушную беседу. Гюлизар говорит:

— Я получила назначение в Сафуту! Даль страшная — отсюда двести верст! Два года надо прослужить, а потом в Москву пошлют! А ты, Муся, куда?

Нарышкина еще не знает — куда.

Мемед начинает прощаться. Подруги удивляются: чего он спешит?

— Я ночью уезжаю на кочевье!

Мемед ласково целуется с сестрой и расстается с Нарышкиной так печально и учтиво, как будто просит у нее прощения и забвения совершившегося.

Он уходит в ночь — один, прямой и твердый, привыкший нападать на пустыню и оставаться живым, напавший на женщину и побежденный.

Подруги глядят ему вслед.

Две подводы едут из города. На одной Нарышкина, а на другой Гюлизар. Степь, столб. Дорога раздваивается. Начало пустыни. Подруги целуются и расстаются. Нарышкина едет одна. Ей долго видна Гюлизар на все более отклоняющейся другой дороге.

Возница Нарышкиной — старик полумертвый и тихий, как пустыня. Вот они в глубине песчаной степи. Далеко дымятся барханы от окрепшего колкого ветра.

Песок начинает метаться совсем близко. Разрастается буря. Яркий день кажется мрачной лунной ночью.

Гюлизар переживает такую же бурю на другом краю пустыни.

Нарышкина въезжает в село Хошутово, куда она назначена учительницей. Хошутово почти совсем занесено песком. На улице целые сугробы его. Им заметены крестьянские усадьбы. Песок доходит до подоконников домов. Около хат стоят лопаты. Растет редкий кустарник у колодцев. Школа. К ней подъезжает Нарышкина. Кругом молчаливая бедность и смиренное отчаяние. На деревенских дворах сложены кизьяки и кучки коровьих лепешек — топливо.

Встречные мужики равнодушны, лица истощены. Редкие дети на улице не бегают, а молча сидят на песке, почти не играя, и лицом похожи на пожилых людей.

Нарышкину встречает сторож — хлопотливый, ошастливленный человек, будто он Нарышкину только и ждал всю жизнь.

На другой день на дворе школы Нарышкина собирает сход крестьян. Крестьяне выглядят как больные люди. Нарышкина им говорит о школе, об учебе детей. Ее напряженно слушают, но на лицах крестьян видно разочарование.

Выходит один крестьянин — он и вначале выделялся из всех: рослый, мускулистый, но тоже истощенный; лицо умное, некрасивое, но привлекательное скрытой силой.

Он говорит:

— Барышня, граждане, это умная женщина. Но только я так полагаю, нас пески замучили. Вон Хатьмы хутора вчистую на мокрые земли сбежали. Школа, конечно, добро — кто скажет? Но и по песчаному делу нам наука и техника нужна! Вот где, я соображаю, будет для нас удовольствие! А грамота — она только при хлебе роскошь, а без хлеба все одно — мученье! Я, конечно, извиняюсь, но песчаную науку надо в школе поставить на престольное место, а то мы вон сажаем шелюгу, а она сохнет, а по-научному видно будет — как и что!

Сход кончается. Нарышкина долго сидит на крыльце школы и думает. В руке у нее книжка. Видна пустыня, видно безлюдное малое село. В Нарышкиной тяжелая дума и борьба. Она видит Мемеда закрыв глаза, а открыв их, видит нищее село. Среди дороги сидит в пыли мальчик, грязный, голый, со старыми белыми, как бы отсутствующими глазами. Нарышкина кличет его. Мальчик, подумав, не спеша подходит, но садится в отдалении и смотрит испуганно и бессознательно.

Нарышкина быстро уходит в школу и выносит оттуда булку мальчику. Тот берет ее, но не ест, а разглядывает и посыпает ее песком, как игрушку.

Нарышкина снова в городе — в губернском Отделе Народного образования. Она говорит с заведующим о необходимости преподавателя в Хошутове песчаной науки.

Ее слушают и вежливо иронически улыбаются.

— Что вы предлагаете, Мария Никифоровна?

— Туда нужен агроном сначала, а не учитель. Там ни хлеб не рождается, ни воды нет. Без победы над песками и суховеями там мне делать нечего.

— А вы сами попробуйте преподавать песчаное дело, Мария Никифоровна, — книг мы вам дадим! А когда трудно будет, агронома к себе из участка тащите!

Нарышкина смеется: агроном живет за полтораста верст и никогда в Хошутове не бывает.

Начальник улыбается и жмет ей руку в знак конца беседы и прощания.

Нарышкина в Хошутове. Усердная общественная работа: идет посадка шелюги и деревьев. Крестьяне роют землю, другие возят посадочные черенки, третьи носят ведрами воду. Дело происходит на краю села. Нарышкина работает с лопатой, изредка отрываясь для указаний. Рядом с ней Николай Кобозев, тот самый, что говорил на первом сходе, и еще один мужик Никита Гавкин, жадный до работы человек.

После работы, под вечер, Нарышкина с Кобозевым и Гавкиным ходит по селу. Гавкин зазывает ее к себе на двор и показывает хозяйство — бедное, но рачительное, чистое, умное и даже изящное. Кобозев — предсельсовета. Днем, а иногда и ночами, в одиночку он работает на посадке больше всех.

Ночью Нарышкина и Кобозев едут через пустыню на дальний питомник за посадочным материалом. Пустыня тиха, холодный месяц над неостывшим песком. Нарышкина рассказывает Кобозеву о Пушкине, Ленине, Эдисоне, Амундсене и об Америке. Кобозев слушает завороченный. Лошадь утомилась; Кобозев распрягает ее и дает корм. Путники ложатся в телегу и понемногу засыпают. Холодает. Это заставляет их прижаться друг к другу и спать обнявшись. Под телегой проползла черепаха.

Степь стоит невнятная и сказочная, окружив сияющим лунным воздухом двух спящих людей.

Кобозев ночью просыпается. Заботливо укрывает Нарышкину своим халатом и подходит к лошади. Нарышкина сладко и блаженно спит, раскрасневшаяся и приоткрыв от усталости полные губы. Кобозеву чудится в лунной пустыне цветение миллионов растений. Далекие пространства наполнены людьми и городами. А женщины, как родные сестры, все похожи на Марию Никифоровну.

Кобозев и Нарышкина въезжают в Хошутово на возу шелюговых прутьев и черенков фруктовых деревьев. Вечереет. Мужики сидят на завалинках. Ребятишки играют в догонялки. Нарышкина прыгает с воза и вступает в игру с детьми. Никто ее не может догнать. Вступают взрослые, но тоже не могут поймать Нарышкину. Красная и веселая, она носится по песчаной пыли в туче оживших ребятишек.

Когда она идет домой, один старик шутит:

— Марь Никифоровна, бери в мужья Ермошку Кобозева: мужик ходкий и свежий! Зажили бы во как, пра!

Нарышкина в ответ беспомощно молчит и краснеет до блеска серых глаз, походя на мальчика.

Прошло два года. Хошутово изменилось. Усадьбы в зелени. Дома заютились. В степи на большом пространстве ровные культурные зеленые посадки. Поля охвачены квадратными полосами кустарника и молодых деревьев. Растет хлеб. Огороды. Есть пруд.

Большой синей лентой уходят насаждения в степь, отрезав у пустыни возделанные земли.

У ворот усадеб сидят бабы, мужики, ребятишки. Плетут из шелюговых прутьев корзины и несложную мебель. Готовая мебель стоит тут же. Народ посытел и повеселел.

На дворах, где раньше были кизяки, лежит хворост. У колодцев молодые принявшие деревья. Молодые сады.

Резкий контраст Хошутова с пустыней. Живой зеленый оазис в безграничной тихой горячей пустой степи.

Нарышкина чуть пополнела и еще больше заневестилась лицом. Она стоит на околице с Кобозевым. С ними старик — овечий пастух.

Нарышкина смеется, потому что Кобозев ей говорит, что советская власть была мертва для народа, а потом стала живой писаной красавицей, когда приехала Мария Никифоровна.

Пастух глядит на солнце, и у него от света мочатся глаза. Все стоят в золотом свете в трепещущем воздухе, туго насыщенные жизнью.

Старик говорит:

— Штой-то кочуёв нету. А должны быть — старуха моя померла тому шестнадцать годов! А кочуй свой срок не упустят!

Нарышкина внимательно прислушивается.

Ей объясняет Кобозев:

— Я мальчиком был, помню, встали утром, а колодцы сухие. Огороды, бахча, поле — все вытоптано. Ночью нашли кочуй, нагнали скота — все поели и воду выпили. Говорят, каждые пятнадцать лет тут проходят по кочевому кругу — когда степь отдохнет и разродится!

Нарышкина задумывается. Кобозев удрученно молчит.

— Все равно придут — беда будет! — говорит пастух.

По песчаной пустыне кочует племя. Лошади, скот, люди — смертельно истощены. На коне едет Мемед — он вождь. Он озабоченно советуется с соседом на коне. Мемед худ, оброс бородой, глаза неистово и печально глядят. Он ищет исход из бедс-

твия. Изредка попадаются травинки, кустики и следы погибших растений. Женщины и дети их откапывают и жуют.

Тихо бредет усталый народец.

Вдали звенит и сверкает живая синяя родящая земля. Мемед и спутники останавливаются и долго всматриваются. Несколько всадников дико бросаются на далекое зеленое видение. Мемед скачет за ними и возвращает всех обратно. Племя делает ставку.

Хошутово. Овечий пастух стариковской рысью спешит по деревне и стучит по окошкам и ставням.

— Кочуй прискакали!

Народ высыпает на улицу. Пастух подбегает к школе и почтительно постукивает в дверь. Выходит Нарышкина. Пастух испуганно говорит. На горизонте пылится степь от топота стад кочевников.

Простоволосая Нарышкина бежит впереди пастуха. В деревне на улице народ. Кобозев в чем-то убеждает крестьян. Крестьяне сумрачны и недоверчивы: они не верят, что можно своей силой отбить кочевников. Нарышкина волнуется. Советуется с Кобозевым и другими крестьянами.

Кобозев исчез, потом явился на лошади верхом.

Нарышкина просит его. Кобозев уступает ей лошадь. Нарышкина садится верхом и галопом скачет в степь.

Несется по степи. Ее скоро нагоняет Кобозев — на хорошем коне. Едут вдвоем.

Ставка кочевников. Нарышкина и Кобозев ищут того, с кем следует говорить. На них испуганно смотрят кочевники и показывают.

Мемед спит, уткнувшись в ветхую кошму. Его облепили мухи. Нарышкина не узнает его и начинает расталкивать. Кобозев стоит тут же с хворостинкой, которой он погонял лошадей.

Мемед вскакивает и дико поражается.

Нарышкина тоже вздрагивает от знакомого почти родного лица.

— Мемед!

Кобозев зло и подозрительно смотрит на обоих.

Мемед владеет собой и мягко, почти счастливо улыбается. Но Нарышкина тоже быстро оправляется — она молода и злобно ревнива за свое двухлетнее дело в пустыне. Лицо ее противоречиво: две разные силы бьются в ней — женское столкнулось с человеческим.

— Мемед! — говорит она нежно и мучительно.

Нарышкина просит Мемеда не трогать оазиса, не травить зелени и поскорее уходить прочь от этого места.

Мемед слушает ее молча и покорно. Те же силы борются в нем, что и в Нарышкиной.

Сам бы он умер в песке, не тронув травинки, посаженной Марьей Никифоровной.

Но есть у него родное племя — Мемед глядит сейчас на него. Там уже ненавидят вождя за непонятное поведение, за продолжение голода — на самом виду травы и воды. Там люди тихо волнуются и шепчутся.

Мемед приходит к внутреннему решению.

Он уже строг и заботлив. Говорит чуждо, потому что его слышат кочевники.

— Травы мало, а людей и скота много, нечего делать, барышня! Если в Хошутове будет больше людей, чем нас, они нас прогонят в степь на смерть — и это будет так же

справедливо, как сейчас. Мы не злы, и вы не злы, но мало травы! Кто-нибудь умирает и ругается!

Нарышкина понимает его намерение и сразу примиряет свое внутреннее противоречие на ненависти к Мемеду.

— Все равно вы негодяй! Мы работали три года, а вы потравите нам все в один час! Смотрите, я буду жаловаться советской власти и вас будут судить!

Кобозев кое о чем догадался. Злоба на Мемеду, как на будущего разрушителя хозяйства Хошутова, помножилась в нем на ревность к Марье Никифоровне. Он жует скульями и наливаются неистраченной кровью — даже шея его потолстела.

— Степь наша, барышня! — холодно и достойно говорит Мемед. — Зачем пришли русские? Кто голоден и ест траву родины, тот не преступник.

— Стало быть, вы нынче всё Хошутово сожжете? — спрашивает Кобозев, забывая себя от сладостной ненависти.

Мемед тихо наклоняет голову, как бы подтверждая слова Кобозева.

Кобозев туго и с размаху бьет Мемеду по лицу прутом. Мемед круто рвет голову, сжимается всем телом и готовится к прыжку, но его глаза встречаются со взглядом Нарышкиной. Та смотрит на него в этот миг со старой нежностью, участием и испугом.

Мемед сразу останавливается, скорбно улыбается и закрывает рукою кровь на лице.

Нарышкина энергично укоряет Кобозева и безнадежно глядит на Мемеду, утрачивая его навсегда.

Нарышкина и Кобозев обратно скачут в Хошутово. Им вслед наблюдает Мемед.

Бледная летняя ночь в пустыне. Племя дремлет в кошаре. Спят полураздетые худые женщины. К ним приникли тощие дети, они водят тонкими руками в бреду. Валяются полумертвые животные.

Мемед бродит по ставке один. Укрывает костлявые синие ноги спящих женщин и смотрит на детей в тряпках, старчески дремлющих с полуоткрытыми невидящими глазами.

Изредка поднимается какой-нибудь человек и, невнятно пробормотав, не просыпаясь, валится вновь.

Ползет черепаха. Мемед ее берет. Вытягивает голову из-под панцыря и душит пальцами. Потом швыряет прочь.

Мемед мучается. Выходит за ставку племени и долго глядит в сторону Хошутова, где клубится печной дым.

В мареве светлой ночи маячат две фигуры, идущие из Хошутова.

Мемед ждет. Подходят два кочевника. За плечами у них по мешку картошек. Они говорят:

— Мемед, чего мучаешь весь род — пора начинать! Тебе барышня нужна — иди к ней или садись на коня и берем у русских траву и хлеб!

Мемед молчит и отходит от них.

Ранняя заря. Мемед мечется вокруг ставки. К нему подходит группа кочевников. Они злы и нетерпеливы:

— Говори слово, Мемед!

Мемед смотрит в обратную сторону. Потом оборачивается и утвердительно машет рукою.

Дико и весело скачет сотня всадников. За ними отстают на худых лошадях кибитки, потом топчется голодное стадо скота.

Хошутово ближе и ближе.

Видна яркая рослая зелень искусственных насаждений. Полосы хлебов и огороды. Десятки десятин шелюги. Приветливые колодцы. Курятся дымом хаты. Полосы молодых деревьев, уходящие далеко в степь.

От кочевников пыль и звон.

Утро поджигает воздух зарей и сушит блеск росы на хошутовском оазисе.

Всадники врезаются в насаждения и исчезают в их глубине. Туда же проваливается все племя — кибитки и скот. Над зеленью поднимается пыль и окутывает ее. На огородах, на хлебах — жадные стада.

Нарышкина — запыленная, в платочке, печальная, жалкая — въезжает в город.

Она у Зав. Губ. Отделом Народного образования. Ожесточенно убеждает начальника. Тот покорно и умно слушает. Потом говорит:

— Знаете что, Мария Никифоровна, пожалуй, в Хошутове теперь обойдутся и без вас!

— Это как же? — изумляется Нарышкина.

— А так. Население уже обучилось бороться с песками и, когда уйдут кочевники, начнет шелюгу садить снова! А вы не согласились бы перевестись в Сафуту?

— Там же Гюлизар! — говорит Нарышкина.

— Гюлизар умерла от чумы — три месяца в Сафуте нет никого!

Нарышкина вскакивает на ноги и преображается от горя:

— Гюлизар теперь нет?

Заведующий подтверждает головой и наблюдает за Нарышкиной.

Нарышкина берет себя в руки.

— Что это за Сафута? — невнимательно спрашивает она.

— Сафута — тоже село. Только там селятся не русские переселенцы, а кочевники, переходящие на оседлость. С каждым годом их становится все больше. В Сафуте пески, были задернелые и не действовали, а мы боимся вот чего — пески растопчутся двинутся на Сафуту, население обеднеет и снова станет кочевать!

— А при чем тут я? — спрашивает Нарышкина. — Что я вам — укротительница кочевников, что ли? — Нарышкина возмущена и легкой походкой носится по комнате. Заведующий терпеливо возражает.

— Если кочевников обучить культуре песков, они сядут на оседлость и не разбегутся! Остальные кочевники тоже не удержатся долго в пустыне и либо вымрут, либо заживут оседло! Все реже и реже будут истребляться посадки русских поселенцев!.. Заместительницу Гюлизар найти невозможно — глушь, даль — все отказываются. Как вы на это смотрите, Марья Никифоровна?

Нарышкина мучительно задумывается. Личное вновь в ней борется с общественным: неужели молодость придется похоронить в песчаной пустыне среди диких кочевников и умереть в шелюговом кустарнике, считая это полумертвое деревцо лучшим для себя памятником и высшей славой жизни. А где же ее муж и спутник?

В воображении ее — пустыня, нищие мужики сажают деревья, следом кочевники их топчут конями. И оба — кочевник и русский крестьянин — лежат мертвыми на поваленном обглоданном деревце.

— Ладно... Я согласна... Постараюсь приехать к вам через пятьдесят лет старушкой... Приеду не по песку, а по лесной дороге. Будьте здоровы, дожидайтесь!

Заведующий в удивлении и в радости подходит к ней. Улыбаясь, Нарышкина смотрит ему в глаза.

Снова степь. Нарышкина едет среди барханов. За барханами бесконечный ровный гнетущий ландшафт. Нарышкина говорит с возницей.

Тот ей лукаво что-то рассказывает. Нарышкина хохочет.

То же племя. Медленно пробивается сквозь песчаную бурю. Мемед среди всадников. Племя еще более ужасно по виду людей. В кибитках кучи больных женщин и детей. Многие — совсем голые. Костлявые желтые грязные тела. Отдель — позади — повозка, в ней мертвые люди и дети — под ковром. Беспомощно мотаются холодные почерневшие ноги. Седой старик бредет рядом и поправляет свалившиеся тела. Одна мертвая женщина сползла и упала. Старик не сразу это заметил, потом оглянулся, пошел к ней. Повозка с умершими отъехала от него. Старик сел возле мертвой и так остался:

— Айша моя! Любимая моя жена!

Его заволакивает мечущийся песок.

Племя продолжает ход. Сломленное ураганом, рвущим кибитки, оно останавливается. Собираются мужики и совещаются. Мемед среди них.

— Сначала похороним своих родных! — говорит он.

Нарышкина въезжает в Сафуту. Бедная маленькая деревня. Есть зеленые насаждения, но их мало, гораздо меньше, чем в Хошутове. Ей попадаются встречные — не русские мужики, а оседлые кочевники. Они робко и почтительно глядят вслед телеге Нарышкиной.

В начале улицы шелюга посажена в круг. Посреди круга высокая клумба в редких засохших цветах. Нарышкина соскакивает с повозки и подходит.

Клумба — могильный холм. Стоит низкий холмик с доской. На доске кривая надпись красной краской: «Учительница ГЮЛИЗАР. Померла от болезни чумы».

Нарышкина стоит спиной.

Племя. Совещается несколько человек и Мемед. Буря стихла.

Пожилой кочевник говорит:

— Тут близко Сафута. Там наш народ — лучше места нету. Мы помираем — пойдем в Сафуту в совет и возьмем оседлость. Степь больше травы не дает, колодцы наши мертвы!

Мемед думает. Другие говорят меж собой.

Тот же пожилой кочевник предлагает:

— Иди, Мемед, в Сафуту в совет — проси оседлость! Ты говорил — там есть твоя сестра Гюлизар!

Мемед берет коня и скачет в Сафуту по степи. Мемед от голода, горя и забот выглядит совсем стариком. Он оборван, страшен и мчится почти в беспамятстве.

Сафута. Встречается оседлый кочевник.

— Где школа? — кричит Мемед.

Встречный показывает рукой на большую хату. Мемед подъезжает, сходит с коня и, качаясь, идет к окну. Стучит и зовет:

— Гюлизар!

Потом подходит к двери и ждет. Никто не выходит. Мемед мрачно озирается и вновь зовет:

— Гюлизар!

Выходит Нарышкина.

Мемед весь слабеет и глядит на нее, как бы не узнавая.

Нарышкина стоит на крыльце и с робкой нежностью видит Мемеда.

ОТЕЦ-МАТЬ

(сценарий)

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. Женя, лет 22 — 24, помощник паровозного машиниста.
2. Катя Бессоне-Фавор, лет 20 — 21.
3. Трамвайная кондукторша, лет 25 — 30.
4. Степан, мальчик лет 8 — 10, на вид ему меньше.
5. Иван Безгадов, 26 — 28 лет, директор кинотеатра.
6. Константин Неверкин, 22 — 23 лет.
7. Почтальон, лет около сорока.
8. Люсьен, негр, паровозный машинист.
9. Слепой старик.
10. Его поводырь, мальчик лет 5 — 6.
11. Счастливый служащий загса.

ПРИМЕЧАНИЯ К СЦЕНАРИЮ

Картину надо ставить и играть в сухой, жесткой, экономной манере, без всякой сентиментальности. Как на пример постановки того стиля, который бы наиболее соответствовал теме этого сценария, можно указать на «Парижанку» Чаплина. Роль мальчика Степана должна исполняться артистически, а не рефлекторно — как часто играют дети в кино, и также — без всякой сентиментальности и детской «обворожительности». Сценарий рассчитан главным образом на игру актера. Основной, исходной мелодией для музыкального оформления сценария следует взять, по-моему, «Сурок» Бетховена.

Автор

Поздняя ночь. Московский бульвар (на кольце «А», например). Редкие фигуры людей. Пустой трамвай едет по уличному проезду за деревьями бульвара. В прицепном вагоне одна кондукторша. Этот трамвай останавливается. В прицепной вагон входит один пассажир. Трамвай поехал. Огни окон его освещают бегущими полосами почти пустой бульвар: стволы деревьев, скамейки, дорожки, будки напитков, «Эскимо», редкие парные фигуры. В заднем тамбуре быстро едущего прицепного трамвайного вагона пара людей: почтальон и кондукторша. Пассажир-почтальон нежно кладет руку на плечо кондукторши. Другой рукой он гладит ее сумку с деньгами. Бежит свет окон по бульварной изгороди: трамвай мчится.

Слабо освещенное место бульвара: стоят мужчина и женщина. Мужчина целует женщину. (Усиливающийся шум приближающегося трамвая). Мужчина не отрывает

ется от женщины. Полосы трамвайного света бегут по ним: по одежде и лицам. Трамвай остановился за бульварной изгородью — против целующихся на бульваре. В тамбуре заднего прицепного вагона почтальон целует кондукторшу. Извне — с другой точки зрения — трамвайный поезд стоит. Выглядывает вожатый назад: пустая улица. Вожатый скрывается на свое место. Бульвар с прежними фигурами мужчины и женщины, стоящими в объятиях. Виден трамвай против них: сцена в тамбуре прицепа. Задний тамбур прицепа: пассажир, прильнувший к кондукторше, поднимает левую руку. Дергает бечеву звонка. Трамвай трогается. Мужчина на бульваре отклонился от женщины.

— Ура! — кричит он и машет рукою приветствие в сторону поехавшего трамвая.

Трамвайный тамбур с двумя фигурами быстро помчался в даль, звеня своими звонками.

Бульвар. Две прежние фигуры.

— Ура, товарищ! — кричит человек с бульвара.

Женщина: Иван, не безобразничай. Брейся чаще, если хочешь целоваться. Ты колешься.

Мужчина: Терпи. Женою будешь.

Он берет ее под руку.

Женщина: Не будешь бриться, я губы краской мазать буду, ты отравишься.

Мужчина: Ничего: я потом отплююсь.

Они пошли по бульвару, удаляясь. Они идут по тротуару, мимо домов. Гортанный, долгий голос мучающегося человека, похожий и на плач ребенка. Вывески: «Венерическая клиника». «Ночной профилакторий». Фасад большого дома. Палисадник. Второй этаж: открыты окна, свет из окон падает на девственную зелень кустов палисадника. Из этих окон звучит страдающий голос. Мужчина (Безгадов) и женщина (Женя) останавливаются у фасада с вывеской. Страдающий голос в окне профилактория немного утихает.

Другой спокойный голос (врача) говорит:

— Кричи, кричи еще... Ну!

Голос страдальца:

— Сейчас... Больно, опять больно! (Кричит по-прежнему).

Голос врача:

— А любить, а целоваться хорошо было? Хорошо? Пой теперь, пой! Вот, вот-вот-вот...

Женя и Безгадов на площади. Развороченная мостовая. Траншея. Прожектора над ней. Грузовики. Рабочие.

Женя: Это что — он кричал. Ему вроде аборта делают?

Безгадов: Вроде него.

Женя: А тебе никогда не делали?

Безгадов: Нет. Я роженица.

Женя: Наш дом пополам режут.

Безгадов: А где мы жить будем, когда женимся?

Женя: У нас же. Наша половина остается. Жалко: кого выселяют, тем квартиры в новых домах дают. Я даже плакала, что нас не выселяют.

Полдома. Другая половина лежит в руинах. Женя и Безгадов показываются издали по тротуару. Из уцелевшего подъезда полдома выходит ребенок: на вид ему лет шесть-семь. (На нем калоши на босую ногу, штаны об одной пуговице, рубашка).

Мальчик глядит в одну сторону улицы, противоположную той, откуда идут Безгадов и Женя. Там безлюдье. Горят фонари. Блестит чистота.

Мальчик: Налопались харчей, теперь спать легли до завтрашнего дня.

Глядит в сторону идущих — Безгадова и Жени.

Мальчик: Двое идут. Пускай идут. Не те люди ходят.

Женя и Безгадов идут; их видно сзади; за ними — впереди их — фигура ребенка.

Женя говорит:

— Вон мальчик стоит. Как он поздно не спит, жалкий чертенок!

Безгадов: Он мать дожидается... Женя, значит, завтра мне бриться?

Женя: Да придется! Завтра ведь у нас что?

Безгадов: Завтра у нас свадьба с тобой, завтра в загс пойдем.

Женя: Ах, да!

Безгадов целует ее на ходу.

Женя: Это что такое? У меня экзема пойдет.

Мальчик вынимает из штанов милицейский свисток. Свистит. Безгадов и Женя подходят к мальчику. Безгадов вынимает бумажник и три рубля.

— Возьми, бригадмил, на конфеты.

Мальчик: Проходите, гражданин. Я не побираюсь, я сирота. И отворачивается.

Женя садится перед ребенком на корточки.

— Что же ты не спишь так поздно?

Мальчик (не глядя на нее): Свое дело есть.

Женя (вставая): Какой мальчик чудный! Я обязательно рожу такого же.

Безгадов и Женя уходят в подъезд.

Мальчик (один): Ступай рожай. Вам хорошо целоваться, а мне жить потом приходится.

Большой коридор. В конце его горит ночная лампочка. Тишина. Пустота. Внутренность хорошо убранной комнаты: на стене — около большого окна — портреты Сталина и Пушкина, а между ними фотография Жени. Тумбочка с телефоном. Шкафы. Прочая мебель. Большая кровать. На ней спит одна Женя, выставив из-под одеяла наружу лицо, открыв полудетский рот. Дверь из этой комнаты в кухню. Кухня; газовая плита; на этой плите, на сложном постельном сооружении, спит Безгадов. Около плиты на стене часы-ходики. На них часа три. Сумрак. Тишина. Тикают ходики.

Далекий робкий стук. Пауза. Стук повторяется в другом месте. Безгадов спит. Женя спит. Идет кто-то небольшими шагами где-то по коридору, шлепают калоши по полу. Пауза. Стук в дверь в комнату Жени. Женя приоткрыла один глаз, но глаз ее бессознательный и спящий. Опять стук в дверь — довольно сильный. Женя приоткрывает другой глаз, но не просыпается. Пауза. Те же шаги по коридору, их удаляющийся звук.

Пустой коридор. По нем удаляется мальчик, шлепая калошами. Женя смеется во сне; она шепчет что-то неслышно. Она говорит вслух:

— Ты мой мальчик из отрезанного дома... Довольно. Мне плохо, мне стыдно... Брейтесь все, вы колетесь своей щетиной...

Звонок телефона на тумбочке. Женя открывает глаза и вновь закрывает их. Звонок телефона повторяется. Безгадов просыпается. Трогает пальцами стрелки часов-ходиков.

— Четвертый час. Какой это ангел блуждающий звонит?

Звонок телефона. Женя вскакивает из-под одеяла, сонная и непонимающая. Берет трубку.

— А! Тебе чего?.. Это ты, Ванька? Сказала, что завтра. Я сплю, я устала. Безгадов улыбается в кухне на плите. Женя молчит, прижав к уху трубку.

— Я вас не понимаю...

Пауза.

— Я Женя. А ты?

Пауза.

— Я не мама.

Пауза. Женя улыбается.

— Вспомнила, вспомнила... Иди скорее греться ко мне в кровать, ты застыл ведь... Квартира двадцать семь. Двадцать семь, третий этаж. Не шуми только...

Женя кладет трубку. Повертывает ключ и приоткрывает дверь в коридор. Прячется под одеяло. Безгадов то садится, то снова ложится на кухонной плите; лицо его печальное. Он пальцем останавливает маятник часов. Открывает и закрывает газовый кран плиты. Находит свой пояс от брюк. Делает из него петлю. Примеряет на свое горло.

Вестибюль этого дома. Телефон-автомат. Мальчик вешает трубку:

— Насилу дозвонился.

Та же квартира. Утро. Свет в окне. Кровать Жени. Женя и мальчик спят под одним одеялом. Около кровати стоят калоши ребенка. На стуле лежат его штаны и рубашка. Безгадов, уже одетый, делает завтрак на очищенной от постели плите: жарит колбасу на сковороде. Похихатывает и прохаркивается. Гладит свой живот. В животе у него бурчит; Безгадов слегка наклоняется и говорит себе в живот:

— Сейчас, сейчас, фашист, сейчас наешься: не мешай думать уму.

Гладит живот. Голос Жени из комнаты:

— Ваня, с добрым утром!

Безгадов: А, Невеста! Ну что ж: с добрым утром!

Женя: Ты сейчас не брейся, а то к вечеру опять отрасли. Лучше попозже.

Безгадов: Я два раза побреюсь, я ведь усердный.

Комната Жени. Женя, Безгадов и мальчик завтракают за столом. Мальчик ест бережливо и осторожно. Колбасы берет мало, хлеба много.

Женя: Как же ты мой телефон узнал?

Мальчик: На дверке прочитал. Я ведь к тебе стучался. Ты спишь крепко — сопела.

Безгадов: А ты чей?

Мальчик: Я ничей, я отца-мать хожу и ищу.

Безгадов: Жулик-беспризорник, что ль?

Мальчик: Нет... Меня тетка загрызла, я хлеба много ем и портки протираю. А я хожу-хожу, спрашиваю и говорю, никто их не знает.

Безгадов: Кого?

Мальчик: Ни отца, ни матери. А меня тетка за них по морде костяной рукою бьет.

Женя: А отец-то с матерью твои живут где-нибудь?

Мальчик: Никто не говорит, пойду сейчас спрашивать. Может, есть, — а ребят ведь много на свете, одного взяли и забыли.

Безгадов: А почему ты в детском саду не живешь?

Мальчик: Говорю же тебе, отца-мать хожу ищу. Детских садов много — туда я успею.

Женя: Ну, живи пока у нас. Я найду тебе отца с матерью.

Мальчик: Потерпим.

Женя глядит на свои ручные часы:

— Мне пора.

Она встает. Надевает плащ, прилаживает на голову шапочку с техническим значком — паровозом на боку, берет чемодан — железный сундучок.

Безгадов: Женя, вечером наша свадьба.

Женя прощается с мальчиком, дает руку Безгадову. Она говорит:

— Нет, я еще подумаю.

Уходит.

Вечер на улице Горького. Идет празднично одетый Безгадов с покупками. Рядом с ним мальчик, одетый наново, с букетом цветов, завернутых в бумагу. Безгадов приседает около мальчика:

— Как морда?

Мальчик пробует его щеки и подбородок:

— Гладкая.

Безгадов: Спроси у милиционера, где ближний загс. Я знаю где, но мы лучше проверим. Безгадов останавливается на тротуаре. Мальчик сходит с тротуара на проезд. Милиционер-женщина среди улицы. К ней подходит мальчик. Милиционерша отдает ему честь. Мальчик говорит. Милиционерша не слышит. Она приседает к нему.

Мальчик: Где тут свадьбы записывают?

Милиционерша отвечает ему, показывая жестами: прямо, направо, налево, направо...

Мальчик: Я найду. Гляди, вон дорогу переходят: свисти скорей... Забываешь!

Милиционерша вскакивает. Безгадов и мальчик идут снова рядом по тротуару.

Квартира Жени. Она одна: убрана как невеста. Стук в дверь. Входят Безгадов и мальчик.

Женя: Я готова.

Безгадов: Пошли поскорей, чего терпеть-то?

Женя: Ты подожди. Мы сначала с ним вдвоем пойдем. Ты придешь через час.

Безгадов удивлен: у него вырывается звук, похожий на короткую икоту. Женя берет мальчика за руку. Идет с ним к выходу. Оборачивается и показывает язык. Уходит. Безгадов открывает настежь окно на улицу. Отходит от него в противоположный конец комнаты. Разбегается. Добежал до подоконника, вскочил на него, побалансировал руками, стоя на подоконнике. Возвращается обратно в другой конец комнаты. Разбегается снова и, пробегая мимо стола, хватает кусок колбасы, садится на подоконник, ест колбасу.

Загс. Внутреннее убранство. Счастливый служащий за столом. К столу подходят Женя и мальчик. Счастливый служащий встает им навстречу (он счастлив от воображения чужой любви, как бы организуемой им посредством документа). Женя с мальчиком у стола.

— Я хочу усыновить этого ребенка.

Счастливый служащий жмет ей руку.

Подает руку и мальчику.

— Очень рад. Добра советская <страна>! Позвольте ваш документик.

Женя дает ему паспорт.

Счастливый служащий берет паспорт, садится, высовывает влажный язык, наслаждающийся при исполнении служебных обязанностей (когда он пишет, язык его делает те же примерно движения, что и его перо).

Счастливым служащим:

— Имя ребенка? Сколько лет?

Женя в недоумении.

Она смотрит на мальчика.

Мальчик садится в кресло.

Мальчик: Если б были отец с матерью, они бы знали. И звать они знают как. Я все позабыл.

Служащий прячет язык.

— А вы согласны усыновляться?

Пауза.

Мальчик: Приходится.

Служащий: Как же позволите записать?

Мальчик: Пиши меня Степкой.

Служащий (высовывая язык): Степан! Звучно ли это? Как вы находите?

Женя: По-моему, звучно.

Служащий страстно пишет, работая в такт высунутым языком.

— А лет сколько?

Мальчик: Пиши десять, одиннадцатый. Скорее в Красную Армию пойду.

Все стоят. Служащий прощается со Степаном.

Женя (Степану): Ступай, позови сюда отца. Я здесь подожду.

Степан уходит.

Служащий: Ах, у него и отец есть?

Женя: Сейчас будет.

Садится в кресло. Служащий уходит из-за стола. Возвращается с небольшим букетом цветов. Подает цветы Жене.

— Это вам от нашего государства.

Пустая комната Жени. Обильно накрытый стол. Голоса и звуки шагов за дверью — в коридоре. Входит Женя. Входит Безгадов со Степаном на руках.

Женя (снимая синий плащ): Ну, вот у нас с тобой сразу готовый сын, сразу эпоха освоения.

Безгадов издает икающий звук. Ссаживает Степана с рук. Отряхивается.

— Лучше б сначала было строительство — тяжелое, потом легкое, потом уж освоение.

Степан: Мама! Довольно вам глупости говорить, а то я вас брошу.

Женя хватая Степана на руки, прижимает его к себе и целует. Безгадов издает икающее восклицание, оперирует руками вокруг Жени:

— Рук некуда приложить.

Звонок телефона.

Женя: Обождите... Гости на свадьбу идут...

Опускает Степана с рук, хлопчет у стола.

Степан: Будет вам задаваться своей свадьбой-то! Форсуны!

Степан берет подушку с постели. Идет с подушкой в кухню. Кладет подушку на газовую плиту. Снимает кастрюльки, сковородки с плиты.

Комната Жени. Женя и Безгадов. Голоса за дверью. Стук нескольких рук. Затемнение. Тишина. Сумрак. Комната Жени. Стол с истраченной закуской, с пустыми бутылками вин, обычный беспорядок после гостей. Кровать Жени: на ней тесно спят трое — Женя, Степан и Безгадов — мальчик посередине, муж и жена по краям. В окне — заря ясного будущего дня. Безгадов шевелится во сне и вываливается из-под одеяла на пол. Лежит в белье на полу, не проснувшись. Спит. Затемнение.

На кровати спит один Степан. Около кровати маленький столик: на нем готовый детский завтрак — булка, масло, бутылка молока, стакан кофе; на этом стакане листок бумаги — записка. Стучат в дверь. Степан спит. Стучат второй раз. Дверь приоткрывается. Заглядывает почтальон. Осторожно входит. Кладет газету на стол.

Видит спящего ребенка. Подходит к постели. Осторожно гладит его рукой по голове. Берет записку со стакана. Читает. Записка печатными буквами: «Милый Степ! Ешь все обязательно. Захочешь еще — найдешь в шкафу. Мы на работе. Принесу книжки и игрушки. Сходи погуляй немного. Твоя мама Женя». Кладет записку обратно. Берет бутылку молока. Пьет половину бутылки. Ставит ее обратно:

— Ужасно много оставляют ребенку. Обкармливают детей!

Вынимает из закоулков сумки старые, погашенные марки. Кладет их на столик, где завтрак:

— Пускай играет — ум развивает. По маркам все видно — где фашизм, где коммунизм, где посредственно.

Уходит.

Вестибюль кинотеатра: кассы, очередь людей за билетами, рекламные афиши, дверь в кабинет директора, окошко администратора. Среди публики группа: Катя Бессоне-Фавор, Константин Неверкин и еще трое их товарищей: двое юношей, одна девушка. Между ними какое-то разногласие. Катя Бессоне и Неверкин спорят и ссорятся. Катя отходит от Неверкина. Она становится к окну администратора — спиной к зрителю. Говорит туда. Отходит. Стучит в дверь директора. Входит в его кабинет. Кабинет директора кинотеатра изнутри. За столом директора — Безгадов. К столику подходит Катя Бессоне.

— Здравствуйте! Дайте мне, пожалуйста, билет.

Безгадов (рассеянно): Билет в кассе... А вы кто будете?

Катя: Да просто так — никто. Я девушка.

Безгадов: Девушка! Смотря какая — знатная или нет?

Катя (печально): Нет: я обыкновенная.

Безгадов: Обыкновенная?! Что же так — пора уж знатной быть.

Катя: Я хотела, но не велят. Я хотела прыгнуть с десяти тысяч метров, только у меня сердце болит. Раньше оно не болело.

Пауза. Безгадов сосредоточенно, даже глубокомысленно занимается. Катя стоит, берет со стола бланки пропусков, рассеянно отрывает один бланк, держит его в руке.

Безгадов (вспомнив о посетительнице): Сердце болит?! Пусть перестанет и не болит.

Катя: Не может. Оно любит и ослабело.

Безгадов, кратко икнув:

— Любит? Напрасно. Кого?

Катя: Так — одного. А он нечаянно разлюбил меня.

Садится у стола. Боится заплакать: морщит лицо в усилиях, чтобы оставить его равнодушным. Безгадов протягивает к ней руку через стол: не достает. Берет линейку. Линейкой дотягивается и гладит ей волосы этой линейкой. Стук в дверь.

Безгадов (рассеянно): Да-да!

Бросает линейку. Показывается Константин Неверкин. Является к столу.

Неверкин: Товарищ директор! Там билеты все проданы, остались одни откидные стулья — скажи, пожалуйста, чтоб их продавали.

Катя (кратко): Костя! На тебе контрамарку.

Отдает ему листок из рук.

Неверкин (беря контрамарку): Четыре же нужно!

Катя: Пять! Я — пятая.

Безгадов: Откуда вы, черти?

У Кати льются слезы, но она храбро глядит на Безгадова преувеличенно открытыми <глазами>, точно ничего не случилось. Неверкин стоит с чуждым, равнодушным видом.

Катя: Товарищ директор! Это — Костя: он меня не любит.

Неверкин: Нет, нипочем!

Безгадов: А почему?

Неверкин: Вопрос!! Мироззрением не сошлись.

Безгадов: Дайте пропуск: я напишу два места.

Катя: Нам с Костей?.. Спасибо!

Неверкин дает листок. Безгадов берет и пишет:

— Не с Костей, а с Ваней. Мне нравится ваше мироззрение.

Отдает пропуск Кате. Та берет его.

Безгадов: Ступайте в зал. Я сейчас приду.

Катя встает, неуверенно движется к двери, быстро пудрит личико, уходит. Безгадов закрывает стол ключами. Неверкин стоит озадаченным, напрягая лицо и лоб для размышления. Безгадов выходит из-за стола, берется за выключатель.

Неверкин: А я?

Безгадов: А вы завтра на дневной сеанс придете.

Тушит свет. Уходит. Остается силуэт Неверкина.

Неверкин: Ну и гад!.. Во картина — боевик в одной серии!

Затемнение.

Ночь. Из московского кинотеатра выходит поток людей. Из потока отделяется Безгадов под руку с Катей. Они уходят по тротуару, Безгадов низко склоняется к лицу Кати. Из подъезда дома, где живут Безгадовы, выходит Степан с маленьким чемоданом в руках. Глядит направо-налево по улице. Направляется по тротуару, мимо сотен спешащих людей. Он идет медленно. Останавливается. Внимательно всматривается в лица всех пожилых людей — мужчин и женщин:

— Все чужие ходят: отца — матери нету. Беда, да и только!

Идет неуверенно далее. Голос Жени:

— Степа!

Она бежит через дорогу. Степан останавливается. Свистки милиционеров. Бегут два милиционера к Жене. Женя хватает на руки Степана. Милиционеры подбегают к матери и сыну. Женя стоит, держа на руках Степана. Милиционеры останавливаются около нее, улыбаются и отдают честь. Женя несет Степана на руках.

Женя: Ты куда собрался?

Степан: По своему делу.

Женя: По какому своему?

Степан: Отца-мать искать.

Женя: Зачем? Ведь я твоя мама.

Степан молчит, потом:

— А отец где? Одной матери мало.

Женя: Он на работе, скоро придет... Ты что? — ты соскучился, ты плакал по мне?

Степан: Никто не плакал. Я чемодан в дорогу собирал... Харчи накладывал туда.

Дом Жени. Около подъезда стоит одна Катя Бессоне. Женя опускает сына на тротуар. Степан смотрит на верхние этажи дома. Свет в окне на третьем этаже.

Степан: Отец пришел. Свет горит, а я потушил.

Степан входит в подъезд. Женя идет за ним. Свет в окне на третьем этаже. Свет гаснет. Катя прохаживается по тротуару. Из подъезда поспешно вырывается Безгадов, в то время как рука Жени удерживает его и на мгновение показывается сама смеющаяся Женя и затем она скрывается в подъезде. Безгадов идет рядом с Катей, тяжело дышит, говорит Кате:

— Я обязан был мамочке сказать, что я еще погуляю.

Катя, беря Безгадова под руку: А может, детишкам?

Безгадов: Не надо пошлости!

Идут под руку. Безгадов вдруг освобождает свою руку от Кати. Сует руки в карманы.

— Я кажется спички забыл.

Темное окно на третьем этаже. Вспыхивает свет. Катя и Безгадов.

Катя: Вы же не курите!

Безгадов: Ах да! Я ведь бросил.

Освещенное окно третьего этажа. В окне появляется лицо Степана. Степан озирает улицу. Появляется фигура Жени в окне. Женя отворяет окно. Женя и Степан, улегшись на подоконник, глядят на улицу, вслед Безгадову и Кате. Степан кричит (видно под движению рта) неслышные слова — «папа, иди домой, стервец!» Безгадов и Катя в лицо. Безгадов слышит слова, падающие на него из воздуха: «папа... стервец!» Катя не слышит или не понимает этих слов. Вдали — позади идущей пары — видны две головы — Жени и Степана, глядящие вслед Кате и Безгадову с высоты третьего этажа. Безгадов, освобождая руку от Кати:

— Пойду вернусь за спичками, я опять захотел курить.

Катя: Вредно же. Потерпите, пока меня провожаете. Неужели трудно?

Безгадов (мужественно): Нет, легко.

Проходят, не оборачиваясь. Новый дом. Цветник, освещенный откуда-то электричеством. Стоят Катя и Безгадов. Он держит ее руки в своих.

Катя: Значит, вы меня так сразу и полюбили?

Безгадов (убежденно): Враз.

Катя: Ну ладно, любите, не забывайте. Спокойной ночи.

Вырывает свои руки. Бежит в подъезд.

Безгадов: Подождите. Когда же мы с вами встретимся... Катя!

Катя (оглянувшись): Когда-нибудь... Когда в кино приду. Исчезает в подъезде.

Безгадов (один): А жизнь ведь неплохая!.. Протерпим!

Трамвайная остановка поздно ночью. Стоят несколько пассажиров — среди них Безгадов и почтальон с пустой, худой сумкой. Подходит пустой трамвай. Пассажиры, кроме Безгадова и почтальона, садятся в моторный вагон. Безгадов входит в прицеп, где лишь одна кондукторша. За ним — почтальон. Трамвай поехал. Безгадов вынимает пять рублей, дает кондукторше.

Почтальон: Сдачи нет, гражданин, перейдите на остановке в моторный вагон.

Кондукторша: Сдачи нет, гражданин.

Безгадов смотрит на них обоих, а они — на него, как невинные: это те же лица, которые Безгадов видел с бульвара, когда целовался с Женей.

Безгадов: У меня мелочь есть.

Роеся в кармане. Дает кондукторше деньги.

Почтальон: Тьфу ты, случайность какая!

И перехватывает деньги из рук Безгадова. Считает их.

— Здесь только девять копеек! Ступай, гражданин, на мотор, не утомляй сам себя и кондуктора! Трамвай останавливается. Почтальон отдает деньги Безгадову.

Безгадов (почтальону): Жене изменять пришел?

Почтальон: Дура! Здесь любовь, а не измена.

Осторожно обнимает кондукторшу. Через переднюю площадку входит вагоновожатый:

— Что ж, мы будем до утра здесь стоять?

Почтальон: Трогай!

И дергает бечеву звонка. Вожатый уходит. Почтальон достает из кармана монету, дает ее Безгадову:

— На тебе копейку, возьми билет. Ты нам безразличен: не фигура!

Трамвай поехал. Безгадов бросается в задний тамбур и соскакивает на ходу.

Темная комната Жени. Отворяется дверь. Входит на носках Безгадов. Включает свет. На кровати спят, обнявшись, Женя с сыном, беспомощные и бессознательные. На столе, на чистом полотенце — котлета, бутерброд, стакан молока: ужин, оставленный для Безгадова. К короткому диванчику приставлен стул и сделана постель. Безгадов берет котлету с булкой, выключает свет: тьма.

Утро. Безгадов лежит на коротком диванчике. Около него стоит Женя.

Женя: С кем ты вчера был?

Безгадов (устало): А!.. Да это двоюродная сестра тут очутилась...

Женя (счастливо улыбаясь): А я подумала... другое. Приведи ее к нам.

Безгадов (зевая): Ладно... Надоест еще.

Женя надевает пальто, шапочку, берет чемодан — железный сундучок, целует спящего Степана. Целует Безгадова. Знак прощания рукой, уходит. Безгадов закрывает глаза. Стук в дверь. Безгадов спит или дремлет. Дверь приотворяется. Показывается лицо почтальона. Он кладет газету на стул, ближайший к двери. Глядит, узнавая, на Безгадова. Безгадов открывает глаза, видит почтальона, вскрикивает:

— Ведь ты же сон, дьявол!

Голова почтальона исчезает. Безгадов садится на диване.

— Или не сон!

Смотрит в сторону спящего Степана. Степан спит. Безгадов встает, идет к постели Степана, становится перед кроватью на колени, наблюдает спящего ребенка. Затем осторожно целует его в щеку. Степан ворочается, говорит:

— Папа, разбуди меня...

Безгадов расталкивает Степана. Тот открывает глаза, просыпается, глядит на отца, понимает обстановку, говорит:

— Папа! Ты тут? А я страшный сон сейчас посмотрел! Опять нету никого — ни отца, ни матери, один я живу и еще тетка... Безгадов поглаживает ребенка через одеяло. Степан успокаивается. Безгадов садится к нему на кровать, вынимает его из-под одеяла, сажает себе на колени...

Безгадов: Ты должен теперь всех теток позабыть!

Степан (перебирая рубашку отца): Да... А сам вчера с чужой теткой под ручку шел.. Ты люби одну маму, а теток не надо.

Пауза. Безгадов, кратко икнув:

— Больше не буду...

Степан сходит с рук Безгадова. Одевает штаны, рубашку. Безгадов помогает ему.

Степан (протяжно): Давай жить смирно... Давай с тобой трудиться, будем маму ждать... Безгадов начинает прибирать постель, он суетится по комнате в хозяйском усердии. Степан ест булку, пьет молоко за столом, глядит на отца, затем говорит ему:

— Старайся, старайся, гуляй поменьше...

Затемнение.

Удаленная мелодия напряженно работающей машины, затем эта мелодия приближается и — вплотную звучит с экрана. Товарный большой паровоз на большой скорости идет в экран. Правая сторона паровозной будки: из окна глядит вперед черный машинист. Левая сторона машины: из окна следит за работой ведущего механизма чумазая Женя, помощник машиниста. Левая машина в форсированной работе.

Женя. Она делает движение рукой в механизме управления — внутри будки — поворачивает штангу сифона — паровоз начинает энергично сифонить. Паровозная будка изнутри: справа машинист, слева Женя, между ними механизм управления машиной.

Машинист напевает. Паровоз идет. Машинист — в сторону Жени:

— Джена! Кран!!

Женя открывает кран продувки цилиндров. В будку находит извне пар; окутывает фигуры людей. Женя закрывает кран, пар рассеивается. Машинист, глядя вперед, тревожно:

— Джена! Джена!

Машинист резко закрывает регулятор левой рукой, другой рукой дает три гудка, кран тормоза ставит в положение экстренного торможения, вращает реверс обратного хода. Женя далеко высовывается в окно, глядит вперед. Путь, бегущий навстречу паровозу. Вдали — высокий человек с длинной палкой неуверенно пробует этой палкой рельсу, сам находясь у откоса балластного слоя песка. Его тянет за полу армяка вперед через рельсы совсем маленький ребенок, на вид лет трех-четырёх. Человек с палкой вступает вслед за маленьким поводырем на рельс и опять ориентируется палкой вокруг себя. Тройной сигнал паровоза. Поводырь глядит в сторону паровоза, оставляет высокого человека одного на рельсах, а сам перебегает путь и прячется в траве, растущей по кювету (водосточной канаве). Долгий, прерывистый сигнал (сирена) паровоза. Высокий человек, ориентируясь палкой, вращается вокруг самого себя. Он делается в экране все более крупным — от приближения к нему точки съемки — идущего на него паровоза. Высокий человек — старик с бородой, в темных очках — он слепой; он находит палкой свободное пространство между рельсами. Сигнал паровоза. Слепец бросается бежать между рельсами в сторону от паровоза, на бегу он пробует палкой то правый, то левый рельс и — бежит по шпалам. Сигнал паровоза.

Будка паровоза.

Машинист: Кран!

Женя открывает кран продувки цилиндров. Женя кричит машинисту:

— Давай полный назад!

Машинист двигает рычаг регулятора до середины дуги. Машина паровоза: из-под цилиндра — из кранов — вырываются воюющие вихри пара. Из-под тормозных колодок сверкает и брызжет огонь. Будка паровоза. Женя ведет регулятор по сектору дуги до отказа. Машина паровоза: из-под цилиндра вырываются еще более ожесточенные вихри пара. Из-под тормозных колодок — огонь. Сигнал паровоза. Слепец мчится между рельсами от паровоза. Будка паровоза.

Женя: Не удержим! Надо кран закрыть!

Машинист: Нет. Сломаем машину. Опасно будет!

Женя выглядывает в окно на путь. Слепец бежит близко. В стороне, параллельно ему, бежит изо всех сил мальчик-поводырь. Женя берется за кран цилиндров.

Машинист: Джена! Не надо!

Женя закрывает кран:

— Уже!

Машина паровоза: вихри пара из-под цилиндра. Они сразу прекращаются. Одновременно с этим: дышла перестают вращать колеса, замирают неподвижно, но паровоз по-прежнему движется вперед: он ползет юзом. Буферная сцепка паровоза (тендера) с составом: диски буферов — паровоза и переднего вагона — сжали пружины до отказа — состав жмет с могучей инерцией. Будка паровоза.

Женя: Давай песок!

Машинист открывает песчаную заслонку. Женя, высовываясь из окна, склоняя голову к машине:

— Песок не идет!

Машина паровоза в прежнем положении; около бандажа колеса конец трубки — из него ничего не сыплется. Будка паровоза: Женя хватает большой гаечный ключ. Открывает из будки дверь на котельную галерею паровоза. Выбегает на эту галерею. Поперек котла идет из песочного ящика сверху вниз — под колеса — трубка. Женя стучит по этой трубке гаечным ключом. Слепец бежит. Мальчик-поводырь бежит изо всех сил в стороне параллельно с ним. Сигнал паровоза. Поводырь бросается на рельсы — к слепцу. Котельная галерея паровоза. Женя бьет ключом по песочной трубке. Будка паровоза. Мокрый черный машинист манипулирует рычагом регулятора. Слепец бежит. Мальчик-поводырь бежит за ним в упор — так же, как и слепец, между рельсами. Совсем близкий сигнал паровоза. Поводырь с разбега вскакивает на спину слепца, ухватывается за его плечи, взбирается на него, садится верхом на плечи (вокруг шеи). Старик-слепец шатается, сокращает бег, бросает палку. Паровоз идет почти вплотную за его спиной. Поводырь хватается за уши, поворачивает ему голову влево. Женя у котла на галерее паровоза. Машина паровоза в прежнем мертвом положении, а паровоз идет юзом. Песочная трубка у бандажа колеса паровоза. Из нее пошел песок. Дышла паровоза, висевшие неподвижно, тронулись назад. Они (дышла) вращают колеса паровоза в сторону, обратную движению всего паровоза. Это вращение ускоряется, из-под бандажей паровоза, трущихся о рельсы, брызжет огонь. Мальчик верхом на еле бегущем слепце. Мальчик сворачивает ему за уши голову налево по ходу бега. Слепец сворачивает налево. Спотыкается о рельс. Падает вместе с поводырем за линию балластного слоя; катятся оба в канаву, заросшую травой. Паровоз извне: он стоит; по машине, по котлу текут капли масла, воды, жидкой грязи. Машинист и Женя возле него. Они ощупывают машину, гладят бандажи, осматривают детали. Слепой лежит на откосе канавы; он тяжело дышит, по лицу его и из-под темных очков текут ручьи грязного пота и слез. Из бурьяна выглядывает лицо ребенка-поводыря; его черные глаза смотрят с крайним любопытством.

Женя. Она сидит на корточках против поводыря, спрятавшегося в бурьян. Пауза. Женя и мальчик рассматривают друг друга.

Женя: Ну, здравствуй, человек!

Поводырь: Здравствуй.

Женя протягивает руку поводырю. Паровоз извне. Мальчик ведет слепца за полу армяка, подводит к лесенке в будку паровоза. За ними — Женя. Она подсаживает, помогает взобраться на паровоз новым пассажиром.

Женя: С нами скорей доедете.

Все трое входят по лесенке в будку паровоза и скрываются там.

Товарная станция в Москве. Стоит паровоз. Около паровоза — Женя, слепец с поводырем, машинист, дежурный в красной фуражке. Машинист пишет в книге, которую перед ним держит дежурный по станции. Женя пишет в своей маленькой записной книжке, затем вырывает листок и подает его мальчику-поводырю:

— Вот... Там написано, где я живу. Приходите обязательно ко мне в гости.

Поводырь берет листок. Уводит слепого за собой. Книга дежурного по станции закрывается. Дежурный и машинист делают друг другу под козырек. Дежурный уходит. Из тендерного крана льется вода; Женя возле него вытирает лицо полотенцем — она теперь стала белая, чистая, подает мыло машинисту. Закопченный машинист умывается из-под крана, с него ручьями льется грязь, но он остается черным, он — негр. Женя дает ему полотенце, улыбаясь:

— Такой же черный!

Машинист: Джена, ты шовинист, ты против негра.

Женя: А ты за кого?

Машинист: Я за тебя, за вас.

Женя: Люсьен! У меня сын дома есть. Отведи сам машину в депо, а я пойду.

Машинист-Люсьен: Олл-райт, Джена! Ну пожалуйста.

Женя: Спасибо, Люсьен...

Прощаются. Женя уходит с сундуком-чемоданчиком в руках. Люсьен один: он смотрит вслед ушедшей Жене. Склоняет голову, смотрит себе на грудь.

— Сердце захотело полюбить Джену!

Бьет себя кулаком по груди:

— Нельзя! Финиш! Люби паровоз.

Москва. Под вечер. Фасад того дома, где живет Катя Бессоне. Прохаживается Неверкин, глядит по этажам вверх, свистит губами трижды. В окне на четвертом этаже открывается форточка, оттуда высовывается рука, рука машет приветствие, и затем кисть руки складывается в кукиш. Неверкин глядит туда, напевает тихо «Как родная меня мать...», а конец куплета поет громко, поднимая лицо вверх — к окну:

— Без тебя большевики обойдутся!

Катя высовывает голову из форточки; она стоит за стеклом ногами на подоконнике, кричит оттуда:

— А ты — тоже без меня обойдешься?

— Ну, конечно! Какая разница!

Катя: погоди, не обходишь! Я сейчас выйду к тебе!

Неверкин (самодовольно): Да то-то!

Катя и Неверкин сидят на скамейке, около цветника. Светит вечернее солнце на небе и освещает щеку Кати и ухо ее, в котором висит небольшая золотая серьга с синим камнем. Катя печальная. Неверкин держит одну ее руку.

Катя: А тебе они очень нужны?

Неверкин: Вопрос!! Терпенья нету — вот как нужны!

Катя: Тогда бери...

Приближает к Неверкину свое лицо. Неверкин вынимает из ее ушей маленькие золотые сережки. Катя медленно говорит Неверкину, когда он действует в ее ушах:

— Ведь это твой подарок... Я любила их...

Неверкин: Обойдешься так! Люби меня духовно...

Прячет серьги к себе в карманчик пиджака, завернув их в бумажку. Катя молча следит за ним; потом:

— Ты их другой невесте подаришь!

Неверкин (вставая): Вопрос!! А хотя бы и так... Ну, пока!

Уходит, не подав руки. Катя остается сидеть одна на скамье. Она глядит вслед Неверкину пустыми глазами. В глазах ее скапливаются слезы; она борется с ними, морща лицо. Невдалеке от нее на дорожке появляются почтальон и кондукторша без своих сумок; они идут под руку, прогуливаясь. Они против скамьи, где сидит Катя. Почтальон бдительно разглядывает Катю.

Почтальон: Горе есть на свете: надо меры принимать...

Проходят оба. Катя одна; она как спящая с открытыми глазами. Она пробует мочки своих ушей, где висели серьги. Она встает, глядит на небо, — там белые горы облаков, освещенные вечерним солнцем, простое голубое пространство. Катя идет по садовой дорожке. На выходе из сада — лоточница; в лотке, в сластях роются почтальон и кондукторша. Появляется Катя. Почтальон видит ее. Катя равняется с ними.

Почтальон (Кате): Обсохни глазами, дочка...

Катя останавливается и смотрит на почтальона.

Почтальон: Пойдем с нами в кино улыбаться...

Катя (равнодушно): — Пойдемте.

Шагают трое: почтальон посередине ведет под руки двух дам.

Вестибюль кино: многолюдство, касса, на кассе надпись — «Билеты остались по 4 рубля». Группа: почтальон, кондукторша, Катя. Почтальон роется в кошельке, считает свои деньги; говорит:

— Не хватает.

Катя: Я сейчас...

Быстро отходит от них. Кабинет Безгадова. Безгадов за столом. Стук в дверь:

— Войдите.

Входит Катя. Безгадов встает.

— Опять вы?! Вы эту картину уже видели.

Катя молча стоит. Редкие слезы выходят из ее глаз и текут по лицу.

Катя: Мне интересно...

Безгадов: Пожалуйста.

Пишет пропуск. Подает ей пропуск. У Кати льются слезы.

Безгадов: Что с вами?

Катя закрывает лицо руками. Безгадов бросается к ней.

Катя: У меня серьги вынули из ушей...

Безгадов гладит ее по голове; утешает:

— Я вам другие куплю.

Обнимает ее. Катя, держа руки на лице, раздвигает пальцы — таким образом, что может глядеть, и глаза ее видны; она смотрит на Безгадова.

Катя: Вы меня правда сразу тогда полюбили?

Он слегка раздвигает ей кисти рук на ее лице и целует в губы.

Катя: А я сразу не могу, я постепенно...

Дверь тихо приотворяется, появляется Степан, за ним почтальон (почтальон остаётся в дверях наблюдателем). Безгадов и Катя стоят в объятиях.

Степан: Папа! Это чья тетка?

Безгадов (опомнясь, отстраняясь от Кати): Ты зачем сюда пришел?

Степан: Кино смотреть по благу. Дай мне билет без денег.

Безгадов пишет ему пропуск. Катя пытается погладить Степана по голове. Степан отводит ее руку.

Почтальон: Фу ты, странность какая!..

Безгадов в ужасе глядит на почтальона:

— Ты кто?

Почтальон: У Алексея Иваныча работаю: служащий связи, член профсоюза...

Скрывается за дверь. Степан уходит, взяв пропуск.

Катя: Это... ваш сын?

Безгадов: Нет, так... один чужой чертенок!

Катя садится на стул.

— Скучно... Хочется чего-то...

Безгадов, подходя к ней, кладя ей руку на плечо.

— Ну чего же?

Катя, сразу припадая к нему, пряча лицо:

— Вечной любви...

Безгадов, невнимательно лаская ее:

— Ничего. Это можно.

Пустая комната Жени. Звук поворачиваемого ключа в дверном замке.

Дверь отворяется. Входит Женя — с тем ручным чемоданчиком-сундуком, с которым она ушла с паровоза. Женя кладет чемодан на стул, берет записку со стола, читает ее. Записка детскими буквами: «Мама я в кинe к отцу пошел по благу а в опщем до свиданья Степан». Женя улыбается, прячет к себе записку, берет сумочку, вынимает оттуда зеркальце, пудрится, одевает другую шапочку и уходит.

Фасад вечернего, яркого кинотеатра. Публика. Вход в театр. Появляется Женя, входит в театр. Вестибюль. Дверь кабинета директора. Из кабинета выходят Безгадов и Катя. Безгадов запирает на ключ кабинет. Женя в вестибюле; она видит их. Безгадов берет Катю под руку. Женя отворачивается к стене; в смущении гладит стену ладонью. На нее смотрит публика. Безгадов идет с Катей к выходу и они уходят. Жалкая и печальная Женя робко пробирается среди публики к выходу. Окно-витрина ювелирного магазина. Безгадов и Катя рассматривают вещи в витрине. Фигура Жени стоит в темной нише — около этого окна, в нескольких шагах от Кати и Безгадова. Безгадов и Катя вблизи.

Катя (показывая пальцем на серьги в окне): Вон какие были у меня: не очень хорошие.

Безгадов: Будут лучше. Завтра куплю.

Московская ночь. Блестит вымытый асфальт почти пустой улицы: вдали идет пара — Безгадов и Катя. Ближе к зрителю осторожно идет Женя, вслед уходящей паре. Фасад дома, где живет Катя Бессоне. Парадная дверь с улицы. Появляются Безгадов и Катя. Входят в эту дверь. В экране — дверь с улицы. Пауза. Никого нет. К двери подбегает Женя. Отворяет ее, исчезает за дверью. Полутемный, смутный тамбур парадного входа. В тамбуре прячущаяся фигура Жени; издали слышится неразборчивый разговор Безгадова и Кати: одни голоса. Голоса умолкают. Пауза. Женя стоит в безмолвии. Звук отчетливого двукратного поцелуя. Краткий вопль Жени.

Пустая, блестящая светом ночная улица. Женя бежит одна в плаще, без шапочки, волосы ее пришли в беспорядок. Темный кадр. Звук ключа в двери. Свет: вошедшая Женя зажгла электричество в своей комнате. На кровати спит одетый Степан. Женя осторожно разувает его, расстегивает ему пуговицы, покрывает одеялом. Тушит свет. Утро в комнате Жени: на кровати спят Женя и Степан. Звук ключа в двери. Осторожно, испуганно входит Безгадов. Женя открывает глаза, встает и садится на постели.

Женя: Уходи от нас.

Безгадов: А в чем дело?

Женя сходит с кровати, идет в ночном белье к шкафу, отворяет его, роется там, вынимает коробочку, открывает ее — в коробочке большие серьги.

Женя (Безгадову): Подари ей.

Подает ему коробочку. Безгадов берет коробочку, глядит на серьги, кладет коробочку на стол.

Безгадов: Ухожу...

Вытаскивает чемодан из-под дивана, открывает его, бросает туда носки, галстуки, книжки и пр. Женя сидит на кровати. Она будит Степана. Тот просыпается, смотрит внимательно на мать и отца.

Женя: Вставай, Степан: отец уходит от нас.

Степан садится в кровати.

— Папа, ты куда? К тетке в кино?

Безгадов (укладывая вещи): Да, Степан. Теперь прощай.

Степан: А зачем ты обнимаешь свою тетку? Любил бы лучше одну маму.

Безгадов: Вырастешь, узнаешь, Степан.

Степан задумчив и печален:

— Я жду, когда только вырасту... А тогда искалечу тебя!

Безгадов (напряженно): А что?

Степан: Детей тогда начну рожать и буду до самой смерти с ними жить... Пускай у них будет отец, а то у меня нету...

Пауза. Безгадов оборачивается, глядит на Женю и Степана; тихо:

— Женя, можно я останусь?

Женя: Не забудь свой второй чемодан взять... Хочешь, я тебе помогу скорее собраться и уйти?

Безгадов (мрачно): Не надо. Сам управлюсь.

Стук в дверь. Дверь открывается. Почтальон: он протягивает газету.

Безгадов (на почтальона): Вот еще черт явился! Обожди, я с тобой пойду.

Почтальон вошел в комнату, вынул часы:

— План я перевыполняю: можно обождать.

Степан, сидящий на кровати рядом с Женей, опускает голову на спинку кровати.

Безгадов закрывает два чемодана. Один дает почтальону:

— Помоги вынести!

Почтальон берет чемодан. Безгадов поднимает чемодан, молча уходит с ним за дверь. Почтальон — направляется за Безгадовым, в дверях он оборачивается; Степан поднимает лицо со спинки кровати: оно у него заплакано. Почтальон ставит чемодан на пол, возвращается, вынимает из закоулков своей сумки и подает мальчику почтовую марку:

— Африканская. Страна Либерия: вообрази ее в уме — и плакать перестанешь.

Степан берет марку. Почтальон уходит, взяв попутно чемодан Безгадова. Женя вытирает полотенцем лицо Степана от слез.

— Ну что ты! Не плачь, не надо...

Степан: Да, не надо, а отца опять нету!

Женя (лаская его): У тебя мама есть...

Степан: Да, мама... Нужно, чтоб двое были — отец и мать, одна мать — половинка...

Степан опять кладет голову на спинку кровати. Женя встает с кровати, быстро одевает халат, проходит в кухню; в кухне на газовой плите лежат мужские подтяжки, забытые Безгадовым. Женя берет их, держит в руках, разглядывает. На полу валяется грязная фотография. Женя поднимает ее. На фотографии изображены Женя и Безгадов в нежной позе влюбленных. Женя вытирает фотографию рукавом своего халата, рассматривает ее с выраженьем воспоминания о давнем времени. Берет чистый лист бумаги и завертывает в него подтяжки и фотографию. Комната Жени. На кровати лежит, накрывшись одеялом с головой, Степан. Женя подходит к нему, склоняется, приоткрывает конец одеяла:

— Я скоро на работу пойду. Вставай!

Степан (из-под одеяла): — Не буду вставать.

Женя: Завтра я тебе няню приведу, потом в детский сад будешь ходить, потом в школу...

Степан: Там видно будет.

Женя одета — на работу: в плащ, в шапочку с паровозным значком, в руках у нее железный сундучок-чемодан; на столе завтрак, комната прибрана, Степан по-прежнему лежит укрытый с головой на кровати.

Женя: Значит, ты сегодня не будешь вставать, пока я не приду?

Степан: Там видно будет...

Женя подходит к нему, приоткрывает одеяло и трижды целует сына в лоб:

— Ну, оставайся!.. Не надо горевать.

Комната пуста. Лежит один Степан. За окном слышен ход автомобилей, пение их сирен, стук молотков и визг пил на ближайшей постройке, вдалеке долго и тревожно гудит паровоз.

Степан садится на кровати (он в длинной детской ночной рубашке), медленно обводит глазами весь окружающий его комнатный мир, сходит на пол; портреты Сталина и Пушкина на стене. Степан одно мгновение глядит на портреты Сталина и Пушкина. (Меж этих портретов — фотография Жени). (Из-за закрытого окна глухо слышится приближающаяся пионерская музыка с барабаном). Степан открывает шкаф, берет там лист бумаги, чернильницу, ручку, садится к столу, пишет. (Пионерская музыка, судя по дребезгу оконного стекла, проходит мимо самого дома). Степан встает из-за стола, идет к окну, становится на подоконник, открывает оконные шпингалеты, сходит с подоконника, отворяет обе створки окна настежь наружу. (Пионерская музыка зазвучала теперь громко, но все же слышно, что она удаляется, затихает). Степан вытаскивает из-под кровати маленький чемодан — тот, с которым он уже уходил однажды, когда Женя его встретила на улице, — открывает его, кладет туда свою верхнюю одежду, лежащую на стуле около кровати, и старые калоши из-за шкафа, а сам остается по-прежнему в ночной рубашке. Запирает чемодан, несет его к платяному шкафу и прячет туда, тщательно закрыв шкаф. (Пионерская музыка к этому времени вовсе замолкает вдали). Степан уходит в открытую дверь — на кухню; несет оттуда небольшую лестницу, приставляет лестницу к стене в комнате — к большой фотографии Жени (по сторонам этой фотографии висят большие портреты Сталина и Пушкина); убирает постель, взбивает подушки, аккуратно покрывает постель одеялом; берет щетку из-за шкафа, метет ею пол, ставит щетку на место, берет со стола конфетку из оставленного матерью завтрака, снимает с конфетки бумажку, конфетку кладет в рот, но сейчас же вынимает ее изо рта обратно и кладет на блюдечко, а бумажку-обертку рассматривает, потом бросает и бумажку:

— Неинтересная.

Берет книжку с тумбочки, открывает, листует ее, бросает:

— Скучные буквы...

Поднимает трубку телефона. Краткая пауза.

— Отчего к нам никто не звонит?..

Краткая пауза.

— Я мальчик... Отчего по телефону к нам не говорят?.. Пусть скорей говорят, а то я жду.

Кладет трубку. Садится с ногами на стул около тумбочки. Ждет. Пауза. Соскакивает со стула. Лезет по лестнице к фотографии Жени. Добирается. Целует Женю на фотографии. Опускается по лестнице на две перекладки. Останавливается в разду-

мье. Опять идет на верх. Целует Сталина на портрете (слева от фотографии Жени). Целует Пушкина на портрете (справа от Жени). Спускается вниз на несколько перекладин. С перекладины лестницы переступает на подоконник открытого настежь окна. Стоит мгновение на подоконнике, спиной к зрителю. Делает шаг поперек подоконника — на улицу. На втором шаге исчезает: проваливается на улицу. (Обычный сложный гул улицы, звучащий из раскрытого окна все время, вдруг — на несколько секунд — умолкает; потом опять возобновляется). Комната пуста. На полу — бумажка от конфеты, брошенная книга, сор, сметенный в угол.

Стук в дверь. Стук повторяется. Почтальон приоткрывает дверь, заглядывает:

— Вторая почта. Заказное письмо.

Протягивает письмо. Входит. Кладет письмо на стол.

— Расписаться даже некому. Распишусь сам.

Открывает разносную книгу. Расписывается тем же пером, каким писал Степан. Берет записку Степана. Читает ее. Звонит телефон. Почтальон берет трубку.

— Алла! Это я! Нет, не Степка... Сейчас, сейчас...

Вытирает глаза.

— Я вам письмо заказное принес... От меня: от почтальона!.. Я сам от себя без марки принес...

Краткая пауза. Почтальон слушает телефон.

— Вы его мать? Тогда приходите домой: он сейчас покойник...

Кладет трубку. Письмо Степана: «Дорогая мама Женя ты не мама а не правда отец нас бросил полюбил чужую, я жить соскучился а рожаться не хотел никого не просил, я знаю как нужно умереть взял и умьер в опщем меня нету и прощай Степан».

В комнате стоит один почтальон. Он садится на кровать. Резко стучат в дверь. Почтальон не шевелится. Затемнение.

Утро. Свет играет по стенам на лестничной клетке. Катя и Безгадов спускаются по лестнице вниз.

Катя: Ты врал! Ты знал все. Ты сволочь!..

Безгадов (ожесточаясь): Да замолчи ты наконец, паршивка!..

Катя, приостановившись, бьет Безгадова по лицу:

— На, гад!

Безгадов хватается за свое лицо и отворачивается от боли и для самосохранения.

Катя: Не спекулируй своими детьми, не ври на постели... У тебя дети погибают, а ты с бабой живешь, ты меня целуешь!..

Катя прислоняется лицом к стене. Безгадов быстро сбегает вниз, прочь. Затемнение.

Больница снаружи. Вход в нее. Появляются негр Люсьен и Женя; Люсьен ведет Женю под руку, в другой руке он несет маленький букет цветов и коробку подарков. Они поднимаются по порожкам входа. Из больницы открывается дверь — оттуда выходят навстречу почтальон и кондукторша. Все взаимно раскланиваются.

Женя (с тревогой): Вы от него? Ну что он?

Почтальон: Великолепно! Одной ножки только не будет. Но сейчас же техника работает: приделают! Нога — ничто!

Кондукторша: Он здесь пополнил, такой лежит умный и хороший...

Почтальон: Мыслимое ли дело! С третьего этажа! У нас бы он не прыгнул...

Женя (не понимая): Что?

Почтальон (сурово): Ничего... Не удержала ребенка! Ну в общем до свиданья!

Раскланивается и уходит с кондукторшей. Женя стоит растерянная. Ее осторожно поддерживает Люсьен. Они входят в больницу. Затемнение.

Комната Жени. Сидят одетыми Женя и Люсьен. Пауза.

Люсьен (робко): Джена...

Женя: Ну что?

Люсьен дотрагивается до ее руки, но сразу же оставляет ее и теряется:

— Вы... писем не читаете и газет...

На тумбочке, где телефон, лежат стопка газет и несколько запечатанных конвертов.

Люсьен: Почтальон просит ответа... Он два месяца ждет ответ..

Женя: Я знаю... Он говорил мне. Он просит, чтобы я отдала ему мальчика на усыновление. Он женился, и жена его тоже просит.

Люсьен вопросительно и нежно смотрит на Женю.

Женя, беря руку Люсьена:

— Я соглашусь, наверно, я во всем виновата перед мальчиком...

[Люсьен:] Вы не виноваты... Вы благородны.

Женя: Нет, я не знала, как надо его любить... Наверно, надо сначала самой рожать детей...

Люсьен, глядя руки Жени:

— Надо рожать, чтоб любить...

Женя, отдергивая свои руки:

— Что вы говорите?.. Я хочу любить всех детей, не одних своих...

Люсьен (целуя руку Жене): Будем... Будем всех...

Женя с печальной улыбкой трогает волосы Люсьена свободной рукой. Стучат в дверь.

Женя (освобождаясь от Люсьена): Да...

Быстро входит Катя Бессоне.

Катя: Простите... Это вы — Женя?

Женя: Я.

Катя обнимает Женю, целует ее в щеки и в шею. Женя смущена и пытается освободиться.

Катя: Простите меня... Я была женой вашего мужа, Ваньки Безгадова...

Женя освобождается от Кати.

Катя: Не обижайтесь на меня: я узнала, что случилось с вашим мальчиком, и развелась с Безгадовым.

Люсьен (вставая): Разводиться нехорошо.

Катя, разглядывая Люсьена:

— А я ему дала по лицу и разошлась.

Женя (улыбаясь): Вы милая...

Катя: Ничего. Я пришла просить прощения у вас... А где мальчик — он выздоровел уже?

Женя: Нет. Завтра приходите, завтра его выпишут из больницы.

Катя: Хорошо, я приду. Давайте водиться и будем подругами.

Целует Женю. Женя целует Катю. Прощаются. Катя уходит. Пауза.

Люсьен: Джена!..

Женя: Что, Люсьен?

Люсьен: А ты Ваньку Безгадова не будешь опять любить?

Женя смеется:

— Едва ли...

И она кладет руку на плечо Люсьена. Люсьен (печально, не замечая руки Жени на своем плече):

— Я черный человек...

Женя (держит свою руку на плече Люсьена): Разве?.. Я это нечаянно забыла...

Люсьен, улыбаясь, беря обе руки Жени в свои руки:

— Я вас серьезно благодарю.

Отворяется дверь без стука. Женя и Люсьен оставляют друг друга. Приходит почтальон. Почтальон — сразу:

— Ну, как, хозяйка, надумала? Отдаешь сироту?

Женя: Приходите завтра, поговорим еще.

Почтальон (недовольно): Опять тебе завтра — почтовый человек хочет сидеть, а не ходить!..

Уходит. Пауза. Люсьен осторожно отряхивает невидимую пыль с рукава Жени. Женя поворачивается перед ним, и Люсьен отряхивает ей также пыль со спины. Затемнение.

Осенняя растительность в усадьбе больницы. Аллея. В глубине ее — крыльцо и вход в больницу. Из больницы отворяются двери. Выходит сначала Женя; она осторожно выводит под руку Степана; мальчик идет, опираясь правой подмышкой на костыль. Правая нога у него немощно висит. Женя держит Степана под левую руку, они спускаются по ступенькам. Идут по дорожке. Степан побледнел против прежнего, голова его забинтована. Они крупно в экране.

Женя: Соскучился лежать?

Степан: Ничего. Жить еще скучней было.

Женя: А теперь тебе лучше стало?

Степан: Обтерпелся помаленьку...

Степан оглядывает мир повсюду вокруг себя.

— Мама, купи мне птицу в клетке. Я буду думать, что она маленький человек... Вон тоже хромая собака идет по дорожке.

Пытается указать костылем вперед (по дорожке на трех ногах, волоча четвертую, плетется маленькая собака) и теряет устойчивость, падает, но мать удерживает его, подымает к себе на руки, несет на руках (костыль Степан положил матери на плечо).

Комната Жени. На столе — пирожное, конфеты, цветы, коробка с игрой — меккано. В комнате сидят в ожидании: празднично одетый почтальон, явно беременная кондукторша, убранный Люсьен, элегантная Катя Бессоне-Фавор. Почтальон встает и прохаживается, говоря:

— Интересно теперь стало существовать: каждый день тебе приходится какое-нибудь счастье. Вчера цены на пищу снизили, сегодня я сына принимаю, завтра — глядишь — стратостат полетел.

Робкий стук в дверь. Все умолкли в напряжении. Отворяется дверь. Появляется мальчик — поводырь слепого, за ним входит сам слепой старик. Они останавливаются в стеснении, не проходя дальше. Мальчик-поводырь показывает записку:

— Нам тетя велела в гости прийти...

Люсьен берет у мальчика записку, подает ему руку:

— Здравствуйте, здравствуйте, пожалуйста, садитесь...

Люсьен усаживает к столу мальчика-поводыря и рядом с ним сажает слепого старика, а мальчика угощает конфетами. Повторяющийся стук вдалеке по коридору — за дверью. Слышны шаги, перебиваемые жестким неопределенным стуком. В комнате все безмолвны. Странные шаги — в три ноги — приближаются, в такт им жестко и мертво стучит дерево по дереву. Шаги останавливаются у двери. Дверь отво-

ряется. Входит Степан, стуча по полу своим костылем. За ним входит Женя. Степан оглядывает людей, смотрит на портреты Сталина, Пушкина и Жени на стене, ничего не говорит.

Почтальон: Ну что ж, граждане, давайте радоваться...

Пауза. Все молчат. Женя, присев перед мальчиком-поводырем, здоровается с ним.

Почтальон: Ага! Ну, не надо!.. Степан, давай собираться: теперь я твой отец... (К Жене) А вы, гражданка, берите свой документик — мы заодно в загс зайдем, чтоб у вас сына зачеркнули...

Пауза.

Степан: Мне отца больше не надо.

Катя (наклоняясь к Степану): А мать хочешь?

Степан: Не хочу, — я отвык.

Женя, не слушая никого, равнодушная к гостям, берет Степана к себе на колени и начинает сматывать с его головы бинт.

Почтальон: Как же так! Что за хамство такое! Я койку для него уже купил и щегла в клетке...

(На всем продолжении этой сцены Степан подчиняется Жене, но как бы не чувствуя, не замечая ее; Женя также совершенно равнодушна к словам и поведению Степана — она делает с ним, что хочет, перебинтовывает, осматривает ногти, смотрит в уши, протирает глаза, и он не сопротивляется, покоряясь ей бессознательно).

Степан: Возьми себе другого — вон другой сидит (показывает на поводыря). Почтальон бдительно глядит на поводыря. Кондукторша тоже.

Кондукторша (почтальону): Личико у него умное.

Почтальон: Ничего, прыгать из окон наверно не будет — не псих.

Степан: Кто псих?

Почтальон: Ты. А вон тот человек (жест к поводырю) не псих, тот гражданин хороший...

Степан бросает в почтальона пирожное; оно ему попадает в лицо около рта. Почтальон облизывает и сжевывает крем, что попал ему вокруг губ, затем вытирает лицо концом скатерти. Почтальон поднимает поводыря со стула себе на руки.

— Пойдем отсюда.

Кондукторша: Да и правда... Что тот, что этот, все равно мальчик...

Протирает поводырю глаза концом своего платка и обтирает все его лицо.

Поводырь: А кто дедушку будет водить?..

Катя (улыбаясь): Я... У меня дома четыре кошки есть, я теперь их прогоню и буду жить с дедушкой.

Слепой: А где ты, дочка?

Катя подходит к слепому, и слепой начинает водить своими пальцами ей по лицу, по волосам, потом сжимает ей щеки между своими ладонями и целует ее. Почтальон уносит на руках поводыря, и им вслед уходит озабоченная кондукторша. Катя стоваривается со слепцом, прощается с Люсьеном, прощается с Женей (у Жени по-прежнему на руках Степан; она ему уже сменила бинт на голове, сделала все остальное и теперь посадила на кровать и переодевает).

Женя: Вы серьезно старика берете к себе?

Катя: Конечно... Я привыкла, чтоб со мной был человек. Сначала был мой жених — он меня бросил. Потом ваш муж — я его сама прогнала... И теперь я совсем одна, с кошками... Мне некуда сердце девать!

Катя берет под руку слепого, слепой кланяется в пространство, они уходят. Степан дремлет. Женя осторожно кладет его голову на подушку. Люсьен стоит около кровати.

Женя и Люсьен наблюдают за Степаном. Пауза. Мальчик спит.

Люсьен: Джена... Я хочу быть его отцом.

Женя молчит. Без звука, сразу отворяется дверь. Является Безгадов со своими двумя чемоданами; он одно мгновение наблюдает обстановку; ставит чемоданы на пол.

Безгадов (кратко): — Женя... Я вернулся...

Женя: Куда? Наш дом ломают, и мы переезжаем отсюда...

Безгадов: Кто уезжает?

Женя: Мы, все трое...

Она обнимает Люсьена и звонко целует его. Безгадов, кратко икнув, наклоняется к своим чемоданам, поднимает их:

— На черный хлеб перешла!..

Поворачивается, толкает ногой дверь, уходит. Пауза.

Степан (во сне): Мама... Пусть отцом будет Сталин, а больше никто.

Женя: Хорошо, хорошо...

Степан (во сне): Ступай женись.

Женя: Сейчас, сейчас пойду...

Женя прилегла к Степану. Счастливый Люсьен молча стоит над их постелью.

Перспектива московской красивой улицы. Немного пешеходов. Почтальон быстро идет с ребенком-поводырем на руках; рядом с ним спешит кондукторша. Они удалились, но еще видны. Катя Бессоне ведет под руку слепого старика, и они медленно удаляются, а впереди их — вдалеке — еще виден почтальон с высоко поднятым на руках ребенком. На ближнем плане — через дорогу мчится Безгадов с двумя чемоданами в руках.

Конец.

[1936]

ВООДУШЕВЛЕНИЕ

Сценарий

(3-й вариант)

Главные действующие лица:

1. ЕВСТАФЬЕВ — пожилой машинист с усами.
2. АРЧАПОВ — ровесник Евстафьева, машинист.
3. АРФА (МАРФА) — дочь Евстафьева, лет 17 — 18.
4. ФЁДОР — машинист, лет 24, муж Арфы.
5. ИНЫХ — начальник дороги.
6. КОРЧЕБОКОВ — толкач, служащий человек, отправляющий грузы для командировавшей его организации, использующий все обстоятельства для выполнения своей миссии; затем — он же ж. д. агент
7. МАЛЬЧИК НА ПЕРЕЕЗДЕ, лет 8 — 10.
8. МАЛЬЧИК С ГУБНОЙ ГАРМОНИЕЙ, лет 5 — 6.
9. МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, получатель корреспонденции.
10. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА, его подруга или жена.
11. ЛИДА — девушка, подруга Арфы.
12. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Ж. Д. СУДА.
13. ПОЖИЛОЙ ЧЛЕН СУДА.
14. МОЛОДОЙ ЧЛЕН СУДА.
15. МАНИКЮРША.
16. НОСИЛЬЩИК-УБОРЩИК, ж. д. агент.

Звуки твердых шагов по щебеночному балласту. По ж. д. путям идет Федор — его голова забинтована, одна рука на перевязи, одна нога обута в сапог, другая в калошу, он без шапки, но в толстом пиджаке машиниста, пиджак распахнут, видна толстая цепочка от больших карманных часов, лежащих в жилетном кармане; рядом с Федором идет сестра милосердия, она несет железный сундучок машиниста (для пищи и туалетных вещей); позади их, несколько отступя, идет твердым шагом стрелок ж. д. охраны с обнаженным револьвером.

Федор пошел тише, стрелок подошел к нему сзади и почти вплотную, сестра милосердия с недоумением глядит на Федора и берет его за свободную здоровую руку.

Федор садится на рельс, сестра не выпускает его руку из своей; Федор говорит сестре:

— Позовите жену. Мне скучно стало... Мучают меня неизвестно за что!

Сестра ставит сундучок на землю, уходит.

Сундучок поднимает конвоир, он стоит около Федора в ожидании.

Федор встает, идет вперед; конвоир за ним.

Затемнение.

Трое людей за столом: морщинистый, выбритый пожилой человек, время от времени почесывающий большим пальцем правой руки левую ладонь, а потом этой левой ладонью бережно поглаживающий себе подбородок; человек средних лет с огоньком сугубой бдительности в глазах («знаю я вас, контрреволюционеры — сукины дети»); молодой человек, в лице которого есть наивное недоумение, заинтересованность и в слабой, бессознательной степени сочувствие Федору — этот человек еще нерешенных вопросов. Председатель — человек средних лет — в штатской форме, остальные двое — в железнодорожной. Перед ними стоит Федор. Повязка у него теперь лишь на руке, голова без повязки. За Федора держится Арфа: она как бы и защищает его и сама ищет помощи у него. Человек средних лет (председатель) говорит Федору:

— Сядьте: вы давно стоите.

Федор садится. Арфа остается около него в прежней позе.

Председатель:

— Вам придется поехать поработать на дальнюю дорогу. Условно мы вас пока что освобождаем.

Федор молчит.

Молодой человек (в скрытом восторге):

— А здорово ездил! Земля гудела...

Морщинистый, пожилой человек (равнодушно констатирует):

— Аварийщик. Скакун.

Пауза.

Арфа (в сердечном нетерпении):

— А почему, когда он ехал, то колхозники шапки снимали и ура кричали?!

Пожилой человек:

— Культработа слаба среди них, вот почему.

Внезапно появляется Евстафьев, берет зятя за плечо:

— Пойдем, Федя, прочь отсюда... Нам уголовный суд, а им страшный будет!

Пожилой человек:

— Вы тоже паровозный артист?

Евстафьев:

— То же самое!.. Ну, скажи, пожалуйста: стрелки пляшут, буксы горят, шейки прочь отлетают, — тут паровозу делать нечего. Вы глупцы безрукие, вам на телеге ездить пора. А мы не можем технику срамить — мы люди одушевленные!

Пауза.

Председатель:

— Это кто же: глупцы безрукие? Мы?

Евстафьев:

— Нет! Не вы одни.

Пауза.

Молодой человек (радостно):

— Вот интересно!

Пожилой человек (совсем хладнокровно):

— Будет интересно — тогда и перестроимся. Сейчас не разрешено.

Евстафьев уводит Федора. Вслед за ними уходит Арфа, она внимательно смотрит на тройку за столом, на ее лице выражение любопытства, подозрительности и удивления, но не злобы и ожесточения. Она глядит все время, обернув лицо назад, пока не скрывается за дверь.

Оставшиеся трое смотрят несколько мгновений друг на друга.

Председатель (удовлетворенно):

— Все нормально!

Пожилой человек:

— Вполне!

Молодой человек с горьким, рассеянным лицом смотрит в стол.

Краткая пауза.

Отворяется дверь (не та, через которую ушел Федор и другие) — входит нач. дороги — Иных.

Члены суда встают: два члена суда (кроме молодого) взмахивают руками как для аплодисментов и, не доведя ладонь до ладони на несколько сантиметров, остаются в этой позиции, затем медленно поднимают руки «под козырек», отдавая честь.

Иных здоровается с людьми и садится против суда. Члены суда также медленно опускаются против него.

Иных:

— Какие дела, товарищи?

Председатель:

— Хорошие, товарищ начальник. Была тут одна авария, но мы уже осудили механик а...

Иных:

— Как же вы его осудили?

Председатель:

— Гуманно, товарищ начальник — исключительно для воспитания масс...

Иных:

— А вы сами были на аварии?

Председатель:

— Никак нет... Нам командировочных средств не отпускают...

Иных (вставая):

— Едемте со мной.

Ж. д. линия. Нарастающий шум приближающейся моторной дрезины.

Проносится моторная дрезина: на ней стоит Иных и сидят, сжавшись от ветра скорости, три члена суда и моторист.

Аварийное место. Паровоз «ФД» и три большегрузных четырехосных вагона за ним (остальные вагоны вне экрана). Тендер вдвинулся в будку механика. Первый вагон — вслед за паровозом — стоит почти вертикально (градусов 60 — 70), точно он стремился забраться на тендер паровоза; оба передних ската этого вагона вырвались из тележки; один скат лежит на самом тендере, другой на будке механика, глубоко погрузившись в нее сквозь крышу. Второй вагон сжат между двумя соседними вагонами стенка в стенку — в упор — но относительно здоров. Третий сильно осел, накренился на одну тележку и выпятился корпусом на сторону.

Подъезжает моторная дрезина с Иных и прочими людьми.

Иных и его спутники идут с головы паровоза параллельно составу.

Тележка третьего вагона, давшая крен вагону.

У этой тележки появляется Иных; его спутники останавливаются близ нач. дороги.

Иных садится на корточки около этой дефективной тележки, ощупывает руками и осматривает детали тележки.

Иных:

— Нужно поднять на домкраты.

Четыре слесаря поднимают вагон над тележкой на домкраты. Кроме них в кадре никого нет.

Один слесарь (выползая из-под вагона):

— Готово, начальник!

Появляется Иных и за ним его спутники.

Иных снова садится на корточки к тележке у одной буксы.

Иных берет гаечный ключ, к нему подходит один из слесарей с инструментом — и оба вместе они быстро разбирают то, что осталось от буксы, подшипника и прочих ближайших деталей.

Обнажается блестящий стальной срез осевой шейки — по самую ступицу, а самой шейки нет.

Слесарь вскрывает соседнюю деформированную буксу: там шейка цела, но она состругана, надломлена и висит книзу на последнем маленьком сечении.

Иных (к членам суда):

— Видите, где у нас болит?

Председатель суда:

— Видим, товарищ начальник... Машинисты ездят шибко, вот и шейки летят!

Молодой член суда:

— Надо буксовое хозяйство наладить, а машинисты не виноваты...

Иных:

— Вы так думаете?

Молодой член суда:

— Да, товарищ начальник!

Иных:

— Вы правы. Спасибо, что вы можете думать...

(К двум другим судьям):

— А вам я советую завтра же поступить в школу смазчиков — вы видите: у нас с буксами неладно, нам нужны смазчики.

Председатель суда:

— Спасибо, начальник. Мы будем смазчиками.

Пожилой член суда:

— Извиняюсь... А может вы передумаете, товарищ начальник дороги?

Иных:

— Нет, не передумаю!

Пожилой член суда:

— Ну тогда придется быть смазчиком: государство велит!

Председатель суда и пожилой член суда садятся на корточки к буксам и начинают их пробовать руками и копать там с преувеличенным, показным усердием.

Молодой член суда (к Иных):

— Если бы, товарищ начальник, механик не дал экстренного торможения и контрпара, он бы весь состав разбил, а так — два вагона. На полном ходу у него срезались вагонные шейки, и он заметил. Он молодец!

Иных берет молодого члена суда под руку и уходит с ним с экрана.

Председатель суда и пожилой член суда копаются в буксах у вагонной тележки.

Пожилой член суда:

— А он ничего — начальник нашей дороги! Он старается!

Пред. суда:

— Да ведь с нами иначе нельзя! С нами надо строго поступать!

Затемнение.

Смутный экран. Сирена быстро удаляющегося поездного паровоза, долго поющая на расставание в открытом пространстве.

Железнодорожная даль: прямой главный путь, хвостовой вагон уходящего, проваливающегося в сумрак пассажирского поезда.

Открытый перрон вокзала, снятый низко, немного выше уровня перрона. Две одиноких полных женских ноги в бедных туфлях, нижний край дешевого плаща.

Сор подлетает к этим ногам.

Швабра, метущая этот сор прямо на неподвижные, спокойные ноги.

Ноги неуверенно отступают.

Почтовый ящик на стене вокзала: фасадом к зрителю.

Со стороны зрителя — спиной к нему — к почтовому ящику подходит женщина: Арфа.

Рука женщины гладит почтовый ящик.

Две ноги ее.

Сор опять подбегает к этим ногам.

Швабра останавливается невдалеке от ног. Пение далекой (гораздо более далекой, чем в прежнем кадре) сирены паровоза, постепенно смолкающей от слишком большого, быстрого удаления поезда.

Ноги женщины и швабра около них. За шваброй — сапоги уборщика. Несколько крупных капель слез падают в сухую мякоть пыли около швабры.

Мужской старый голос уборщика:

— Не сорите, гражданка!

Молодой женский голос:

— Я не сорю.

Уборщик:

— Плачешь, что ль? Ну, плачь: мочить можно!

Одна женская нога быстро откидывает от себя сор и разметывает его. Швабра отступает.

Летний вечер. Прямая улица с новыми домами, окрашенными в светлые тона. По белым стенам домов медленно шевелятся тени древесных листьев. (Просьба попытаться дать ослепительную призрачность летнего вечера, время накануне ночи, пустоту воздуха, всеобщую световую паузу). Посреди улицы, по дороге, удаляется одинокая фигура женщины — видно по ногам и по фигуре, что она та самая, которая была на перроне: Арфа.

Возвышенность в железнодорожной полосе отчуждения. Обычный ландшафт: телеграфная линия, пачки снеговых щитов. Тонко скулит телеграфная линия, печально гудят телеграфные столбы, давая понятие о долготе времени и величине пространства.

На одном месте этой возвышенности, на бутре в полосе отчуждения, сидит Евстафьев; он в рабочем толстом пиджаке, в круглой шапке (вроде папахи, но меньше ее) со значком паровоза. Рядом с ним железный сундучок, крышка сундучка открыта. Евстафьев таскает рукой из сундука кусочки какой-то пищи и ест их, напряженно наблюдая линию железной дороги.

Слышится быстрая, тяжкая отсечка пара паровоза и рокот идущего поезда. По лицу Евстафьева идут слезы. Он жует, плачет, улыбается и утирает усы. Поезд, судя по звукам, уже прошел: бегущие вагоны умолкают вдали.

Гул мотора низко-летающего самолета. Евстафьев смотрит вверх. Он улыбается, он снимает шапку; затем хватает в воздухе как бы рули управления самолета и надувается в энтузиазме, в воображении, в остервенении — до того, что темнеет лицом от прилива крови.

Самолет утихает. Внутренняя поверхность крышки сундука выстлана газетой с портретом Кагановича. Евстафьев берет ломоть хлеба из сундука, касается хлебом портрета, жует, обсуждает:

— Ты теперь хозяин?.. Ну, ладно — старайся: рабочий класс тебя одобряет. Я тоже рабочий класс — только в отставке, в гонении... Сам понимаешь — я теперь ничто, ты уж без меня обходись!..

Евстафьев жует хлеб. Быстро нарастающий гул подходящего поезда.

Евстафьев сразу выплевывает хлеб изо рта; с крайним напряжением, с блестящими глазами смотрит на линию. С своим, в задыхающейся отсечке, с долгим, разрываемым ветром скорости сигналом, просящим сквозного прохода, проносится поезд (невидимый для зрителя).

Евстафьев вскакивает на ноги. Он в слезах и в восторге. Он делает жесты руками, он повторяет некоторые манипуляции машиниста (например, открывает в воздухе регулятор на все клапаны, тянет поводок сирены, поворачивает штурвал реверса и т. п.).

Ходовые части товарных вагонов в хвостовой части идущего поезда. Одна бунда сильно стелает, воет, из нее длинным шарфом идет дым. Поезд кончается, пробегает.

На тормозной площадке заднего, сильно раскачиваемого вагона дремлет кондуктор.

Евстафьев на своем прежнем бугре: он зорко вглядывается в поезд; его лицо теперь сухо и жестко.

Уходящий последний вагон товарного поезда болтается от скорого хода. Еще видна фигура хвостового кондуктора, обволакиваемая дымом и пылью.

Евстафьев грозит кулаком в хвост поезда.

Мгновенно сбегает с бугра вниз, на линию, бежит по шпалам вслед поезду.

Хвост поезда окончательно исчез вдали; даль свободна.

Евстафьев бежит. Перед ним (от зрителя — за ним) переезд и путевая будка.

Босой деревенский мальчик, лет 8 — 10, стоит с развернутым (красным) флажком и машет им. Другой флаг (зеленый) валяется у его ног.

Евстафьев подбегает к нему, хватая его к себе на руки.

Мальчик (испуганно):

— Дядя, там бунда горела!..

Евстафьев:

— Ты бы сильнее махал флагом, стервец!.. Дай напиться.

Мальчик сполз с рук Евстафьева, он сворачивает флаг и засовывает его в кожаную трубку, висящую на его веревочном поясе; другой флаг он поднимает с земли и тоже прячет этим же способом.

Мальчик:

— Ступай скорей по телефону на станцию позвони, мне веры нету: голос тонкий. А пить сейчас некогда!

Евстафьев бросается в путевую будку, мальчик бежит за ним.

Внутренность путевого сторожевого дома. На стене телефон.

Евстафьев хватая трубку:

— Алла!.. Закройте проход четыреста десятому. У него бунда горит, стружку гонит, отвалится!..

Мальчик подносит Евстафьеву кружку с водой. Евстафьев пьет. Ставит кружку на лавку. Вешает трубку телефона.

Евстафьев:

— А отец с матерью где?

Мальчик:

— Кума в колхозе померла. Гулять поехали.

Евстафьев опускается на корточки перед ребенком, берет его правую руку в свою.

— Прощай пока. Гляди тут за поездами, а то, знаешь, опасно...

Мальчик:

— Ничего: я погляжу за ними.

Евстафьев сидит на прежнем месте, на бутре, около своего сундучка. Он вынимает карманное зеркало и поправляет перед ним усы.

Краткий вопль сирены мчащегося паровоза. Евстафьев бросает зеркало, мгновенно воодушевляется, он свирепеет, бормочет, скрипит зубами и начинает икать.

Он вскакивает на ноги; кричит на линию:

— Продуй цилиндры! Закрой песок! Сифон!

Сирена поет на бегущем паровозе. Евстафьев вдруг меняется в лице, — он делается печальным и беспомощным, энергия сочувствия и воображения исчезает в нем.

Несколько скатов бегущих колес товарного поезда. Еле висит тормозная колодка.

Колодка отваливается, ложится на рельсу.

На колодку набегает колесо, хряпает ее с резким треском — и колесный скат подпрыгивает.

Колодка перекашивается на рельсе, она уже полураздроблена. На нее набегает следующий скат, он хряпает по колодке и тоже подпрыгивает.

Лицо Евстафьева; оно сейчас почти равнодушно. Вторично проэцируется (звуком) двух — или трехкратный резкий, раздраженный треск дробящейся колодки. Он спокойно говорит:

— Они паровозную трубу скоро потеряют.

Евстафьев клонится к земле, опирается руками и ложится в слабости и в изнеможении горя.

— Я скоро умру.

Сзади подходит к нему дочь, Арфа. Она закрывает правой ногой отверстую крышку сундучка; садится на корточки у головы лежащего отца, кладет руку на его шапку и говорит:

— Папа...

Евстафьев молчит. Арфа замыкает сундук на большой висячий замок и поднимает его с земли; она говорит:

— Тебя ведь уволили из депо! Зачем ты ходишь плакать сюда?.. Пойдем домой, здесь комары кусаются...

Евстафьев медленно поднимается. Арфа берет его за руку.

Арфа:

— Ты теперь безработный — один на весь эс-эс-эр. Героев советского союза — и то много, а ты — один. Ты — реже всех!..

Евстафьев молчит. Дочь уводит его за руку, неся железный сундучок отца.

Ночь. Путьевое развитие станции. Мерцающие сигналы стрелок. Изредка стоят группами вагоны. Три прожектора издали, с высоты темной башни, освещают станционную сеть путей. Несколько удаленно от аппарата, спиной к нему, идет одинокий человек — в железнодорожной шинели, в фуражке: Иных.

Он приостанавливается на стрелочном переводе, рассматривает его, нагибается, пробует что-то там рукою. Съемка ведется в ночном, неотчетливом свете. Но сеть путей должна быть велика и пустынна; человек совершенно один, лишь вдали — невидимо где — однотонно сипит паром паровоз.

Иных нагибается, пролезает к сцепным приборам между двумя вагонами — и выходит оттуда.

Тускло горит сигнальный фонарь на одном стрелочном переводе: огня почти не видно — туманное пятно.

Силуэт нач. дороги подходит к фонарю. Иных вынимает платок, протирает стекло фонаря: свет горит теперь ярко.

Большегрузный вагон. Силуэт Иных наклоняется к буксе; сидит перед ней на корточках, роется в ней рукою, выкидывает оттуда что-то на землю.

Поднимается на ноги, вынимает из кармана шинели кусочек мела, пишет на вагоне над буксой, прячет мел обратно, уходит.

Поверхность вагона над буксой (близкий план), на вагоне написано мелом.

«В буксе грязь и песок. Промыть, сделать новую набивку. Н-Иных» и меловая нарисованная линия-стрела, идущая от надписи до самой буксы и кончающаяся на ней.

Под буксой — на земле — горка грязи, черного, переработанного трением, песка, куски набивки, — вся отвратительная нечистота, изъятая из буксы Иных.

Силуэт Иных вдали на путях; человек согнулся, идет медленно. (Тихо сипит паром какой-то паровоз: это мелодия всей сцены).

Неопределенное — отчасти грустное, отчасти злобное — бормотание. Сзади, «из аппарата» выходит — спиной к зрителю — Евстафьев с железным сундучком в руках, в старой рабочей одежде машиниста.

Евстафьев идет вослед Иных, продолжает бормотать, потом говорит явственно:

— Ходят-бродят, а дела не знают... Эх, вы, — начальники!

Вдалеке — силуэт нач. дороги. Ближе — спина Евстафьева. Тревожные, далекие сигналы поездного паровоза, просящего входа на станцию.

Евстафьев останавливается перед вагоном, где Иных чистил буксу; глядит на меловую надпись на вагоне; ставит свой сундучок на землю, около буксы, поспешно уходит в сторону, поперек пути. Иных больше не видно вдали.

Радио играет танец. Девичья комната Арфы. Репродуктор радио. Беспорядок и нежность, ненужность многих вещей: цветы, пучки травы, пустые кувшины, заменяющие урны, тарелки и картинки на стенах, собрание старинных фотографий над столом, электрическая лампа горит под цветным платком; картинки мрачных красавцев и красавиц. Арфа босая — в короткой юбке (раньше она была ей впору, а теперь Арфа из нее выросла), голенастая, еще неуклюжая от возраста юности, — стоит среди комнаты.

— Довольно вам играть пустяки — тоска все равно не проходит.

Букса, которую чистил Иных. Около нее сидит на корточках Евстафьев и кончает заправку буксы. На земле стоит бидон, масленка, лежит куча новых концов. Евстафьев уже закрывает буксу и встает в рост; он говорит:

— Километров тысячу пробежит.

Берет комок концов и стирает надпись Иных.

Радио играет танец в затемненном экране. Слышно грустную песню вполголоса, которую напевает Арфа. Стук в дверь. Арфа напевает по-прежнему. Стук настойчиво повторяется. Арфа умолкает, звук выдергиваемой штепсельной вилки — радио прекращается.

Экран проясняется. Арфа у двери комнаты.

Арфа:

— Алло. Ну, что такое?

Голос Иных:

— Отец дома? Арфа:

— Нету. Он спать пошел на холодный паровоз.

Пауза. Голос Иных:

— Впустите меня. Я не обижу, я начальник дороги.

Арфа закрывает лицо руками и остается так во все время диалога.

— Я босая, я не могу... Я некрасивая. Приходите завтра, товарищ начальник, тогда отец будет дома и я печенье куплю...

Пауза.

Голос Иных:

— Отец не работает?

Арфа:

— Нет, его прогнали. Он очень шибко и хорошо ездил, а надо помаленьку, надо похуже. Он интриги с политикой не знал...

Пауза.

Голос Иных:

— До свиданья, дочка.

Арфа стоит с лицом, закрытым руками. Звуки удаляющихся шагов нач. дороги за дверью.

Арфа отнимает руки от лица.

Подбегает к окну. Раскрывает его настежь, в ночь, свешивается наружу, говорит туда (не очень громко, почти тихо, стеснительно):

— Товарищ начальник, обождите!.. Я забыла вам сказать — да здравствует товарищ Каганович! Вы там передайте ему!..

Арфа прыгает с окна обратно в комнату. Закрывает лицо руками. Долгий торжественный сигнал поездного паровоза на отправление.

Два холодных паровоза на деповском пути (паровозы обязательно «ФД»). На один из них влезает по ступенькам трапа Евстафьев с железным сундучком.

Он показывается в окне из будки машиниста, мужественно, напряженно глядит вперед, точно готовый в дальний путь.

Машина паровоза: с ведущих колес сняты дышла, их нет.

Евстафьев скрывается в будку, делает там манипуляции по управлению паровозом и снова выглядывает наружу, бдительный и торжественный.

Проходная будка у входа в депо; сторож спокойно курит у своей будки — лицом к зрителю. Горит небольшая лампочка над дверью. Под лампочкой висит портрет Кагановича, портрет Иных и еще двух местных ударников.

Перед сторожем — спиной к зрителю — стоит силуэт Иных.

Сторож говорит:

— Сказал уж, гражданин, — не могу без пропуска, не уполномочен...

Иных (тихо):

— Так я же начальник дороги, я только документы забыл взять...

Сторож:

— Я вижу. Вы — вон у меня где! (показывает на портреты под лампой — над дверью в будку). Мало ли что! Мы за порядочек стоим, — вы нас научили!..

Стрелка. На балансире стрелки, под тусклым тендерным фонарем, сидит, согнувшись, силуэт Иных. Вдали горит слабый огонек над проходной будкой в депо.

Забор вокруг депо. Забор ветхий, многих досок нет, некоторые стойки накренились. За забором сипит паровоз, испуская пар в воздух. Около забора пробирается силуэт Иных.

В заборе большое отверстие. Иных пролезает в это отверстие.

Паровоз без дышел.

Внутри паровозной будки сидит на своем сундуке Евстафьев, немного согнувшись, локти его лежат на коленях, а кисти рук устало висят между колен.

Этот же паровоз в некотором отдалении, причем он снимается под некоторым углом к продольной линии котла. На котле — застывшие потоки грязи, словно ручьи пота.

Иных «из аппарата» идет ближе к тому паровозу, лицом к нему.

Не доходя нескольких шагов до паровоза, Иных останавливается. Машина и человек стоят друг против друга. Пауза.

Голос (гулкий, спокойный, но вместе с тем и вполне человеческий, происходящий точно из большого живота паровоза):

— Ко мне пришел?

Иных (тихо):

— К тебе.

Пауза.

Голос:

— Ты не горюй...

Иных:

— А возить будешь?

Голос:

— Дело не во мне.

Иных:

— А в ком же?

Голос:

— В тебе.

Силуэт Иных подходит к машине паровоза, к его колесу, трогает его, прислоняется к колесу (диаметр которого у «ФД» равен росту человека) — и стоит, сжавшись в шинели, с поднятым воротником.

Голос:

— Ты что? Озяб?

Иных:

— Да, я давно не спал...

Голос:

— Иди ко мне, я еще теплый.

Из окна будки показывается Евстафьев.

Силуэт Иных идет вниз, мимо машины и топки паровоза — к будке машиниста.

Иных поднимается по лесенке (трапу) в будку.

Иных посередине трапа: сверху — из прохода в будку — навстречу нач. дороги протягивается на помощь рука. В проходе сидит на корточках силуэт человека — Евстафьев.

Иных берет его протянутую руку. Поднимается в будку паровоза, скрывается там.

Комната Арфы. Окно открыто в ночь. За окном темные, спящие деревья. Какие-то птицы напевают понемногу слабыми голосами дремлющие песни. Изредка трещит кузнечик. Раз или два поет вдалеке сирена бегущего поездного паровоза — на расставание и удаление. Арфа стоит лицом к зрителю, спиной к окну, касаясь руками подоконника. По лицу ее текут крупные, редкие слезы.

Играет детская губная гармоника наверху, над потолком, на следующем этаже — невинную, кроткую песенку младенчества. Арфа подымает лицо, глядит на потолок.

Гармоника вдруг умолкает. Арфа стоит одна, беспомощная и небольшая женщина — ее освещенное лицо на фоне черной ночи за окном. Она ожидает музыку сверху.

Арфа:

— Играй еще! Что ж ты не играешь?

Быстро оборачивается лицом к зрителю, лицом в ночь за окном.

Купе жесткого вагона; верхняя полка — на полке спит Федор, его лицо спокойно, губы чуть приоткрыты; в оконное стекло извне бьет ветер и песок — большая скорость; купе раскачивается.

Вдруг Федор встает и садится, согнувшись, на полке.

Он идет в чулках по проходу вагона, мимо высунутых ног спящих пассажиров, удерживаясь за предметы по сторонам, потому что вагон качается.

По ступенькам из тамбура вагона спускается Федор. Ночь. Ветер. Поезд на большом ходу.

Федор обнимает железный прут — поручень вагона и стоит, удерживаясь за него; мимо него — почти у его ног — проносятся огни стрелок попутной станции, где поезд не останавливается.

Опять наступила тьма. Федор стоит на нижней подножке на ходу, на ветру скорости.

Рой огней возник вдруг далеко под ним, в глубокой долине.

Огни поднимаются выше к его ногам. Свет несется полосами мимо него — какие-то блестящие оранжереи, светлые сооружения, волшебный мир, хор людей на платформе; все это — больше видение, чем реальность.

И опять сразу тьма.

Федор поднимается на свою полку в купе вагона, ложится.

Фигура женщины, спящей под легким одеялом на полке, противоположной Федору. Она покрыта одеялом до самого лба.

Федор поправляет сползший край одеяла, подтыкает его под спящую.

Одеяло от мероприятий Федора немного сползает с лица женщины. Ее глаза открыты, она глядит на Федора. Федор укладывается на своей полке.

Женщина оправляет на себе одеяло сама, откинув его дальше от лица, и закрывает глаза. Федор пристально глядит на нее, приподымается на полке, глядит еще более внимательно и затем сразу поворачивается лицом к стенке и закрывается одеялом.

Высокая грудь спящей женщины; на груди — орден.

Комната Арфы. Арфа одета в пиджак (наверно старый, отцовский), в валенки (даже при летней натуре), в шапке, на руках рукавицы. Тушит свет. Уходит.

Здание клуба или дворца культуры извне, ночью. Разные афиши, рекламы. Одна из афиш: «Хор затейников из кондукторского резерва. Бой цветов. Вихрь конфетти и серпантин. Танцы и пляски народов». Освещенный вход в клуб. Из клуба сначала доносится невнятный шум, затем шум превращается в ясно-различимую песенку хора затейников, которая занимает этот и несколько последующих кадров:

Ах ель, что за ель!
Ну что за шишечки на ней!..
Ту-ту-ту-ту: паровоз,
Ру-ру-ру-ру: самолет,
Пыр-пыр-пыр-пыр: ледокол!
Вместе с нами нагибайся,
Вместе с нами подымайся,
Говори — ту-ту, ру-ру,
Шевелися каждый гроб,
Больше пластики, культуры,
Производство — наша цель!

Одновременно с пением слышится ритмическое движение группы людей, занимающихся пластикой под эту песнь.

Во время песенки хора затейников перед клубом появляется Арфа с лопатой на плече. Арфа останавливается.

Вслушавшись в песню, она входит в ее ритм и, отойдя в тень, ходит там с лопатой на плече взад-вперед, робко повторяя ритмические движения.

Песня в клубе кончается. С удара, враз начинает играть танец джаз-оркестр. Арфа несколько в стороне от входа в ликующий клуб; находясь в затененном месте, она, робко оглядываясь все время, танцует с лопатой танец, но так скромно и пугливо, что это походит на конвульсии.

Из боковой тьмы показывается фигура Корчебокова.

Он притаился на мгновение.

Является перед Арфой. Отбирает и откидывает прочь ее лопату.

Обнимает Арфу, танцует с ней. Арфа сразу попадает в такт музыки и танцует с полным умением, с воодушевлением искренности.

Корчебоков загадочно и дико наблюдает в упор лицо Арфы. Сам Корчебоков танцевать почти не умеет, но он из тех людей, которые от нужды решаются на все. Движения Корчебокова по существу чудовищны, пародийны, но Корчебоков легко покрывает эти дефекты наглой жизнерадостностью. Он танцует все же почти неплохо, с удивлением наблюдая пластическое вдохновение Арфы; Корчебоков еще не привык к искренности и серьезности.

Корчебоков целует в губы Арфу.

Арфа вытирает губы рукой:

— Не надо: я замужняя.

Корчебоков:

— Я по-отцовски, я не всурьез.

Джаз-оркестр умолкает в клубе. Корчебоков берет Арфу под руку.

— Душка... Отведите меня к начальнику станции — умоляю вас...

Арфа пугается, тащит свою руку из-под руки Корчебокова:

— Я его не знаю...

Корчебоков, откидываясь от Арфы и снова налезая на нее:

— Но ведь вы его свояченица... Ну, душка!

Арфа отходит от Корчебокова.

— Нет... Там есть другая девушка, она маникюршей на вокзале служит. Я в темноте на нее похожа.

Корчебоков поднимает с земли лопату Арфы, подает ее Арфе, по-джентльменски приподымает фуражку, удаляется во тьму достойным и поспешным шагом.

Арфа кладет лопату на плечо.

В клубе оркестр заиграл вальс. Арфа идет мимо клуба в сторону — в валенках, в отцовском пиджаке, с лопатой на плече.

Из вестибюля клуба на освещенный выход выбегает девушка в бальном платье, в туфлях, она возвращается и напевает несколько секунд одна, замечает Арфу и зовет ее:

— Арфочка! Маленькая! Иди сюда, — я тебе капот дам и полуботинки, ты станешь танцевать...

Арфа останавливается:

— Неохота. Пойдем шлак копать... Мужа угнали — я ведь теперь сознательная!..

Девушка (Лида), подтанцовывавшая вальсу все время на пороге вестибюля, подтанцовывает все более медленно и — замирает вовсе.

Лида:

— Быть может — да, быть может — нет, и убегает в вестибюль клуба.

Арфа уходит.

Дамский зал парикмахерской на вокзале (через стекло). Маникюрша делает маникюр посетительнице. Маникюрша быстро-быстро, страстно и невнятно шепчет посетительнице, надраивая ей в то же время ногти; дама-посетительница вторит ей с тою же страстью сплетни.

В дамский зал входит Корчебоков. Он кланяется, что-то нежно восклицает, садится (съемка сцены лучше вести через стеклянную перегородку).

Посетительница встает. Корчебоков является перед маникюршей. Протягивает ей пальцы обеих огромных, нечистых, изуродованных рук.

Маникюрша, рассматривая его пальцы:

— Голубчик, но у вас и ногтей-то нет! Бедный вы труженик!

Корчебоков:

— Неважно... Умоляю вас!

Маникюрша принимается за работу над пальцами Корчебокова.

Корчебоков приближает свое лицо к уху маникюрши, шепчет ей; маникюрша, работая, делает отрицательное движение головой.

Корчебоков отстраняется от нее, снова склоняется через столик, шепчет ей под прическу.

Маникюрша делает любезное, эффектное, но изумленное лицо.

Корчебоков целует ей руку (у него жесткие усы).

Маникюрша с гримасой боли отдергивает свою руку из-под усов Корчебокова: он ее уколол.

Корчебоков целует ей вторую руку.

Маникюрша отдергивает и свою вторую руку из-под колких усов Корчебокова.

Корчебоков:

— Я вас умоляю! Вы — его свояченица: вам ничего не стоит!

Маникюрша, напудривая себе руки в местах поцелуев Корчебокова:

— Вовсе нет, дорогой! Я ему совсем-совсем чужая.

Корчебоков:

— Мы все немного чужие, а все-таки — братья: мне ведь только четыре вагончика нужно, можно даже платформы... Завод стоит...

Корчебоков вскакивает, хватается за голову, — он в привычном трагическом пафосе:

— Завод стоит. Дайте мне колеса, а паровоза не надо, — я сам укачу вагоны на завод! Там цеха стоят, там убытки, я премии не получу, у меня ишиас и дочь невеста: ей пальто надо покупать!..

Он хватает руку маникюрши:

— Вы здесь в штате, вы культработница: познакомьте меня с товарным кассиром. Я вас уже люблю...

Маникюрша делает задумчивое, томное лицо; Корчебоков снова хочет припасть к ее руке, но маникюрша нежным жестом отстраняет его лицо, а другой рукой берет маленькие ножницы и подстригает Корчебокову усы. Корчебоков держит теперь лицо перед ней с готовностью, с блаженством. Подстригая ему усы, маникюрша медленно говорит:

— Надо подумать... Надо немножко подумать!..

Корчебоков не имеет возможности открыть рот, потому что маникюрша сжала обе его губы своими пальцами и подстригает ему усы и бороденку, но он просовывает между прижатых губ язык и шевелит им, касаясь пальцев маникюрши, стеная от благодарности, от удовольствия, от готовности на все.

Маникюрша:

— Вам только четыре вагона нужно?

Корчебоков хватает одну ее руку и целует ее несколько раз.

Маникюрша протягивает ему и другую руку (с ножницами).

Корчебоков, окончив целовать ей руки; смахивает ей пылинки с коротких рукавов платья, прибирает вещи на маникюрном столе, наводит там порядок, берет маникюрный инструмент — пытается делать им маникюр самой маникюрше, затем вынимает из кармана две коробки: одна с конфетами, другая с дорогими папиросами,

угощает маникюршу, садится — теперь уже в довольно небрежной позе. Вынимает третий предмет — дешевую пачку папирос, и закуривает сам.

— Ну, душечка, давайте погрузим уж восемь вагонов — четыре я вчера отправил...

Маникюрша, нежно беря за руку Корчебокова:

— Ну, милый, послушайте: погрузите мне завтра немножко багажа...

Корчебоков свободной рукой берет со столика коробку конфет, коробку папирос, бросает их обратно в свой емкий карман, изымает другую руку из рук маникюрши. Уходит.

— Багаж?! Привет, душка! Я думал — вы свояченица...

Затемнение.

Кричат паровозы; они кричат группами — по две, по три, по четыре машины сразу — во все свои сирены, просясь на экипировку. Паровозы то скулят в тонкую сирену, то режут второй могучей сиреной-октавой; то один паровоз, то несколько — хором. Экран еще затемнен.

Аппарат берет по очереди паровозы, с хвоста их очереди: первый, второй, третий... пятый. Это «ФД», — они стоят в затылок на одном пути; ветер, скорость, напряжение долгого труда оставили следы на их теле, в виде потоков грязи, переработанного масла и пр. Очередь вопящих паровозов кончается.

Последний (пятый) паровоз; он освещает своим прожекторным фонарем шлаковую яму, наполненную дымящимся шлаком до полна. На шлаке сидит Арфа и быстро, спеша, кидает шлак за борт платформы, стоящей на параллельном пути. Паровозы угрожающе, требовательно режут над маленькой, поспешно работающей Арфой. Появляется Лида с лопатой на плече; она одета теперь не в бальном платье, а в грубую куртку, в сапогах, в шапке, в рукавицах. Паровозы затихают.

Лида и Арфа работают вдвоем в шлаковой яме. Они погрузились в нее уже до колен: шлака стало в яме меньше.

Паровозы закричали опять. Арфа и Лида работают, освещенные прожектором ближайшего к яме паровоза. Женщины измождены, густой пот катится по их лицам.

Длинные тени двух людей приближаются к шлаковой яме.

Голос Корчебокова (в обычной для него ажитации):

— У меня завод стоит!.. Дайте моему поезду паровоз, а то я сам его возьму!

Другой голос:

— Вы — арап...

Голос Корчебокова:

— Ну, правильно... А вы — начальник станции!

Тени останавливаются. Закричали два паровоза. Арфа вдруг садится на край ямы, — рукоятка лопаты, которую держит Арфа, теперь выше ее головы. Арфа закрывает глаза.

Стонущий крик стоящих возле ямы паровозов переходит в приглушенную мелодию поездного, мчащегося паровоза. Купе жесткого вагона. На верхней полке навзничь спит Федор.

Коридор этого же вагона. По коридору идут проводник и агент НКВД. Они внимательно разглядывают спящих пассажиров, не находя, кого нужно.

Спящий Федор. Проводник и агент останавливаются у его ног.

Проводник осторожно берет Федора за ступню ноги и покачивает ее.

Федор сразу вскакивает и ударяется головой о третью полку.

Агент подымает руку под козырек и задает Федору вопрос.

Федор отвечает, вынимает документ, показывает его агенту.

Агент, бегло поглядев в документ, подает Федору, телеграмму, и оба они — агент и проводник — по-военному прощаются с Федором и удаляются.

Федор вскрывает телеграмму, читает ее.

Телеграмма:

«Возвращайтесь работать домой суд ошибся просьба извинить наркомпутъ Каганович».

Федор прыгает с полки на пол.

Ночь. Поручни из тамбура вагона. Поезд идет быстро. Слышна работа паровоза.

Рука Федора хватается за поручень, показывается сам Федор, он спускается по ступенькам вниз, в руках у него маленький железный сундучок-чемодан, он задерживается на мгновение на нижней ступеньке и прыгает во тьму.

Корчебоков бешено работает, выкидывая шлак из ямы на платформу вагона. На краю ямы сидят Арфа и Лида; они едят конфеты из коробки Корчебокова, которая стоит открытой между женщинами.

Корчебоков останавливается работать. Считает пальцами конфеты в коробке: их осталось мало. Корчебоков закрывает коробку, бросает коробку в пасть кармана, разверстную как чрево портфеля.

Арфа и Лида берут лопаты, спрыгивают в яму, — на работу.

Паровоз без дышел, — тот, где находятся Евстафьев и Иных: Евстафьев стоит на земле, наливает в чайник воду из нижнего, последнего крана тендера.

Голос нач. дороги из паровозной будки:

— Почему же вы, товарищ Евстафьев, могли ездить хорошо, а другие нет?

Пауза.

В чайник льется вода. Евстафьев поворачивается лицом в экран, ласкает свои развитые усы.

— Потому что я, знаете ли, человек с усами.

Голос Иных:

— На усах не ездят.

Евстафьев:

— Усы — рисовка. Ездить надо на своем сердце, на машине и на совести...

Чайник налит. Евстафьев запирает кран, поднимается с чайником в кабину машины, скрывается там.

Безлюдный холодный паровоз извне. Диалог невидимых людей в паровозной будке.

Евстафьев:

— Человек остывает, товарищ начальник, и человек согревается... У тебя какая рука — горячая или холодная?

Пауза. Иных:

— Теплая... Завтра поедешь?

Пауза. Евстафьев продолжительно сморкается, потом говорит:

— Подумаю...

(Слышно, как издали кричат паровозы — те, у которых работают Арфа, Лида, Корчебоков).

Затемнение.

Комната Арфы. Утро. Арфа спит на кровати. Выражение ее лица меняется, точно по нем плывут сновидения.

Над нею, на верхнем этаже заиграла детская губная гармоника — ту же младенческую песенку, что и вчера.

Арфа открывает глаза, смотрит вверх, где играет музыка.

Голос отца из другой комнаты:

— Марфуша, убери меня.

Арфа лежит, слушая музыку, не отвечая отцу.

Губная гармоника умолкает. Входит Евстафьев — полуодетый, босой, но важный. Он подходит к кровати дочери.

Арфа привстает было на постели в белье, но затем быстро натягивает на себя одеяло.

Она застегивает отцу верхние пуговицы на рубашке, повязывает тонкий шарф вокруг горла, причесывает волосы, вырывает ему лишние волосы из ноздрей, потом из ушей.

Отец морщится, терпит. Послюнявив палец, Арфа расправляет этим пальцем густые брови отца.

Отец гладит рукою через одеяло спину дочери.

Арфа вдруг припадает к отцу в своем горе.

Отец кладет ее в постель, накрывает одеялом с головой и с достоинством удаляется.

Станция. Товарный состав. Смазчик заправляет буксы. Около смазчика — Корчебоков. Он помогает смазчику: густо заливает подшипники — масло льется через край буксы. Затем Корчебоков пробует и гладит рукой рессоры, заглядывает даже под вагон. Долгое торжественное пение паровоза — на отправление.

Паровоз (желательно «ФД»). Из окна машиниста глядит вперед, натягивая левой рукой поводок сирены, Евстафьев.

Машина трогается. Евстафьев оправляет усы.

Состав натягивается, разгоняется, быстро ускоряя ход. Корчебоков стоит и провожает идущий мимо него поезд; он машет фуражкой в сторону машиниста — в знак приветствия и доброго пути.

Бугор в полосе отчуждения, на котором сидел Евстафьев. На бугре сидит Арфа. Музыкально, ритмически, шелестящим шагом приближается поезд.

Арфа встает на ноги.

Паровоз Евстафьева: прекрасным ходом, на мягкой, но большой отсечке блестящая машина тянет состав. В окне машины — фигура Евстафьева.

Арфа машет рукою отцу.

Отец отвечает ей одним жестом: ладно, дескать, — ты видишь: некогда.

Арфа кричит отцу:

— Папа, нажимай сильнее!

Мальчик стоит на переезде (тот, с которым уже знаком Евстафьев) с высоко поднятым флажком. Гул поезда. Паровоз. Бешеный такт бегущих вагонов. Пыль и песок летят в лицо мальчика. Он не прячет лица, он держит его высоко, повернув слегка в сторону паровоза.

Поезд прошел. Мальчик выходит на путь, становится между рельсами, обращается лицом к ушедшему поезду (спиной к зрителю), держит развернутый флаг. Сор, песок и бумажки пляшут на рельсовой колее.

Почта и телеграф на вокзале. Окошко «выдача корреспонденции». Арфа спрашивает в окне. Уходит ни с чем.

Другое окно «выдача телеграмм». Арфа подходит к этому окну. Девушка за окном, не справляясь о прибывших телеграммах, глядит на Арфу и отрицательно качает головой: ничего нету.

В волнении, в энтузиазме, в бешенстве появляется Корчебоков, запускает руку за телеграфное окно, хватая там телеграфные бланки:

— Я с товарищем начальником дороги и уполномоченным НКВД познакомился!!

Быстро пишет на бланке у окна. Телеграфная служащая высовывается оттуда. Арфа говорит Корчебокову:

— Здравствуйте!

Корчебоков, не узнавая Арфу, не сознавая обстановки, в искреннем восторге:

— Да здравствует товарищ Корчебоков!

Телеграфная служащая:

— Это вы?

Корчебоков:

— Да, я — это он: товарищ Корчебоков! — и дает ей написанный бланк, вместе с деньгами.

Замечая Арфу, Корчебоков вытаскивает из пасти своего кармана постоянную коробку конфет, сует ее Арфе:

— Ешь... Теперь я все равно уже фигура.

Телеграфная служащая:

— Простой отправить?

Корчебоков (орет):

— Молнией!!

Корчебоков икает, потом вдруг яростно скрипит зубами в недержании возбужденных чувств.

Телеграфная служащая, держа телеграмму Корчебокова, невинно:

— А тут пустяки написаны: вы жене хвалитесь!

Корчебоков не слышит служащую; он издает неопределенные восклицания, вроде: пых-рык — и уходит.

Показывается почтальон. Он проходит мимо Арфы с полной сумкой.

Арфа останавливает его; роется в его сумке, читает адреса на письмах. Почтальон улыбается и сожалеет, что нет для барышни письма.

Затемнение.

Вечер. Комната Арфы. Она пудрится, мажет губки перед ручным зеркалом.

Играет губная гармония на верхнем этаже. Арфа кладет зеркало на стол, слушает, кротко улыбается.

Садится, снимает туфли, стирает ладонью пудру с лица и краску с губ, задумывается.

Губная гармония перестает играть. Арфа поднимает голову, выжидающе смотрит на потолок.

Пауза. Арфа снова надевает туфли, снова мажет губы.

Стучат в дверь. Арфа открывает дверь.

Почтальон. Он глядит доброжелательно. Арфа хватает его за сумку.

Почтальон:

— Да нету, дочка, ничего. Пришел тебе сказать, что нету — не пишут тебе...

Арфа:

— А у вас пропадают письма?

Почтальон:

— Да ведь сама знаешь... Не шумит ведь народ, что Наркомсвязь, дескать, дюже хороша, значит — пропадают...

Арфа:

— Ну, ступай отсюда. Не прогуливай время.

Почтальон удаляется. Арфа смотрит на потолок, надевает шапочку, опять глядит на потолок:

— Играй еще!

Молчание. Арфа прощается движением руки с потолком и выходит.

Музыка — вальс (или фокстрот). Зал клуба. Танцуют: две-три пары. Один — без партнерши — танцует как умеет (т. е. фантастически) Корчебоков: он в прежнем костюме командировочного, нечистоплотного, вокзального человека, но на голове его теперь уже надета поношенная железнодорожная фуражка.

В зал входит Арфа. Она останавливается у стены.

К ней бросается Корчебоков. Он приглашает Арфу танцевать. Арфа немного жеманничает: она все-таки замужня женщина.

Они танцуют. Корчебоков почти кладет голову на прическу Арфы.

Музыка стучится в энергию печали и вечной разлуки; Арфа все ближе и ближе припадает к груди, к рубашке Корчебокова, меж расстегнутыми бортами его пиджака.

Вот она почти лежит на его груди, ее затылок гораздо ниже подбородка Корчебокова. Корчебоков с удовольствием наблюдает прильнувшую к нему женщину и озирает публику — создается ли у народа какое-либо впечатление о его дополнительных достоинствах.

Вдруг Корчебоков близко склоняется к головке Арфы. Музыка сразу умолкает. Корчебоков и Арфа останавливаются в объятиях.

Корчебоков:

— Вы плачете, душка?

Арфа:

— Немножко.

Корчебоков:

— Не стоит. Я вас еще могу полюбить.

Зазвучала двойная плачущая сирена паровоза — заунывно и просяще. Корчебоков враз отстраняет от себя Арфу и напряженно, бдительно слушает пространство. Арфа стоит теперь с открытым заплаканным лицом. Несколько ближайших с ним людей хотя и глядят на Арфу, но без внимания, — люди отвлечены тревожным сигналом паровоза.

Арфа идет одна с заплаканными глазами мимо людей, стоящих у стены, к выходу.

Корчебоков, сугубо задумчивый, стоит на месте, подняв голову, слушая тревогу паровоза.

Вдруг Корчебоков бросается вслед за Арфой.

Паровоз умолкает. Корчебоков сразу останавливается, Паровоз дает два коротких спокойных сигнала. Корчебоков улыбается. Тишина. Пауза. Слышные одинокие удаляющиеся шаги.

Арфа идет одна, уже вдалеке, по коридору клуба.

Корчебоков. Он делает жест по направлению к оркестру (оркестр тоже виден):

— Продолжайте нашу программу!

Затемнение.

Утро. Улица. С огромной, переполненной почтовой сумкой быстро идет Арфа.

Большой дом в несколько этажей. Арфа входит в подъезд.

Коридор внутри дома. Двери направо и налево. Арфа спешит по коридору. Стучит в одну дверь.

Дверь открывается. Мужчина в пижаме, усы завернуты в бумажку. Арфа подает ему бандероль, открывает разносную книгу, чтобы получатель расписался.

Мужчина, расписываясь в книге, томно наблюдает Арфу — прямо в лицо:

— Замуж не хотите?

Арфа:

— Я подумаю.

Мужчина:

— Хорошо. Я подожду.

Арфа у другой двери. Дверь открывается. Там ребенок в рубашонке, лет 4 — 5. Он протягивает руку. Арфа дает ему конверт. Ребенок берет и тут же бросает конверт

и снова протягивает пустую руку. Арфа вынимает шпильку из волос и дает ребенку. Ребенок зажимает шпильку в руке и затворяет дверь.

Арфа нажимает кнопку звонка на парадном крыльце. Растворяются сразу обе створки дверей. Молодой, изящно одетый человек. Он низко кланяется.

Арфа подает ему два конверта, бандероль, газету.

Молодой человек почтительно принимает эти дары. Он берет Арфу под руку, уводит ее почти принудительно в квартиру.

Прекрасно оборудованная комната. Стол в цветах, в убранстве, полный яств. За столом сидит женщина с прелестным вдохновенным лицом. Сонная улыбка, блаженство жизни, свободное счастье запечатлены на ее лице.

Входит молодой человек об руку с Арфой; он подводит Арфу к незнакомой женщине.

Женщина здоровается с Арфой, встает, обнимает Арфу и целует ее в губы.

Молодой человек наливает три бокала шипучего вина. Дает бокал Арфе — она отказывается.

Молодой человек и женщина пьют вино, Арфа бережно берет одну конфетку из вазы.

Молодой человек целует Арфу в лоб, хватает из сосуда букет цветов и засовывает его в почтальонскую сумку.

Молодой человек жадно ищет глазами по столу, по стенам, по мебели. Незнакомая женщина стоит около Арфы. Арфа подает руку женщине на прощание.

На шее молодой женщины висит мелкий медальон.

Молодой человек мгновенно снимает медальон и подает его Арфе.

Арфа берет медальон, сует его обратно за лифчик хозяйке, хозяйка смеется, смотрит себе под ноги — на пол, расставляет ноги, медальон падает между ее ног.

Арфа выскакивает из подъезда, она без почтовой сумки; за нею выходит молодой человек — на нем надета теперь почтовая сумка.

Он снимает с себя сумку, вешает ее на дерево и, улыбаясь, приветствуя Арфу рукой на прощанье, скрывается обратно в доме.

Отбежавшая Арфа возвращается к сумке.

Вечер. Улица. Тот же свет, прозрачность, пауза природы, как в час возвращения Арфы с вокзала, когда она проводила мужа. Арфа идет одна с пустой почтовой сумкой, она не спешит — почта вся уже доставлена, письма от мужа нет.

Вот она ближе к зрителю. Лицо ее в ожидании, оно насторожено, точно Арфа ожидает страшного и неизвестного ей события или удара в голову. Она часто, испуганно дышит, ускоряет шаг, исподволь осматривает пустую сейчас улицу.

Арфа удалилась от аппарата, она почти бежит. Улица пуста.

Арфа еще дальше. Она бежит.

Арфа кричит поющим воплем и падает на землю.

Краткая пауза. Арфа шевелится на земле, борясь со своим обессиленным сердцем, со своей печалью и беспомощностью.

Четверо ребятишек бегут к лежащей Арфе из переулка. Показываются двое взрослых.

Арфа с усилием поднимается на ноги. Стоит некоторое время, принаравливаясь ногами и телом к движению, борясь с собственным, внезапным бессилием.

Обнимая сумку, точно держась за нее, она побежала, от людей на удаление.

Чистое поле. Арфа лежит на земле вниз лицом. Тощая сумка находится несколько на отлете от нее, но лямки сумки по-прежнему на плечах Арфы; два жалких письма наполовину высунулись из скважины сумки.

Арфа встает и садится, она держится рукою за грудь. Лицо ее сухо. Она слабо улыбается. Она говорит:

— Мне опять хорошо стало: мое сердце прошло.

Встает на ноги, поправляет сумку, отирает лицо, к которому пристала трава и земля, и уходит в сторону.

Слышна сначала частая, тяжелая отсечка паровоза; эта отсечка однако делается все более редкой и еще более тяжелой по звуку — паровоз берет в упор на подъем тяжеловесный состав и быстро теряет скорость. Тормозная площадка товарного движущегося вагона. На этой площадке, свесив ноги на ступеньку, сидит Федор. В одной руке палка с привязанным к ней букетом полевых цветов.

Федор привстает и высовывается далеко вперед — в направлении паровоза. Он прислушивается к работе паровоза в голове поезда. Паровоз (звук) вдруг забился в учащенной отсечке, как в истерике: машина буксует.

Федор соскакивает с тормозной площадки на землю.

Федор бежит параллельно медленно идущему составу, обгоняя вагоны.

Отсечка на редком, тяжком ритме. Передняя часть паровоза, работающего в напряженном режиме с дутьем во весь сифон. Впереди паровоза нешибко бежит по рельсовой колее Федор, он пригибается, берет песок из балластного слоя и посыпает им рельсы.

Другая позиция съемки. Правое крыло машины. Из окна будки машиниста глядит Евстафьев. Впереди паровоза по-прежнему трудится Федор. Паровоз работает на спокойном, тяжком ритме (это слышно по сифону, по отсечке, видно по работе паровой машины, по вздрагиванию отсвета пламени в поддувальных дверцах, — наконец, что бывает редко, но допустимо: это видно по мгновенному пламени, которое выбирают бандажи сцепных колес из рельс, что дает наиболее эффектное зрительное впечатление о могущественном напряжении машины). Лицо Евстафьева спокойно и вдохновенно. Он вдруг исчезает из окна, тотчас же в окне появляется его помощник, а Евстафьев сбегает по трапу на землю, он у работающей правой машины, — берется рукой за машущий узел дышлового сочленения и водит рукой вслед за движением механизма, спеша ногами за ходом паровоза.

Евстафьев:

— Сыпь побольше, Федя, погуще и, поровней...

Федор, не отрываясь от своей работы:

— Арфа жива или нет?

Евстафьев (щупая другие детали машины, например — крейцкопф):

— Не знаю: приедем — поглядим.

Федор забрасывает палку с привязанным к ней букетом цветов на передок паровоза — на эстакаду под передней топкой. В этот момент он не сыплет песка на рельсы.

Бешеное, внезапное буксование машины. Евстафьев враз отскакивает от механизма и взбегаёт по трапу на паровоз.

Евстафьев снова на своем месте — в будке, у окна, за управлением. Машина прекратила буксование.

Евстафьев (Федору):

— Песку давай, сопляк!

Федор — он опять сыплет песок на рельсы:

— Ты ездить не умеешь, старый сыч!

Евстафьев:

— Старайся молча там, муж моей девчонки!

Федор бросает работать, вскакивает по подвеске к передней топке паровоза, подымает там свою палку с цветами. Сильное буксование паровоза.

Федор пробегает со своей палкой по боковой эстакаде паровоза, влезает по поручням на тело котла, к песочнице.

Буксование прекратилось. Паровоз тяжело отсекает пар, идет медленно, еле-еле. Федор помещается около песочницы, он устраивается около нее (садится верхом на котел, либо на выступ котла), открывает песочницу, шурует в ней палкой.

Выходной конец песочной трубки — у головки рельса, около бандажа сцепного колеса. Из трубки пошла струйка песка.

Федор (Евстафьеву):

— Давай полную отсечку!

Евстафьев увеличивает отсечку. Паровоз пошел несколько быстрее и уверенней. Евстафьев, манипулирующий в будке, и Федор на котле, точно погоняющий паровоз палкой через песочницу, — сразу видны зрителю оба. Вдруг Федор перестает работать в песочнице.

Конец песочной трубки. Песок не идет.

Буксование машины.

Федор быстро сходит с котла.

Евстафьев в окне будки, кричит:

— Ты что ж, сукин сын?

Федор (он на эстакаде у котла). Буксование прекратилось, паровоз опять ползет еле-еле, на полуоткрытом регуляторе, на сокращенной отсечке.

Федор и Евстафьев в будке у окна.

Федор:

— У тебя песку нету, там глина одна!..

Евстафьев (кратко):

— Состав, Федя, дюже велик.

Резкое буксование машины.

Федор манипулирует реверсом и регулятором. Буксование прекращается.

Федор:

— У тебя усы велики... Ступай на песок, я сам поведу.

Евстафьев сбегает по трапу на землю.

Он впереди паровоза на балласте. Сыплет вручную песок на рельсы.

Федор в окне паровоза. Он манипулирует регулятором и реверсом. Тяга машины увеличивается, могучая отсечка ускоряется.

Федор:

— Давай, давай, старик! Усы береги, не пачкай!

Евстафьев работает все более поспешно. Машина идет ему в затылок, Евстафьев посыпает песок на рельсы бегом.

Федор открывает регулятор больше. Отсечка резко ускоряется, скорость паровоза сразу увеличивается.

Евстафьев уже бегом сыплет песок на рельсы. Но машина уже почти вплотную настигает его.

Евстафьев сбегает с колеи на сторону, кричит Федору:

— Федор Матвеич, давай на весь клапан!

Федор (у окна):

— Не учи меня теперь, Нефед Степанович!

Евстафьев (он бежит параллельно паровозу):

— А кто же тебя ездить научил, стервец?

Федор:

— Ты. Спасибо. Садись.

Евстафьев вскакивает на трап машины.

Федор делает движение левой рукой для открытия регулятора на всю дугу.

С высшей частотой забились отсечка пара в трубу. Машина паровоза уже на большой скорости. Полный ход.

Федор натягивает поводок сирены. Сигнал на проход — долгий, один короткий. Около Федора — Евстафьев. Машину ведет Федор. Евстафьев ласкает свои усы:

— Здравствуй, Федь. Марфушка твоя ничего: жива пока.

Подает руку Федору (снимать можно извне, тогда действие это наблюдается в окне паровоза, или с тендера паровоза, изнутри).

Федор:

— Ладно. Отвыкай ездить на усах.

Машина извне на большом ходу проносится мимо переезда. В окне будки паровоза два человека глядят вперед — Федор и Евстафьев. Паровоз в этот момент проходит по переезду и исчезает.

На переезде стоит женщина, держа в вытянутой руке флажок. За ее юбку держится мальчик, — тот, который имел деловые отношения с Евстафьевым, когда его родители уезжали в колхоз. Мимо них с воем и дрожью мчатся вагоны. Где-то, наверно в железнодорожной путевой будке, играет гармоника.

Мальчик оставляет мать, приседает на корточки и смотрит бдительно на ходовые части вагонов. Поезд прошел.

По железнодорожной колее — вдали — идет Иных (спиной к зрителю).

Он приостанавливается, смотрит вниз — на стык или может быть на негодную шпалу, — наклоняется, пробует рукой, идет дальше.

За Иных — еще дальше него — возникает маленькая фигурка мальчика; он сидит верхом на рельсе и забивает что-то (костыль) молотком.

Иных останавливается около работающего мальчика. Мальчик доколачивает костыль и поднимает лицо на Иных.

Иных подает мальчику руку. Мальчик подымается на ноги и протягивает руку в ответ.

Две фигуры удаляются: Иных и мальчик с молотком на плече. Вдали — за ними — железнодорожная путевая будка.

Иных берет мальчика на руки. Мальчик очутился теперь наполовину поверх плеча нач. дороги, лицом к зрителю, молоток по-прежнему у него на плече.

Иных и мальчик (он на руках у нач. дороги по-прежнему). Они находятся (более близко к зрителю, чем в предыдущих кадрах) около усадьбы железнодорожного путевого дома. В усадьбе или в доме играет гармоника, слышны буйные голоса веселящихся людей.

Иных:

— Там отец с матерью твои?

Мальчик:

— Они. Дядя с раскулачки вернулся, теперь гуляют. (Задумчиво) Пускай гуляют, все равно скоро помрут...

Иных медленно опускает мальчика на землю.

Мальчик стоит около нач. дороги, подняв к нему лицо. Иных снимает со своей руки часы. Подает часы мальчику:

— Они помрут, а ты вырастешь и часы тебе годятся.

Мальчик, беря часы:

— Годятся.

Иных берет мальчика подмышки, приподнимает его, целует в лоб, опускает обратно. Гармоника в доме играет «Бедная, бедная, бедная я, бедная, горькая участь моя...» — и женские голоса воют соответственно этой песне.

Прямая железнодорожная колея. Вдалеке на ней — фигура удаляющегося нач. дороги. Мальчик стоит близко к аппарату, он смотрит время на подаренных часах, потом глядит вслед Иных, оборачивается, чтобы уходить:

— Пойду отца с матерью ругать.

Вечер. Комната Арфы. Окно открыто наружу. Тишина. Трещат кузнечики. Арфа одна, она у рупора радиоприемника:

— Ну, скажи мне что-нибудь.

Включает радио. Радио: «А вот, товарищи, гражданин Подсекайло, Иван Минович, спрашивает нас, где достать куб для горячей воды, — мы отвечаем ему...».

Арфа стоит с печальным лицом, глаза ее дремлют; она переключает радио на прием другой станции:

— Ты не то говоришь.

Радио: «Кенаф, клеветница, соя, кендырь, куяк-суюк...»

Арфа переключает радио. Радио: «А сейчас оркестр деревянных инструментов исполнит совхозную симфонию на дровах» — и раздаются несколько глухих, мрачных звуков вступления в эту симфонию.

Вдруг одновременно со звуками вступления в симфонию на дровах — играет детская губная гармония. Арфа подымает голову к потолку, прерывает радио.

Арфа одна. Она садится по-детски на пол. Трещит кузнечик из открытого окна. Губная гармоника играет наверху.

Открывается без стука дверь. Входит Федор, в руках у него старая палка и привязанный к ней пучок цветов. Гармоника наверху издает несколько последних звуков и умолкает.

Арфа встает. Федор обнимает ее. Арфа вынимает из-за кофты конфету — которую она взяла из вазы в квартире молодого человека, получателя корреспонденции — и подает ее Федору, а сама берет себе с палки Федора цветы.

Они стоят в скромных объятиях.

Арфа:

— Федя, зачем ты вернулся: тебя в тюрьму возьмут.

Федор:

— Я по тебе соскучился.

Арфа берет лопату в углу комнаты.

— Я шлак пойду копать, а то нам нечего будет есть и ты меня разлюбишь.

Арфа кладет лопату на плечо. Федор берет ее за руку, чтобы удержать жену при себе. Арфа убирает свою руку, произносит:

— Ложись спать. Снимай штаны и подштанники, я приду их заштопаю.

Федор:

— Не ходи никуда. Я теперь прощенный.

Он показывает Арфе телеграмму.

Арфа читает телеграмму — и сразу веселеет, меняется, целует Федора.

— Вот хорошо-то. Я тебя сейчас еще больше люблю, я ведь карьеристка!..

Возвращая телеграмму Федору, Арфа задумывается:

— А все равно ведь зарплату ты не скоро получишь, я пойду немножко потружусь!

И она уходит.

Федор кладет конфету Арфы на стол и ложится на постель вниз лицом, нераздетый. Губная гармония заиграла наверху, над Федором.

Затемнение.

Негромкое, тревожное пение нескольких паровозов. Прояснение экрана. Дверь в кабинет начальника станции. Около этой двери вращается в нетерпении, в беспокойстве Корчебоков. Пение паровозов продолжается с редкими перерывами.

Этот же кабинет снаружи, например, с платформы перрона. За окном свет, силуэты людей (собрание). К окнам подсакивает Корчебоков; он прислушивается; он поднимается на носках к открытой форточке; отскакивает; бесится; разбегается; лезет в форточку; выпадает оттуда обратно, говорит (почти кричит):

— Они зашились, товарищ начальник дороги, — это пробка с сургучом. Дайте я по благу транспорт разошью, раз они по закону не могут.

Голос Иных (как бы в спину Корчебокову):

— Попробуйте, Корчебоков!

Корчебоков мгновенно, судорожно оборачивается в другую сторону, во тьму, бросается туда, почти падает.

Две фигуры — Иных и Корчебоков — идут по платформе.

Корчебоков:

— А мне ничего не будет?

Иных:

— Если у вас ничего не выйдет?

Корчебоков:

— Наоборот, если выйдет. Скажут: ты победил неправильно, не по науке и закону, ты арап и нахал, иди канал кончать — и дадут мне лопату.

Иных бьет Корчебокова по плечу и громко смеется.

Корчебоков оглядывается во все стороны:

— Почему сейчас никто не смотрит на меня? Это убыток!.. Товарищ начальник дороги, ударьте меня по плечу публично, чтобы все командиры видели! Я вас очень прошу!

Иных и Корчебоков проходят по коридору в кабинет начальника станции.

Кабинет снаружи (через освещенные окна). Силуэты людей встают все враз. Аплодисменты. Громкий, глубокий, печальный голос нач. дороги, заглушающий аплодисменты:

— Кончайте, товарищи, шутить со мной! Не заглушайте мне паровозов.

Аплодисменты робеют и стихают. Плачущее пение паровозов.

Паровоз Евстафьева снаружи; машина стоит у семафора или светофора. Семафор закрыт (на светофоре красный сигнал). В конце машины помощник Евстафьева; он потягивает сирену, паровоз дает заунывные сигналы с просьбой о проходе. Около паровоза сидит на земле и прикуривает от факела Евстафьев; он говорит:

— Кончай, Васька. Станция забита, зря спешили-ехали...

Помощник перестает потягивать сирену. Сразу глубокая тишина, и другие дальние паровозы тоже молчат.

Евстафьев:

— Василий. Давай на скрипке учиться играть.

Утро. Комната Арфы. На кровати лежит в прежней позе (вниз лицом) Федор. Арфа сидит в его ногах, она одета в рабочую одежду, она испачкана, она вернулась с работы, лопата ее стоит прислоненной к спинке кровати. Арфа снимает старые разбитые башмаки с ног Федора, просит медленно и жалостно:

— Ну, Федя... Вставай жить, становись героем — я ведь тоже счастья хочу, а то скучно... Лучше бы ты не женился на мне!

Арфа прилегает к Федору. Детская гармоника наверху делает несколько жалобных тактов.

Дверь отворяется. Входит Евстафьев с ночной работы, с сундучком, как есть. Он подходит осторожно, на носках к Арфе и Федору.

Шепчет Арфе на ухо.

Арфа садится на постели:

— А у меня угощения нету!

Евстафьев открывает сундучок, вынимает и кладет оттуда на подоконник кусок хлеба, огурец, пучок лука, кусок сахара.

Арфа берет со стола конфету, которую она же подарила Федору, и добавляет ее к закуске отца на подоконнике.

Затемнение.

У подоконника на табуретках сидят спиной к зрителю три человека: Иных, Евстафьев и еще один старый машинист Арчапов. У них на подоконнике стакан с чаем для нач. дороги. Машинисты пользуются железными кружками, Федор заново, но не богато одетый, сидит на постели. Арфа стоит с большим железным чайником позади отца и гостей. Гости едят пищу, пьют чай. Арчапов (жуя пищу):

— Ни хрена не выйдет, товарищ начальник...

Иных:

— А ведь вот люди говорят — у большевиков всегда все выходит!..

Арчапов:

— Нет, это брешут... Расшибете стрелки, поломаете путь, пожжете паровозы — и станете навеки...

Пауза.

Иных встает с табуретки (оставаясь спиной к зрителю):

— Я поеду сам.

Евстафьев и Арчапов встают, берут нач. дороги за руки в чувстве и удивлении; оба:

— Товарищ начальник...

Арфа ставит чайник на пол. Берет платок, покрывает его на голову.

Федор встает в сильном, сдержанном волнении; он открывает рот для слова — и молчит от робости.

Арфа:

— Я тоже поеду.

Хлопает дверь за ушедшим нач. дороги.

Арфа уходит следом за ним.

Трое: Евстафьев, Арчапов и Федор. Губная гармоника начинает играть наверху. Евстафьев, подняв голову к потолку:

— Замолчи там, стервец!

Гармоника сразу умолкает и слышно стало, как заплакал ребенок.

Арчапов (к Федору):

— Ну, скажи, пожалуйста: вывези ему сразу пять тысяч тонн, а потом семь...

Федор молчит; он надевает старый пиджак, берет шапку, снаряжается.

Евстафьев и Арчапов стоят в оцепенении.

Федор показывает им телеграмму Кагановича. Старые машинисты читают ее.

Евстафьев:

— А чего ж молчал сидел, нахал!

Федор:

— Я еще молодой машинист, начальник дороги меня не знает... Я стыдился.

Евстафьев:

— Фу, хулиган!..

Федор молча уходит.

Евстафьев (Арчапову):

— Хочешь я тебе сейчас в глаз дам?

Арчапов:

— Эх, ты, сукин сын с усами! — и уходит вон; за ним поспешно выходит и Евстафьев. Корчебоков в полной новой железнодорожной форме у селектора:

— Готово?.. Что?.. Сейчас я это скоманую лично.

Корчебоков с энергией энтузиазма, четким быстрым шагом выходит прочь. На лице его — огромное достоинство.

Сцепление паровоза с первым вагоном-платформой. Центра вагона высоко подняты над центрами паровоза.

Голос Корчебокова:

— Безрукие!!! Безграмотные!! Догрузить платформу балластом, — рессоры сядут, и сядут центра!

Паровоз («ФД»). Около кабины. Внизу стоит одинокая Арфа в ожидании.

Этот же паровоз спереди, но — вдали. Из аппарата к паровозу идет по пути Федор, он посыпает рельсы песком, беря его из балластового слоя.

Федор около Арфы у кабины паровоза.

Появляется Иных; он берется за поручень траповой лестницы паровоза.

Федор поднимает руку под шапку — отдает честь.

Нач. дороги подымается на несколько ступеней по трапу и приостанавливается, слушая Федора.

Съемка ближе; группа людей дается со спины.

Федор:

— Товарищ начальник! Можно еще тонн пятьсот, но дайте толкач тронуть с места.

Иных (в сторону):

— Корчебоков!

Голос Корчебокова:

— Есть, товарищ начальник дороги товарищ Иных!

Иных:

— Пятьсот тонн в хвост. И толкача до выхода!

Корчебоков:

— Есть пятьсот тонн в хвост, товарищ начальник дороги! Я уже их раньше прицепил — я догадался!

Федор поднимается по трапу мимо нач. дороги; за ним пробирается наверх Арфа.

Иных спускается с трапа. Паровоз сильно засифонил.

Сцепление паровоза с передним вагоном: центра вагонов садятся — видно на глаз.

Появляется Корчебоков, измеряет пальцами, кричит куда-то:

— Еще чуть-чуть! Скорей!! Шевелись!

Иных стоит у паровоза на земле, лицом к машине. В окне кабины — Федор.

Нач. дороги быстро подымается по трапу; он в кабине — и целует Федора.

Иных в проходе кабины (ближе к тендеру); за нач. дороги Арфа, она приподымается к его лицу;

Иных целует ее в лоб, спускается по трапу вниз.

Перрон вокзала. У перрона свободный путь. Группа железнодорожников на перроне. Впереди группы — дежурный по станции и Корчебоков.

Шум идущей моторной дрезины. Мимо платформы быстро проезжает открытая дрезина: на ней фигура нач. дороги и еще один человек — моторист.

Дежурный подымает сигнал отправления.

Корчебоков снимает фуражку; опомнившись, надевает ее снова, берет под козырек, и вдруг убегает в сторону.

Кабина паровоза. Окно. Федор. Он дает сигнал отправления, затем два коротких гудка: прислушивается. Издали эти (точно такие же) сигналы повторяет второй паровоз.

Играет нестройная, неумелая музыка. Вокзальный садик за низкой изгородью у перрона. В этом садике самодеятельный оркестр: кондуктора со старинными служебными лицами, пионеры, уборщицы и др. Оркестр играет марш, и от неслаженности он звучит жалко, а Корчебоков дирижирует оркестром с вдохновенным, с высшим художественным выражением в лице.

Окно в кабине паровоза. Федор. Стонущий мелодический звук клапана баланса. Машина паровоза. Дышла делают четверть оборота и приостанавливаются в растяжке. Стонущий, мелодический звук клапана баланса усиливается.

Кабина. Федор. Он дает два коротких жалобных сигнала. Краткая пауза. Далекий паровоз отвечает ему такой же парой сигналов.

Федор плавно и далеко открывает регулятор.

Машина. Дышла медленно трогаются и проворачивают колеса.

Мгновение — и бешеное буксование машины, дышел почти не видно, из-под бандажей ведущих сцепных колес летят искры и пламя огня, вырабатываемое могущественным усилием машины.

Кабина. Федор. Он манипулирует реверсом. Слышится пара жалобных сигналов далекого паровоза.

Машина. Буксования нет. Дышла медленно проворачивают колеса. Слышится мелодичное пение самого усилия гармонично работающей машины, слагающееся из звуков напряженных, динамических деталей.

Под кабиной, по земле бежит без фуражки Корчебоков. Он плачущими глазами смотрит вверх на Федора, он хватается рукой за поручень трапа.

Машина несколько издала. Колеса проворачиваются все более быстро, тяговое усилие и скорость нарастают каждое мгновение, почти толчками, это видно по ходу дышлого механизма.

Корчебоков бежит, упираясь в поручень трапа, точно помогая паровозу.

Лицо Федора в окне кабины. Оно в поту и вдохновении.

Продувка: из кранов цилиндра вихри пара.

Корчебоков стоит на месте. Перед ним с могучим ускорением — все быстрее и быстрее — бегут вагоны состава. По игре и по звуку стыков слышна и видна их скорость. Вагоны (платформы) нагружены самым разнообразным богатством: уголь, тракторы, автомобили, огромные ящики, контейнеры, комбайны, фермы мостов, чудовищное оборудование для металлургических заводов на специальных многоосных платформах и т. д. и т. п. Этой мизансценой можно сразу и мощно охарактеризовать могучее творчество страны.

Корчебоков корчится, приплясывает, кричит, хватается песок и ест его, плачет-падает на землю.

Мимо с нарастающей скоростью бегут и бегут вагоны и число их не кончается: нужно пропустить 100 — 120 вагонов.

Наконец, — проносится с полной отсечкой пара паровоз-толкач.

Кабина толкача (извне). Из окна глядят два механика: Евстафьев и Арчапов.

Место толкания паровоза-толкача: диски буферов толкающего паровоза начинают отставать от дисков-буферов заднего вагона.

Кабина толкача: Евстафьев и Арчапов. Далекое пение сирены ведущего паровоза Федора — на удаление. Евстафьев и Арчапов бдительно прислушиваются. Евстафьев манипулирует реверсом и регулятором.

Место толкания. Паровоз-толкач уже отстал от заднего вагона примерно на 1 метр.

Он приближается на полметра и остается на этой дистанции — т. е. толкач работает вхолостую.

Евстафьев и Арчапов. Евстафьев утирает слезы:

— Прощай, Федька! — и потягивает поводок сирены на три коротких сигнала, закрывает пар, машина сокращает ход. Далекое однократное ответное пение сирены ведущего паровоза.

В кабине. Евстафьев берет из инструментального ящика кусачки, дает их Арчапову:

— Захарка, сбрей мне усы!

Арчапов:

— Давай!

Берет кусачки и враз — почти начисто — откусывает Евстафьеву сначала один ус, потом другой и вышвыривает их прочь.

Евстафьев стоит без усов. (Арчапову):

— Теперь дай мне по морде!

Арчапов:

— погоди, я пока не в состоянии — я расстроен!

Евстафьев:

— Ну давай, я тебе! — и бьет Арчапова по лицу.

Ведущий паровоз Федора. Плечи и голова Федора, глядящего вперед, — за ним видна дрезина, убегаящая от паровоза, — на дрезине фигура нач. дороги, стоящая в рост. Иных смотрит назад, т. е. на паровоз.

Съемка изнутри кабины. Машина работает на высшем темпе. Несмотря на работу стоккера, открыта и шуровка — в топке видно напряженное пламя. Арфа сидит на ящике, ближе к тендеру. Кочегар загружает топку через шуровочное отверстие.

Вдруг раздается резкий стук где-то в глубине машины.

Федор отбрасывается из окна внутрь машины.

Он глядит отвлеченными глазами.

Бросается на сторону помощника (левую). Стук усиливается.

Федор рядом с помощником.

Помощник:

— Останавливай! Запорем машину!

Левая галерея машины (около котла). Из кабины выскакивает на эту галерею Федор. (Резкий стук происходит все время).

Федор добегают до передней топки.

Он становится на колени, ложится, свешивается (примерно над цилиндром или над бегающим крейцкопфом, где у паровоза закреплена приводная штанга к самосмазу — лубрикатору).

Штанга порвана. Один ее конец бежит вместе с крейцкопфом. Другой конец, ведущий к самосмазу, висит в воздухе. Федор хватается погнутый, оборванный конец приводной штанги (что висит беспомощно в воздухе), склоняется ниже к работающей, пульсирующей машине, висит над машиной, натягивает свободный конец штанги, — но приладить ее на ходу машины нельзя.

Одновременно со стуком начинает слышаться мучительное пение, почти визг, изнутри машины. Федор бросается к самосмазывающему аппарату (он виден зрителю).

Федор начинает качать вручную приводную рукоятку самосмаза. Сразу приутихает мучительное, раздраженное пение в теле машины.

Впереди паровоза видна дрезина нач. дороги. Дрезина теперь ближе, чем раньше. Иных стоит на ней и смотрит на паровоз.

Федор бешено качает ручку самосмаза: стук немного уменьшается, делается не столько резким.

Дрезина Иных еще ближе к паровозу. Федор глядит на дрезину, работая на самосмазе, потом кричит (обернувшись к кабине):

— Арфа!

Открывается дверь из кабины, оттуда выбегает Арфа. Она пробегает по боковой галерее к Федору. Стук к этому моменту уменьшился еще более.

Федор (Арфе):

— Качай масло!

Арфа склоняется к самосмазу и начинает качать рукоятку изо всех сил.

Федор спешит обратно в кабину.

Кабина изнутри. Появляется Федор. Оглядывает приборы. Шуровка закрыта.

Федор (помощнику и кочегару):

— Пар садится!.. Грузи топку в две руки — давай весь форс!

Помощник открывает весь вентиль сифона, кочегар открывает шуровку с бушующим пламенем.

Помощник берет шуровочный инструмент (вроде длинной кочерги), кочегар вручную грузит в топку уголь лопатой.

Арфа согнулась на коленях у самосмаза и интенсивно качает рукоятку. Стука нет.

Съемка с места машиниста (скажем, из-за плеч Федора). Видна бегущая дрезина нач. дороги; однако она еще более близка, чем в предыдущих кадрах. Федор потягивает поводок — долгий, торжественный сигнал сирены. Иных машет рукой вперед: дескать, давай, давай, давай за мной.

Арфа — грязная, черная, небольшая — качает самосмаз изо всех сил.

Из-за плеч Федора: дрезина Иных; она (дрезина) быстро сокращает ход и быстро, поэтому, приближается к паровозу. Иных, склонившись, разглядывает паровоз — он смотрит туда, где работает Арфа.

Федор дает тревожные гудки. Одна его рука уже на тормозном кране машиниста. Дав сирену, он кладет левую руку на реверс.

Дрезина Иных еще ближе.

Федор дает три гудка остановки. Закрывает пар, вращает реверс, двигает кран машиниста.

Съемка извне. Паровоз на сокращенном ходу, дрезина в нескольких метрах впереди паровоза. На дрезине стоит Иных лицом к паровозу. У самосмаза усердно работает Арфа.

Дрезина едет вплотную к паровозу, их скорости сравнялись. Иных берет за передний поручень паровоза и вскакивает на переднюю площадку паровоза.

Дрезина тотчас же ускоряет ход и отходит от паровоза.

Из кабины, со стороны помощника, на мгновение показывается Федор.

Иных склоняется к Арфе, берет рукоятку самосмаза, Арфа отползает немного назад. Иных качает рукоятку самосмаза. Сигнал сирены на отправление (паровоз вообще не останавливался, он лишь сдал ход на время посадки нач. дороги). Полный сифон. Пар во всю отсечку и на все клапана. Дышловой механизм мощно, в ускоряющем темпе прокручивает колеса.

Съемка извне, издали. Экран еще пуст, виден путь, обычный ландшафт. Слышится импульсивная отсечка, приближается поезд.

На большой скорости входит в экран паровоз. На левой галерее Иных качает самосмаз. Около него (позади) сидит на корточках Арфа.

Затемнение.

Паровоз стоит у низкой платформы. Из кабины выходит Федор. На платформе стоит дежурный. Он глядит на свои карманные часы, говорит:

— Вовремя. Сколько осей?

Федор:

— Двести сорок.

Дежурный:

— Брось арапа заправлять!

Федор молча показывает рукой в голову паровоза. Дежурный глядит туда, мгновенно меняется в лице, берет под козырек, направляется туда.

В голове паровоза — Иных работает около крейцкопфа, прилаживая оборванную штангу. Арфа, находясь вверху у самосмаза, вытирает обтирочными концами аппарат самосмаза.

Иных протягивает руки, чтобы помочь ей сойти; Арфа идет сверху на руки нач. дороги.

Иных берет ее к себе на руки и уносит ее на своих руках, как маленькую уставшую девочку.

Позади нач. дороги, несущего Арфу на руках, идет дежурный и держит руку под козырек, по-служебному.

Чумазое лицо Арфы обращено назад — через плечо Иных — на дежурного; она смотрит на дежурного и показывает ему язык.

Затемнение.

Комната Арфы. Утро. Окно открыто в природу. Пусто.

В комнату входит Корчебоков — одетый франтом, со значком железнодорожного комсостава в петлицах, с огромным букетом дорогих цветов, с коробкой торта гигантских размеров. Он ставит эту роскошь на стол в удобных, наглядных позициях. Вынимает из кармана коробку с духами, мылом и пр. — и ставит ее в открытом виде на окно.

Извлекает из бокового кармана флакон с духами, поливает ими сам себя и прячет флакон обратно.

Входит Евстафьев (он без усов теперь), — в калошах, надетых на чулки, в жилетке.

Корчебоков (Евстафьеву):

— Вам придется потрудиться съездить в Москву...

Корчебоков вынимает из бокового кармана листик телеграммы и подает ее Евстафьеву.

Евстафьев берет и читает; прочитал; хмуро:

— Орден мне что дают?.. Давно пора!..

Стоят оба в паузе.

Евстафьев:

— А я усы себе оторвал!..

Корчебоков:

— Оторвите мне, пожалуйста, несколько ног, — это не убыток, но дайте ваш значок на грудь!

Евстафьев:

— Ну, ты же ведь сукин сын, ты на бровях проживешь... Давай выпьем!

Корчебоков изымает из бокового кармана флакон духов, которыми только душился:

— Одеколончик, — больше пока нечего!

Евстафьев, беря флакон:

— Давай, любую жижку.

Нюхает флакон, потом прячет его к себе в жилетный карман:

— Я его дочке подарю. Пойдем ее встречать: пора!

Уходят оба.

Комната пуста. За окном, во дворе (а не вверху, как прежде) играет детская губная гармоника и умолкает.

На подоконник влетает воробей; издав восклицание и пробормотав что-то порабочему, он улетает обратно. Падает лепесток с розы из букета, принесенного Корчебоковым, тикают часы-ходики.

Отворяется дверь — в комнату входит Арфа, она поворачивает выключатель, хотя стоит светлое время. Арфа стоит в удивлении, не узнавая своего жилища. На вещи, принесенные Корчебоковым, она не обращает внимания и не трогает их.

Пауза.

Арфа (тихо говорит кверху):

— Ну, играй опять. Что же ты не играешь?

Краткая пауза. Арфа ждет.

Тихо начинает играть губная детская гармоника — за окном, на дворе. Арфа идет к окну, ложится животом на подоконник.

Сарай. Около сарая бревно. На бревне сидит мальчик лет 5 — 6, без штанов, в одной рубашонке. Свет вечера.

Мальчик играет на губной гармонике.

Арфа из окна третьего этажа глядит на мальчика, Арфа зовет оттуда:

— Мальчик! Иди ко мне в гости! Мальчик отнимает гармонию ото рта, вытирает ее о подол рубашки, говорит:

— Сейчас. — И встает с бревна.

Комната Арфы. Арфа лежит животом на подоконнике, спиной к зрителю.

Краткий стук в дверь. Дверь открывается, в комнату входит железнодорожный агент — носильщик (тот же уборщик, который некогда мел сор под ноги Арфы); он говорит, беря под козырек:

— Товарищ Корчебоков просит вас сейчас же явиться! Там ждут вас все — и начальник тяги и ваш папаша!..

Арфа в прежней позе; она глядит на двор.

Ж. д. агент:

— Алла! Гражданка!

Арфа сползает с окна и оборачивается к прибывшему.

Ж. д. агент:

— Товарищ Корчебоков будет произносить вам приветствие. Это хорошо!

Арфа, улыбаясь:

— Это хорошо. Я люблю славу — пойдете!

Берет носильщика-уборщика за руку и они удаляются.

Комната пуста. Пауза. Второй лепесток падает с розы, принесенной Корчебоковым. Второй раз влетает воробей через открытое окно; попрыгав несколько на подоконнике, он перелетает на торт и клюет его, жадно питаясь.

Слышатся шаги босых, скромных ног, — отворяется дверь, робко входит мальчик с губной гармонией в руке.

Он озирается — один посреди пустой комнаты, ища хозяйку, прогоняя воробья, прилипшего к тарту.

Подвигает табуретку к столу с тортом, забирается на табуретку и начинает есть торт обеими руками.

Другая позиция съемки. Торт и мальчик. Большой торт в коробке наполовину съеден.

Мальчик-музыкант кладет губную гармонию внутрь полупустой коробки с тортом, закрывает коробку крышкой, сползает с табуретки, берет всю коробку с тортом себе подмышку.

Мальчик у подоконника. Там стоит открытый футляр с духами, мыло и пр.

Мальчик берет себе оттуда мыло с картинкой, красивый пузырек с духами и, нагруженный всем этим добром и угощением, медленно удаляется из гостей.

Комната снова пуста. Падает лепесток из цветка, что стоит в букете. Стучат часы-ходики. Далеко заиграла торжественная музыка и запел паровоз. Вблизи, на дворе, детская губная гармония начала играть свою обыкновенную младенческую песнь.

КОНЕЦ

НЕРОДНАЯ ДОЧЬ

Кинематографический рассказ

1

В маленьком железнодорожном поселке стоит небольшой деревянный дом со ставнями; снаружи дома — палисадник. К этому дому медленно, неуверенно подходит робкая, стеснительная девушка и останавливается у его калитки. Над калиткой фонарь с надписью под ним: «Улица 9-го января. Дом № 11. А. Н. Арчапов». Ольга — так зовут девушку — отворяет калитку и входит во двор, заросший густой травой. Подождав немного у двери, ведущей в сени, она стучит щеколдой. Из-за двери сеней слышится шлепанье босых ног, затем недовольное, почти злобное бормотанье. Дверь сеней отворяется. Тетка Ольги равнодушно и нерадостно оглядывает Ольгу.

— Ты что сюда явилась?

— Мне мать велела к тебе идти, когда умирала, — произнесла Ольга. — А отец теперь тоже умер, тетя, а я одна живу... Тетя, у меня никого теперь нету!

Тетка подняла конец фартука и вытерла им глаза.

— Наша родня вся недолговечная, — сказала тетка. — Я ведь тоже только на вид здорова, а сама не жилица... И-их, нет, не жилица! Ну иди уж, посиди на кухне. Там селедка на блюде лежит, поешь возьми.

Тетка и Ольга уходят на кухню.

Дверь из кухни открыта, видна горница, стол, а за столом Арчапов — хозяин дома.

Ольга, войдя в кухню, берет кусочек селедки с деревянного блюда и жадно съедает его. Арчапов, услышав, что вошел кто-то посторонний, быстро проглотил пищу со стола и смахнул крошки в горсть, а из горсти высыпал крошки в рот и подозрительно, ревниво посмотрел в сторону вошедших.

В горницу входит тетка. Ольга стоит в кухне, опустив руки от смущения.

— От своих детей бог избавил, зато нам их родня подсыпает, — заговорила тетка. — Вот тебе, Аркаша, племянница моя, она теперь круглая сирота: пои, корми ее, одевай и обувай!..

— Изволь радоваться! — угрюмо и недовольно выразился Арчапов. Ольга входит в горницу.

— Меня кормить не надо, я наелась, — говорит она. — Я только спать хочу.

— А спать хочешь, так спи, ложись. Вон сундук-то, — указала тетка.

Ольга легла на сундук, лицом к стене, свернулась потеснее собственным телом и одернула на себе платье.

Арчапов постукивает пальцами по столу, глядит на часы на стене.

— Жрать давай, мне скоро ехать пора, — говорит он жене.

— Обождешь! — отвечает жена и добавляет более тихо: — Может, она уснет сейчас, погоди маленько.

— А мне-то что! — говорит Арчапов. — Это твоя родня, а мне чтоб дома покой и порядок был.

Тетка уходит на кухню, вынимает из печи горшки и кастрюли, режет хлеб, приносит хлеб к столу, отправляется обратно, ходит и мечется взад-вперед между печкой и мужем, подавая то одно, то другое к обеду, и в это время рот ее не умолкает:

— Приехала, развалилась — у дяди с тетей ведь добра много: накормят, обучат, оденут и с приданным замуж отдадут!.. Принимайте, дескать, меня в подарок, — вот я — босая, в одной юбчонке, голодная, немытая, сирота несчастная... Может, бог даст, вы скоро подохнете, дядя с тетей, так я тут хозяйкой и останусь: что вы горбом да трудом добыли, я враз в оборот пущу!.. Ну уж, милая, пускай черти кромешные тебя к себе заберут, а с моего добра я и пыль тебе стирать не позволю, и куском моим ты подавишься! Мужик целый день на работе, на ветру, на холоде, я с утра до ночи не присяду, а тут — на тебе, приехала на все готовое: любите питайте меня...

Ольга лежит неподвижно на сундуке лицом к стене.

— Ишь ты, разнежилась как! — в раздражении подскочила к ней тетка.

— Я не сплю, — сказала Ольга не оборачиваясь. — Я вас слушала.

Затем Ольга подымается на сундуке:

— Я сейчас пойду, я у вас не останусь, — говорит она.

Тетка довольно улыбается.

— Что ж, иди, — вздыхая, удовлетворенно соглашается она, — Значит, тебе есть куда идти.

— Ишь ты, характерная какая! — говорит Арчапов Ольге. — Обиделась!.. Ступай и живи, где хочешь. У нас не постоянный двор.

Ольга молча уходит из горницы, не посмотрев на дядю и тетю.

2

Квартира в небольшом доме. Здесь живет Иван Иванович Иноземцев, паровозный машинист-наставник. Два окна на тихую провинциальную улицу. За окнами — свет солнечного дня. В простенке между окнами большой портрет молодой улыбающейся женщины; портрет убран хвоей и окружен черным крепом. На полу комнаты постелен коврик, на этом коврике сидит и играет в игрушки мальчик Юшка. Всюду тихо: в комнате и вокруг дома, лишь слышно, как сопит Юшка в напряженном занятии по складыванию кубиков. Вдруг вдалеке поет сирена поездного паровоза. Юшка перестает играть, прислушивается, трет руками глаза и медленно, неслышно плачет, сидя на ковре в одиночестве.

Заплаканный, он подымается на ноги, подходит к простенку, глядит на портрет матери и говорит:

— Мама, зачем ты умерла?.. Отец ушел на работу, бабушка уехала, а я один сижу и плачу по тебе... Мама, приходи опять жить с нами — тебе там скучно с одними мертвецами.

Юшка склоняет голову под портретом матери и беззвучно плачет, вытирая глаза руками.

За окном появляется Ольга. Она останавливается на улице против окна, приближается к окну, прижимается лицом к оконному стеклу и робко стучит пальцем по раме; но Юшка, опустив голову на стол, что стоит под портретом матери, погруженный в свое горе, не слышит Ольги. Ольга поводит глазами за стеклом и останавливает их на мальчике; она видит его сквозь одинарное стекло и стучит громче.

Юшка поднимает голову, идет к окну, становится на стул и смотрит на Ольгу.

— Дай напиток! — просит Ольга

— У нас вода простая — ты пей с сиропом, — отвечает ей Юшка.

- Давай с сиропом.
- Сироп на углу в будке продают, ты пойдй купи, напейся и мне принеси.
- У меня денег нету.
- Ты бедная?
- Ага.
- Ты врешь: бедных нету.
- Есть одна я. Дай напиться из кружки. Отвори мне дверь.
- Я живу запертый. Меня отец на ключ запирает. Он на паровозе уехал, а я один живу мне скучно.
- А если дом загорится, ты ведь сгоришь ты же маленький.
- Не сторю. Я окно открою и убегу. Меня отец научил.
- Открой мне окно.
- Я боюсь: ты чужая.

Ольга сильно прижимает свое лицо к стеклу, ее лицо сплющивается, искажается и делается смешным; вдобавок она высовывает язык. Юшка смеется на нее.

Ольга, отстраняясь лицом от окна, грустно говорит:

- Отвори, я уморилась. Я тебя не трону.
- А ты тоже мама чья-нибудь? — спрашивает мальчик.

Ольга отвечает, медленно водя пальцем по стеклу:

- Нет, я так себе, я не мама. Моя мама умерла.
- У меня тоже умерла. Моя мама там вместе с твоей живет.

Они оба молчат.

Юшка влезает на подоконник и с трудом отворяет шпингалет и крючок в оконной раме. Окно отворяется, и Ольга влезает в комнату через окно. Юшка подает Ольге кружку с водой. Ольга жадно пьет.

3

Вечерняя степь. Круглое солнце на горизонте. По степи из отдаления идет поезд. На паровозе зажигаются три передних прожекторных фонаря; их ослепительный свет бежит далеко вперед и гонит сумрак впереди себя. В окне паровозной кабины Иноземцев и второй механик. За паровозом состав пассажирского поезда.

Поезд быстро проносится по степи. Поет паровозная сирена.

Перрон вокзала. Паровоз тяжело дышит паровоздушным насосом. У машины — Иноземцев, помощник машиниста и машинист. Помощник с горящим факелом в руках. Иноземцев осматривает и пробует дышловые сочленения машины. По платформе перрона — мимо паровоза — проходят пассажиры. Один пассажир останавливается на перроне против машины и глядит на Иноземцева, машиниста и помощника. Это Сергей Иноземцев, сын Ивана Ивановича Иноземцева, лейтенант. Он опирается на палку-трость: у него была ранена в бою нога; в другой его руке — чемодан.

— Отец! — говорит Сергей.

Иноземцев оборачивается от машины, влезает на перрон; в одной его руке обтирочные концы. Отец молча обнищает сына, сын прижимается к отцу. Отец гладит сына по спине робким движением руки, в которой зажаты концы. Затем он отворачивается от сына и утирает глаза обтирочными концами. Вдруг резко ударяет паром предохранительный клапан на котле паровоза. Иноземцев повертывается к паровозу.

— Алеша, качни воду! — говорит он людям у паровоза.

Отец и сын идут по вечерней улице поселка. Отец ведет под руку хромящего сына и несет в другой руке и подмышкой свой железный сундучок и чемодан сына.

— Как теперь твоя нога — поправилась? — спрашивает отец.

— Залечили, — отвечает сын. — А было плохо, хотели совсем отрезать. Поэтому и на похороны мамы я не мог приехать.

— Я понимаю, — говорит отец. — Давай отдохнем, а то ты ногу натрудишь!

Отец и сын садятся на скамейку около палисадника у небольшого выбеленного домика.

— Ты что же: в отпуск теперь? — спрашивает отец.

— Пока в отпуск, а там видно будет, — отвечает сын и молчит немного. — Эх, отец, что ж ты мать не сберег?..

— У нее Сережа, рак ведь был. Трудно ей было жить. Я лечил ее, но наука пока не достигает... Пойдем домой, там Юшка один запертый сидит.

Отец и сын поднимаются и медленно идут.

В комнате сумрак позднего вечера. Тихо дышат спящие на кровати Ольга и Юшка. Входят отец и сын; они зажигают свет. В комнате прибрано, игрушки на ковре сложены в порядке. На кровати спит Ольга; рядом с нею лежит Юшка, — он обнял Ольгу за руку выше локтя и тоже спит, прижавшись к Ольге. Отец подходит к постели и удивленно глядит на Ольгу и Юшку. Старший сын, Сергей, остановился против портрета матери и смотрит на мать.

Отец наклонился к Ольге и осторожно шевелит ее за плечо:

— Ты кто такая?

Ольга открывает глаза:

— А ты?

— Я здешний.

— А я нет, я чужая. Я сейчас посплю и встану. Я потом уйду, вы не бойтесь. — Ольга закрывает глаза и как бы спит. Отец в недоумении стоит около кровати.

— Надо бы Юшку накормить. Разбудить его, что ли?

— Я уже накормила его. Мы кашу ели, мясо и компот. И я вымыла его в железном тазу. Ему теперь хорошо, — не открывая глаз, отвечает Ольга.

Сергей подходит к Ольге; он садится у кровати и наблюдает спящего брата и девушку. Ольга осторожным движением оправляет на себе юбку, из которой она несколько выросла. Отец вынимает из шкафа одеяло, покрывает им спящих и садится рядом с Сергеем у кровати.

— Пусть теперь спят в тепле, — говорит отец.

— Это кто: ты няньку для Юшки нанял? — спрашивает Сергей.

— Чума ее знает — кто она, — отвечает отец. — Няньки нету, не найду ее никак. Теперь все няньки в летчики учиться ушли. Уезжаешь в поездку — и сердце болит: Юшка-то ведь один остается.

— А ты бы в детский сад его определил, — посоветовал Сергей.

— У нас при депо его нету. А в чужих садах не берут своих детей достаточно. Народу много рождается.

Сергей кладет руку на голову Юшки и гладит лоб спящего брата. Отец стелет другую, большую кровать, на которой он, видимо, спал когда-то с покойной женой.

4

Ольга и Юшка спят по-прежнему и на прежнем месте. На большой кровати спит Сергей. На полу около этой кровати, лежат постилка, подушка и одеяло, где должен спать сам Иноземцев но он сейчас на кухне. На кухонной плите горят два примуса; на них варится и жарится пища. Иноземцев орудует на кухне по хозяйству: солит, перчит, пробует ложкой на вкус.

— Побольше, погуще, повкусней, посытней, — говорит он про себя. — Сережа приехал, его надо кормить хорошо.

Иноземцев вынимает часы из жилетного кармана, слушает их на ухо:

— Неужели четыреста десятый маршрутный еще не прибыл? Ему пора уже быть!

Он отворяет форточку и прислушивается. После краткой паузы слышится пение сирены далекого паровоза. Иноземцев спускает воздух из примусов чтобы они не шумели и не мешали ему слушать паровоз, и вновь приближается к открытой форточке.

— Ага, вот он! — напряженно и тревожно говорит Иноземцев. — Давай, давай, Арчапов, натягивай, сейчас подъем на входе, — не становись враспяжку!

Прислушивается; слышна очень тяжкая и все более редкая отсечка пара, — понятно по звуку, что машина сокращает ход, несмотря на все свое напряжение.

— Топить не умеете! — огорченно говорят Иноземцев. — Теперь уж не вывезешь. Учил-учил их, чертей, а они меня осрамили...

Опять запел тот же паровоз — теперь долго и тревожно.

— Заплакал, стервец! — говорит Иноземцев. Он тушит свои примусы, быстро надевает рабочий пиджак, фуражку и поспешно уходит, на ходу поправив одеяло на сыне и на Ольге с Юшкой. — Отдыхайте пока, я скоро вернусь, — тихо говорит он спящим на прощанье и открывает дверь наружу.

5

Ночь. Большой паровоз идет со скоростью пешехода — паровоз берет в упор на подъем тяжеловесный состав. Вдруг паровоз бьется в учащенной отсечке, как в истерике: колеса машины буксуют, и опять тяжкий, редкий ритм, почти звенящая от перенапряжения работа машины, еле заметная скорость, почти остановка.

Из окна кабины глядит машинист Арчапов. На котле, у песочного ящика, сидит кочегар Лиза; ящик открыт, Лиза шурует внутри его инструментом.

Арчапов говорит Лизе:

— Как там, деточка?

Лиза:

— Здесь и песку не осталось. Тут глина одна!

Арчапов обращается к своему помощнику Ивану Подметко:

— Ты, что ж, песок берешь — не смотришь: станем сейчас враспяжку — и будем стоять до утра без ужина!

— Это роса ночная на рельсах — склизко. А может, тормоза где прихватило, — равнодушно произносит Подметко. Он берет рукою поводок сирены и дает два длинных гудка.

— С такой ездой и на пенсию уйти нельзя: скажут — ездил плохо, и мало дадут, — говорит Арчапов.

— А чего тебе — иди на пенсию, жуй до гроба казенные харчи! Я б ушел!

— Ну и ступай, паразит! А я еще старик свежий, я еще поработаю! Я хочу дослужиться до персональной пенсии, во как! Понятно?

И, трогая реверс, Арчапов кричит Подметко:

— Держи пар до баланса, давай дутье во весь конус!

Колеса машины переходят в буксование. Вихри пара вырываются из-под цилиндра и окутывают почти весь паровоз.

Пустой путь впереди паровоза. На пути, навстречу паровозу, появляется Иноземцев. Он останавливается, глядит мгновение на машину, затем поворачивается и не шибко идет впереди машины, делая в это время следующее: он пригибается, берет песок из балластного слоя и посыпает им рельсы. Из окна будки машиниста глядит Арчапов. Впереди паровоза трудится Иноземцев. Паровоз работает на спокой-

ном, тяжком ритме (это слышно по сифону, по отсечке, видно по работе машины, по вздрагиванию отсвета пламени в поддувальных дверцах, наконец, что бывает редко, это видно по мгновенному пламени, которое выбирают бандажи сцепных колес из рельс. Создается впечатление могущественного напряжения машины). Лицо Арчапова улыбается. Он вдруг исчезает из окна, тотчас же в окне появляется удивленный Подметко, а Арчапов сбегает по трапу на землю; он у работающей правой машины, берется рукой за машущий узел дышлового сочленения и водит рукой вслед за движением механизма, спеша ногами за ходом паровоза.

— Сыпь побольше, Иван Иванович, погущей, поровней, — говорит Арчапов.

Сквозь шум слышен голос Иноземцева:

— Пошли сюда Лизу или Ваньку с машины!

Арчапов кричит Лизе, уже спускающейся с котла по лесенке:

— Дочка, иди сюда поскорее, пожалуйста!

Лиза идет впереди паровоза и сыплет песок на рельсы. Иноземцев подымается на паровоз; он теперь ведет машину. Рядом с ним, несколько позади, Арчапов. Иноземцев манипулирует реверсом и регулятором. Вдруг — резкое буксование машины, из-под бандажей — огонь; Лиза отбегает в сторону от машины. Буксование прекращается. Иноземцев обращается к Арчапову:

— Что ж ты с плохим песком едешь?

— Да песок ничего, это состав, Иван Иванович, дюже велик!

— У тебя усы велики... Ступай на песок, я сам поведу, а девочку сюда пошли.

Арчапов сбегает по трапу на землю. Он впереди паровоза на балласте. Сыплет вручную песок на рельсы.

Лиза в кабине паровоза открывает шуровку (дверцу в топку) и загружает туда топливо. Иноземцев осторожно манипулирует регулятором и реверсом. Тяга машины увеличивается, могучая отсечка ускоряется. Подметко, показываясь рядом с Иноземцевым в окне кабины, кричит Арчапову:

— Давай, давай, старик! Усы береги, не пачкай!

Арчапов работает все более поспешно. Машина идет ему в затылок, Арчапов посыпает песок на рельсы почти бегом. Иноземцев открывает регулятор больше. Отсечка резко ускоряется, скорость паровоза сразу увеличивается. Арчапов уже бегом сыплет песок на рельсы. Но машина уже почти вплотную настигает его.

Иноземцев говорит Подметко:

— А теперь ты ступай на песок, поучись бегать, потом ездить научишься.

Подметко, сбегая по трапу с паровоза:

— Да это я научусь, я ко всему привык. Я такой человек!

Паровоз тянет за собой состав. Напряженно работают дышловые механизмы.

6

Утро в квартире Иноземцева. На ковре посреди комнаты сидят и занимаются игрушками Юшка и Ольга. Из кухни выходит, слегка хромая, Сергей; он утирается полотенцем и глядит на Юшку и Ольгу. Ольга со стесненным сердцем спрашивает у Сергея:

— Мне пора уже уходить или нет?

— Нет, — говорит Сергей. — Посидите, чего вы спешите. Побудьте у нас в гостях.

Юшка интересуется, что было на войне:

— А на озере Хасан вода глубокая?

— Есть глубокая, есть мелкая.

— На глубокой воевать лучше, страшнее.

Ольга с робостью спрашивает:

— А воевать вам интересно было?

— Ничего, — неохотно говорит Сергей. — Но мы их били не в полную силу.

— Одной левой рукой! — догадывается Юшка.

— Одной левой! — смеется Ольга.

Она хватая Юшку на руки, и сажает его себе за спину, и носит его за своей спиной по комнате, придерживая ноги мальчика руками, а Юшка держится за шею Ольги.

Юшка:

— А отец где? Давайте обедать!..

Ольга опускает на пол Юшку и уходит на кухню. Сергей берет Юшку к себе на колени. Отворяется дверь. Приходит Иноземцев и с ним Арчапов. Арчапов почтительно здоровается с Сергеем. Ольга смотрит из кухни на Арчапова, потупляет взор, вытирает руки о подол юбки, снимает чайник с горящего примуса, ставит его опять; движения ее робкие и неуверенные. Арчапов недовольно глядит на Ольгу. Ольга говорит ему:

— Здравствуйте! — и повязывает платок на голову, собираясь уходить.

Арчапов:

— А ты зачем сюда явилась? Скажи, пожалуйста, проворная какая!

— Я воды напиться, — и, сказав, уже обращаясь ко всем, «до свиданья», Ольга вышла вон.

— Это кто? — раздеваясь, спрашивает Иноземцев.

— Племянница моя. Отец ее путевым обходчиком был, а теперь помер, а матери у нее давно нету... Чаем-то угостишь, что ль?

— Обожди чай пить. А дальше что?

— А дальше — ничего. Баба моя выгнала ее, чтоб рта лишнего в доме не было, и все. Ты знаешь, какая у меня баба!

Юшка, все время внимательно слушавший взрослых, соскакивает с коленей брата и исчезает за дверью.

Всем неловко. Иноземцев идет на кухню и возится там по хозяйству. Сергей задумался и молчит. Арчапов ласкает свои усы.

— А ты дома не хозяин, что ль, ты там посторонний человек? — из кухни утрюмо спрашивает его Иноземцев.

— Да, пожалуй, что и не хозяин... Я дома вроде нахлебника, Иван Иванович!

— Гляди, как бы ты и на паровозе чужим нахлебником не оказался!

— Ну, это, Иван Иванович, нипочем! Я ведь понимаю кое-что: мало-немного.

Входит Юшка. Он ведет за руку Ольгу. Ольга останавливается в дверях. Сергей привстает, подвигает свободный стул, чтобы Ольга села, и Ольга неуверенно садится. Иноземцев-отец выносит из кухни хлеб, масло, нож, посуду и ставит около Ольги, подразумевая в ней хозяйку. Ольга встает, режет хлеб, расставляет тарелки, сосчитав сначала пальцем, сколько людей есть налицо.

Все сидят у стола — закусывают и пьют чай. Юшка на коленях у Ольги. Иноземцев пьет чай из железной кружки. Он говорит Ольге:

— Будешь у нас жить пока. Гляди за Юшкой. Потом учиться поступишь.

Молчание.

— За Юшкой я буду смотреть. Делать мне все равно нечего: я в отпуске, — говорит Сергей.

— А она что?

— Папа, пускай она будет у нас неродная дочь, — рассудил Юшка.

— Мне нянька нужна.

Но Сергей повторяет:

— Пока я буду нянькой. А Ольга пусть поступает учиться, а жить ей можно здесь.

Все молча едят. Ольга мало, Арчапов мажет масло на громадный ломоть белого хлеба.

Иноземцев говорит:

— Мне помощники машинистов нужны. У нас на курсах есть девушки и женщины, — кто обучился, тот ничего ездит. Пойдешь к нам учиться? — спрашивает он у Ольги.

— Пойду. Я семь классов уже кончила. Я люблю машины.

— Как станешь хорошим машинистом, сочту тебя дочерью.

— Да это и я, Иван Иванович, не прочь тогда ее себе в дочки записать, — вмешивается Арчапов.

Иноземцев:

— Тогда — поздно будет. Иди ко мне, — обращается он к Ольге.

Ольга спускает с коленей Юшку, несмело подходит к Иноземцеву и стоит перед ним. Иноземцев берет ее за обе руки, потом гладит ее по голове, наклоняет к себе, целует в лоб:

— Живи с нами, сиротой не будешь.

Ольга по-детски обнимает Иноземцева за шею и прижимается к нему, как дочь. Юшка подходит к отцу и Ольге и дергает Ольгу за юбку:

— Пусти, ты ведь чужая, а не родная Я главней тебя!

Сергей строго:

— Юшка так противники наши говорят, а не красноармейцы.

Юшка испуганно и удивленно глядит на старшего брата.

— Ты думаешь, я — шпион?

Арчапов захохотал с полным ртом и подавился едой.

7

Станционные пути. Стоит паровоз. Лиза обтирает сверху тело котла. На траве, недалеко от паровоза, лежит Арчапов. Иноземцев ведет за руку Ольгу по путям. Ольга одета в железнодорожную куртку, в фуражку, в тяжелые башмаки. В одной руке у Иноземцева его обычный железный сундучок. Лиза поздоровалась с Иноземцевым, и машинист-наставник вместе с Ольгой поднялись на паровоз. Из тендера паровоза торчат ноги Подметко.

Иноземцев (к Подметко):

— Спал, что ль?

Подметко медленно и без охоты вылезает из тендера.

— Ничуть, это я дремал.

Играет рожок сигналиста вдалеке. В кабину паровоза подымается Арчапов и приходит Лиза из боковой галереи машины.

Иноземцев представляет Лизе Ольгу:

— Вот тебе новая подруга — будущий механик. Она у нас на курсах учится. Учи ее, как я тебя учил. А ну-ка, посредством чего должен ездить настоящий механик?

Лиза четко:

— Посредством силы пара, умноженной на свою душу!

— И еще разделенной на большие усы, — добавляет Подметко.

Арчапов гневно поглядел на Подметко, и его усы зашевелились от ярости.

— Сегодня мы поведем тяжеловесный состав, — сообщает Иноземцев. — Я тоже поеду с вами. Оля, становись около меня, клади свою руку на мою.

Сигнальный рожок играет вновь. Иноземцев становится на место машиниста. Ольга рядом с ним. Иноземцев дает гудок, затем кладет руку на реверс, и Ольга кладет свою руку на руку машиниста-наставника.

Поет сирена паровоза, идущего, судя по звуку отсечки, с полным паром.

С могучим ускорением, все быстрее и быстрее, бегут вагоны состава. По игре рельсовых стыков под колесами и по звуку их видна и слышна их скорость. Вагоны (платформы) нагружены самым разнообразным богатством, здесь уголь, тракторы, автомобили, огромные ящики — контейнеры, комбайны, фермы мостов, оборудование для металлургических заводов на специальных многоосных вагонах...

8

Квартира Иноземцева. Спит Юшка в кровати. Сергея нет. Поправившись, он уехал обратно в свою часть. Горит одна настольная лампа. Ольга читает книгу за столом. Юшка шевелится во сне. Ольга подходит к его постели и смотрит на мальчика, трогает его лоб ладонью, поправляет одеяло и вновь садится читать к столу; затем она поднимает глаза от книги и слушает свисток далекого поездного паровоза.

Ольга встает из-за стола, подтягивает гирьку стальных часов-ходиков, затем отворяет шкаф, вынимает оттуда хлеб, отрезает кусок, вынимает колбасу, отрезает небольшой ломтик от нее. Открывает железный сундучок, стоящий на полу, кладет туда эти харчи — хлеб и колбасу, надевает толстый пиджак, заводит большие карманные часы-луковицу, кладет их в карман — собирается на работу.

Отворяется дверь. Входит Иноземцев. Он подходит на носках сапог к постели сына.

— Спит? — спрашивает он.

— Спит, — говорит Ольга.

Ольга закрывает железный сундучок, поднимает его.

— Я пошла, — говорит она.

— Ступай. Тебе пора, — тихо произносит Иноземцев. — Погляди сальники в машине, чтоб больше они не парили, — увижу еще раз, уши нарву — и тебе и Подметке. Ишь, механики — сукины дети!

— Я их сейчас налажу, — говорит Ольга и уходит.

9

Медленно светает в окнах. Наступает утро. На постели, положенной на пол, спит Иноземцев. В своей кровати спит Юшка. Разобрана и другая кровать, но в ней никого нет, она приготовлена для Ольги. Стук в окно Иноземцев подымается и отворяет дверь. Входит железнодорожный посыльный; он подает Иноземцеву конверт и книгу для расписки. Иноземцев расписывается, берет конверт, рассыльный уходит. Иноземцев вскрывает конверт и читает:

— «Восьмого, послезавтра, необходимо отправить резервом две поездные машины станцию Запад для обеспечения составов особого назначения. Следует назначить проверенные бригады. Предусмотрите заранее. Нач. депо Иевлев».

Иноземцев кладет записку на стол.

— Сам поеду, — говорит он. — Там профиль скверный, вагоны ставят, дьяволы, без автоматов... А на второй машине пусть Арчапов едет — не маленький.

Приходит Ольга с работы. Она ставит свой железный сундучок. Видит записку на столе и читает ее.

— Сами поедете? — спрашивает она.

— А то кто ж? — говорит Иноземцев. — С Юшкой вот кто побудет — не знаю!

— Восьмого я опять в ночь буду дежурить, — задумчиво говорит Ольга. — Я Лизу попрошу, она как раз сменится.

— Ну, пускай Лиза, — соглашается отец. — Садись кушать, я тебе сейчас мясо разогрею. — И он идет на кухню.

Юшка встает в своей постели с заспанными глазами и смотрит на Ольгу.

— Иди ко мне, — говорит он. — Расскажи мне что-нибудь, чтоб я засмеялся.

Ольга улыбается ему и снимает о себя тяжелую куртку.

10

Трудно дежурить в предрассветные часы...

Против перрона небольшого вокзала, на втором пути, тихо сипит небольшой одинокий станционный паровоз. Механиком на этот паровоз недавно назначен Подметко. Помощником у него работает Ольга. Смутный свет раннего утра. Подметко спит, положив голову на подлокотник в окне паровоза. Ольга читает книжку, держа ее у фонаря, что горит у водомерного стекла, на котле.

На перрон выходит дежурный по станции и смотрит в сторону, откуда он ожидает прибытия поезда.

Ольга (с паровоза):

— Кого ожидаете, Александр Петрович?

— Состав особого назначения, — отвечает дежурный. — Постой! Забудь, что я тебе сказал, это нельзя тебе знать.

Ольга смеется.

Подметко, просыпаясь, обращается к Ольге:

— Ступай за кипятком, что ль, сходи и купи там в буфете пожевать что-нибудь, а то — спитесь!

Ольга берет чайник, сходит с паровоза, влезает на перрон и не идет далее, потому что раздался далекий, тревожный, рвущийся вихрем скорости и ветра свисток паровоза.

— У него тормоза не держат! — говорит Ольга и ставит пустой чайник на перрон. — Или нет: еще что-то.

Краткое молчание.

Дежурный меняется в лице от страха. Ольга в напряжении. Подметко кричит ей с паровоза:

— Иди за кипятком и за харчами! Плюшку купи!

И снова раздаются сигналы далекого еще, но быстро приближающегося паровоза, — сигналы о том, что состав оборван. Ольга (дежурному):

— Вы слышите — у него состав оборван!

Дежурный понимает.

— Я слышу... Ну отчего все эти происшествия случаются обязательно в мое дежурство?

Ольга с тревогой глядит с края перрона в сторону набегающей катастрофы. Дежурный смотрит туда же, на путь, уходящий на горизонт. Оттуда, очевидно с затяжного уклона идет грудью вперед паровоз, с открытым полным паром, на полной отсечке. Паровоз время от времени тревожно поет, то сигналив об обрыве, то прося сквозного прохода.

— Ведь это же воинский состав оборван!.. — восклицает дежурный. — Надо поскорее принимать какое-либо решение!

— Командуйте! — торопит Ольга

— Сейчас... Сейчас мысль ко мне придет!

Ольга сама принимает решение.

— Долго. Не надо, я знаю сама.

И она, меняясь, грозно кричит Подметко:

— Давай сифон, открывай шуровку!

Сонный Подметко равнодушно соглашается:

— Ладно. Чайник не забудь.

Подметко поворачивает кран сифона, паровоз резко засифонил; затем он открывает шуровку и начинает кидать туда уголь полной лопатой. Языки пламени выбиваются из шуровочного отверстия внутрь паровозной будки. Ольга прыгает с перрона вниз, перебегает пути в направлении к маневровому паровозу, ухватывается рукой за поручень паровозного трапа и оборачивается оттуда к перрону, к дежурному:

— Предупредите соседнюю станцию, пусть дают сквозной проход — сначала воинскому, потом мне! — и вбегает на паровоз.

Дежурный исчезает с перрона. Ольга спрашивает у Подметко, который грузит топку углем:

— Поедешь со мной?

— Куда, зачем?.. Да тут ты знаешь какой уклон-то: расшибемся вдребезги!.. А ведь у меня семейство есть — двое детей.

— Ну, тогда сходи живо. Береги своих детей.

Подметко удивленно взглядывает на Ольгу:

— А ты?

— Я бездетная.

Подметко (с внезапным гневом):

— Это ты что? Ты одна, что ль, человек, а я — скотина?! Детей государство прокормит! Я все понимаю! Трогай!!

— Обожди, — Ольга внимательно оглядывает все приборы в машине. Выходной семафор закрыт. Потом он медленно открывается. Аварийный поезд уже невдалеке: сигналы поездного паровоза слышатся совсем близко. На пустой перрон выходит дежурный. Он держит развернутый желтый флаг почти торжественно. Грохот близкого тяжелого товарного поезда. Кричит сирена паровоза, и сам паровоз влетает на станцию. Арчапов, вывесившись из окна, швыряет на перрон жезл.

С воем и скрежетом, с игрою рессор пробегают закрытые вагоны, затем открытые платформы с пушками, покрытыми брезентом, около которых сидят по одному, по два красноармейца с винтовками, затем вагоны с настезь открытыми дверями, и в этих вагонах видны красноармейцы; они силою молодых рук сдерживают бьющихся лошадей, испугавшихся скорости и раскачки вагонов, и лошади вышибают копытами доски из стен вагонов, так что видна свежая древесина на срезах досок.

Дежурный подымает жезл с перрона. Изымает оттуда записку и читает в ней: «Оборвано 20 — 30 вагонов. Ухожу от хвоста, дайте проход и предупреждение вперед. Механик Арчапов».

Дежурный с запиской прыгает с перрона на путь. Он подбегает к маневровому паровозу и подает записку Ольге. Видна линия на горизонте, откуда прибыл и промчался паровоз с головной частью поезда. Оттуда, с горизонта, без паровоза надвигается и сразу вырастает несущийся хвост поезда: сейчас видна лишь передняя, лобовая часть вагона, тупая и слепая стенка, увеличивающаяся на глазах от скорости.

Ольга, зажав во рту записку, быстро поворачивает несколько раз реверс, двигает регулятор, паровоз резко трогается вперед. Ольга доводит регулятор на всю дугу, и паровоз на большой скорости уходит со станции.

Дежурный на перроне поднял красный сигнал (диск) остановки и другую, свободную, руку также поднял ладонью к поезду, как заграждение. С вихрем и музыкой свободной скорости появляется хвост поезда в 20 — 30 вагонов — через полураздви-

нутые двери некоторых вагонов на мгновение видны красноармейцы, и хвост поезда исчезает. Дежурный закрывает лицо рукой.

Маневровый паровоз сильно качает от скорости. Ольга глядит наружу в правое окно, Подметка — в левое. Подметка обертывается внутрь кабины и смотрит на приборы. Ольга также обращается из окна внутрь кабины, взглянув на манометр и водомерное стекло.

Подметко:

— Не удержим состава... Придется погибать.

Ольга:

— Прыгай!

— А ты?

— Я останусь одна.

Подметко распахивает дверцу топки, хватая лопату:

— И я с тобой! Справимся!

Он швыряет полные лопаты угля в топку, бушующую пламенем. Экстренно, на предельной скорости, бежит паровоз Ольги. Дышла машины поспешно вращают ведущие колеса небольшого диаметра. Сама Ольга — в окне машиниста. Позади паровоза мчится слепой, беспаровозный состав, и расстояние между паровозом Ольги и передним вагоном того состава сокращается все более и более: скорость слепого состава заметно больше скорости паровоза; состав нагоняет паровоз. Ольга далеко высунулась из окна машины: она следит за нагоняющим ее составом.

Откидывается внутрь кабины, и улыбка появляется на ее лице, точно она обрадовалась чему-то.

На тормозной площадке одного из вагонов беспаровозного состава стоит, держась за стойку, Сергей Иноземцев; он напряженно глядит вперед — на паровоз Ольги. Тормоза под вагоном Иноземцева зажаты, слышно, как скрежещут колодки на колесных бандажах, и видны искры, летящие из-под колодок.

На паровозе Ольги — качка машины от скорости. Подметко шурует топку. Ольга глядит назад — на слепой состав.

Ольга (к Подметко):

— Уходи! Нас расшибет сейчас.

Подметко, закрыв шуровку, дергает штангу крана продувки цилиндров:

— Надо воду выбить — шибче поедем...

Из-под цилиндров паровоза вылетают вихри пара. Слепой состав нагоняет паровоз почти в упор; на его переднем вагоне видно оборванное, развороченное сцепное устройство.

Подметко выглянул из машины назад, затем схватился за поручень трапа, прыгнул с паровоза, покатился вниз с насыпи и сел в траве, в безопасности, ощупывая свои ноги и тело — цело ли оно?

Ольга откидывается из окна машины и оглядывает внутренность кабины — Подметко нет, Ольга одна. Она прислушивается к чему-то. Из воздуха слышен гармоничный стальной гул, все более нарастающий. Ольга внимательно слушает этот гул, вырастающий до оглушающего рева.

— Не буду я умирать, — говорит она вслух. — Не хочется!

Удар переднего вагона слепого состава в тендерные буфера паровоза. Паровоз Ольги как бы прыгает вперед от этого удара, и между буферами вагона и паровоза образуется дистанция в 4 — 5 метров. Ольга в окне машины, она смотрит назад.

Второй, громящий, тупой удар. Паровоз опять отлетает несколько вперед. Дистанция между буферами паровоза и вагоном — 2 — 3 метра.

Ольга точно и мгновенно манипулирует управлением: закрывает регулятор, пускает песок под колеса, дает реверс назад, открывает регулятор на полный ход и ведет

кран паровозного тормоза на все его открытие. Машина на мгновение стала вмертвую, словно уперлась на месте. Ольга отпускает кран тормоза и дает регулятор на себя и снова от себя, открывая полный пар. Колеса быстро вращаются назад, истирая с огнем песок на рельсах.

Состав прет на паровоз в упор. Глухой грохот. Тендер паровоза сдвигается с места и налезает на кабину паровоза. Кабина сплющивается, сжимается. Колеса паровоза перестают вращаться, и паровоз ползет немного юзом, бандажи его визжат, от сухого трения по рельсам, из-под бандажей летят искры. Клапан баланса на котле взрывается паром, и пар гремит наружу.

Все остановилось в покое. Передний вагон слепого состава, надавивший на паровоз, уцелел. У него лишь окончательно смято сцепное устройство и согнута передняя балка или брус рамы, которыми он налез на тендер; из тендера льется вода.

К паровозу подбегает лейтенант. Это Сергей Иноземцев и с ним группа красноармейцев. В кабину паровоза войти нельзя: тендер вдвинулся в кабину и закрыл вход. Сергей сбрасывает с себя шинель на траву и влезает на будку через котел. За ним следуют двое красноармейцев. Сергей и красноармейцы вскрывают крышу будки шанцевым инструментом и сбрасывают железо крыши вниз.

Сергей спускается внутрь будки и вскоре выбирается оттуда через крышу будки, прижав к себе Ольгу. Два красноармейца подхватывают Ольгу из рук командира и осторожно спускаются с ней через котел в боковую галерею машины.

Возле паровоза четверо красноармейцев держат в растяжку шинель. Двое красноармейцев осторожно опускают Ольгу на шинель.

Сергей быстро спускается с паровоза и командует:

— Фельдшера сюда!

Из группы красноармейцев выступает фельдшер. Сергей предлагает ему:

— Окажите раненой помощь.

— Есть.

Фельдшер склоняется над Ольгой. Красноармейцы помогают фельдшеру. Фельдшер быстро осматривает Ольгу, бинтует ей голову и руку.

— Первая помощь оказана, товарищ лейтенант, — докладывает вскоре фельдшер.

— Что она, опасно покалечена, товарищ Евтушенко? — спрашивает Сергей.

— В полевых условиях трудно установить, товарищ лейтенант. Сердце у нее хорошего наполнения

— Хорошо, — говорит лейтенант и громко командует всем красноармейцам:

— Двое остаются здесь, у паровоза! Остальные — бегом назад к станции. Первые четверо несут раненую, затем передают ее с рук на руки новым четверым людям, а те — следующим! Все.

Четверо красноармейцев, державших шинель с Ольгой, быстро пошли, унося забинтованную Ольгу в ту сторону, откуда приехали; шаг их нарастает, и вот они уже бегут легким, осторожным шагом, не тревожа Ольгу, не раскачивая шинели. А впереди этих четверых красноармейцев видно, как быстро бегут вперед, удаляясь, растянутой цепью, еще человек двадцать красноармейцев, но из этих удаляющихся красноармейцев через промежутки пространства отделяются по четверо людей, и эти четверо оттапливаются в ожидании — для смены товарищей.

Первые четверо бегут с Ольгой, лежащей на шинели; рядом с ними бежит лейтенант Иноземцев, чутко следя за Ольгой.

Первые четверо красноармейцев добежали до новых четверых. Новые четверо бегут несколько секунд параллельно первым четверым, приноравливаются и с ходу, с бегу перехватывают концы шинели у первых четверых, продолжая бег. Лейтенант Иноземцев по-прежнему бежит со второй четверкой, наблюдая за Ольгой.

Перрон вокзала. На перрон прибегают четверо запыленных красноармейцев, несущих Ольгу. Появляется дежурный по станции, с ним врач и сестра. Дежурный отворяет им дверь, врач и сестра проходят в комнату.

Появляется Иван Иванович Иноземцев. Он обращается к дежурному:

— Это что?

— Происшествие, — сообщает дежурный. — Аварийный состав вел механик Арчапов.

Иноземцев — к сыну.

— Сережа, она жива? Здравствуй.

— Она дышит, отец. Здравствуй.

Они подают друг другу руки.

Иноземцев:

— Арчапов?! Это я виноват!

— Сами всех возить не управитесь, Иван Иванович, — говорит дежурный. — Чем вы виноваты? Никто не виноват!

— Врешь, виноватые найдутся!.. А возить есть кому. — Он делает жест в сторону закрытой двери: — Вон механик лежит!

Отворяется дверь, показывается медицинская сестра:

— Кто здесь Сергей Иноземцев?

— Я, — отзывается лейтенант.

— Пожалуйста сюда.

— Слушаю. — Сергей уходит за сестрой.

Соседняя комната. На диване лежит Ольга. Около нее врач. Голова ее забинтована свежим бинтом. Ольга покрыта одеялом до подбородка. Она улыбается навстречу Сергею и глядит на него ясными глазами.

Она говорит:

— Здравствуйте, Сергей.

Сергей склоняется к Ольге:

— Здравствуйте, Оля. Вы хотели меня видеть?

— Да... Я хотела вас спросить — красноармейцы все живы?

— Все живы и здоровы и благодарят вас. Спасибо. Кого вы хотите еще видеть?

— Юшку. Приведите его, — просит Ольга.

— Слушаю, — и Сергей поворачивается, чтобы уйти.

— Обождите. Потом пойдете.

Сергей остается. Доктор встает.

— Сестра, — говорит врач, — вы побудете здесь, а я скоро вернусь. Я за своим инструментом домой схожу. Ничего опасного у нее нет...

Около закрытой двери стоят в ожидании Иноземцев-отец, красноармейцы и дежурный. Дверь открывается. Выходит врач.

Иноземцев обращается к врачу:

— Доктор, она будет жить?

— Будет, конечно.

— А сколько?

— Что — сколько?

— Сколько, этого, времени она будет жить — может, недолго?

Краткое недоумение. Врач удивлен, но он понял вопрос и улыбается.

— Она всегда будет жить, — отвечает он и удаляется.

— Иван Иванович, а она вам кем же приходится? — интересуется дежурный.

Иноземцев угрюмо:

— Неродная дочь. Чужая. Никто. Он поворачивается и медленно уходит.

— Мне к машине пора идти, — бормочет механик.

Навстречу Иноземцеву появляется в дверях Подметко:

— Я тебе говорил, Иван Иванович, что я героем могу быть. Так и вышло, только ребро, кажется, сломал.

— Заживет, — говорит Иноземцев и глядит на него. — А машина как?

— В капитальный ремонт пойдет.

Иноземцев молчит немного времени.

— Ольгу на шинели принесли, паровоз искалечен, а ты, значит, герой! — произносит Иноземцев. — Да будь ты проклят! Пошел прочь от меня!

Старый механик выходит из помещения и направляется к своему паровозу.

СОЛДАТ-ТРУЖЕНИК, ИЛИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Действующие лица

Федор — демобилизованный ст. сержант ж.-д. войск, затем паровозный машинист, 29 лет, муж Арфы.

Арфа (Марфа) — 25 лет, жена Федора.

Евстафьев Нефед Степанович — пожилой паровозный машинист, отец Арфы.

Арчапов — ровесник Евстафьева, машинист.

Ефремов — начальник дороги.

Корчебоков — старший диспетчер.

Филипп — демобилизованный красноармеец, затем железнодорожник, кондуктор товарных поездов.

Лида — девушка, подруга Арфы, лет 20.

Дед-старик.

Женщина с тремя детьми.

Женщина с детьми-двоешками.

Мальчик на переезде, лет 9 — 10.

Его родители и веселый демобилизованный солдат.

Демобилизованные солдаты и прочие люди.

Мальчик с губной гармонией, лет 5 — 6.

Домой в Россию, на Восток едут демобилизованные красноармейцы. Идет состав из товарных вагонов. На вагонах — надписи, лозунги, в железные проемы вдеты пучки травы и цветы. В каждом вагоне играет своя музыка — аккордеон, баян, мандолина, гитара или балалайка — или поют хором русские песни отвоевавшие солдаты. Поезд движется: протяжно свистит паровоз.

Там, куда бежит паровоз, быстро дыша в трубу, видна уже ровная даль родины, обширная, как небо.

Двери вагонов открыты (раскачены); свесив ноги наружу, бывшие солдаты сидят на полу вагона и смотрят в бегущие мимо их взора картины родины внимательными, серьезными, страстными глазами.

Сидят таким же образом двое: Федор и Филипп. Они смотрят в движущееся пространство перед собой — и в этом пространстве видны обгорелые и уцелевшие ели, погорелые и новостроящиеся селения, срубы новых колодцев, женщины с детьми на руках, пахари, пахущие землю, самолет По-2, летящий поверх изб, плотники, сидящие на стропилах и работающие топорами, одинокий ребенок, машущий ручкой поездам: вся родина, давно не виденная и теперь проникающая через взор бывшего солдата в его сердце.

Из глубины вагона появляется позади Федора и Филиппа их товарищ, Георгий; он с вещевой сумкой, полностью одетый; он снаряжен, как следует в дорогу; он жадно осматривает местность из бегущего вагона.

Федор (обращается к нему). Доехал?

Георгий. Да будто бы! Будто бы тут я родился и жил.

Федор. Что ж ты, родины своей не узнаешь?

Георгий. Пойди узнай ее, когда ее жгли да топтали, а я седьмой год в отлучке.

Вдалеке, на взгорье, стоит березовая роща, на склоне взгорья стоит одна изба; она раскрыта и покосилась, а возле нее виднеются четыре или пять уцелевших от пожара печи печных очагов.

Георгий (наблюдая из вагона). Воина!

Федор. Что там?

Георгий. Да я вон там жить родился. Там мать моя — небось жива еще от тоски по мне.

Федор. Прыгай!

Георгий (сомневаясь). Иль не тут — дальше, что ль, наши выселки были?

Федор. Да что ты за беспамятный!

Георгий. Сейчас припомню... Это от радости, как от страха, у меня сердце оробело... Тут!

Федор. Я бы не стерпел — я бы прыгнул!

Георгий прыгает из идущего вагона на землю.

Он стоит на земле, оробевший и счастливый. Мимо него движутся вагоны — с музыкой и песней, и десятки рук машут Георгию на прощание.

Георгий идет по полю — в сторону покалеченной избышки и березовой рощи, что виднеются вдалеке.

Он идет все быстрее и быстрее, и он бежит прямым ходом на свою родину.

Федор и Филипп смотрят за бегущей маленькой, исчезающей в пространстве фигуркой Георгия.

Маленькая, полуразрушенная, но уже отстраиваемая станция.

На эту станцию приходит наш эшелон, и вагоны останавливаются.

Федор и Филипп сидят на полу вагона, как прежде сидели.

Федор неподвижно смотрит куда-то вдаль, в одно место.

И видно, куда смотрит Федор, — за станцией небольшая деревенька-колхоз; в той деревеньке строится изба, и она уже достраивается; размер ее столь мал, что изба похожа на игрушечную; крышу избы кроет новым тесом женщина; с земли ей с трудом подает тесины мальчик лет 11 — 12, а возле него стоит девочка лет семи с еще меньшим ребенком на руках. Тут же, около детей, горит костер между двумя кирпичами, на кирпичках находится горшок, в котором варится пицца, и девочка, присев с ребенком, раздувает гаснущий огонь.

По соседству с этой строящейся избой виден темный вход в щель или погреб; оттуда подымается постепенно наружу дед-старик, с бородой, худой, слабый и ветхий, как вечность; он осматривает свет вокруг себя, потом смотрит вперед — на станции стоит большой шумный эшелон, дед смотрит туда и молча кланяется в сторону народа.

Женщина, крившая крышу на избе, теперь сидит у огня на земле; она держит на руках меньшего ребенка, выбирает рукой вареную картошку из горшка, обдирает кожуру, разжевывает сначала картошку сама, а затем из своего рта скармливает картошку ребенку. Ее мальчик меж тем залез на крышу и пробует укладывать там тесины, а семилетняя девочка пытается поднять тесину и подать ее брату, но по малосильности не может.

Федор и Филипп стоят на земле у вагона и глядят сюда: предыдущие кадры могут быть показаны с их точки зрения.

Дед-старик трясущимися руками тешет бревно у выложенного поверх земли сруба для колодца и отирает пот немощи со лба.

Федор и Филипп у поезда. Федор говорит Филиппу:

— Трудно народу. Ишь как люди неловко справляются.

Филипп. Справятся.

Федор. Чего — справятся? Можно пойти пособить.

Филипп. А поезд уйдет!

Федор. Нет, он долго будет стоять, мы встречного ждем. Пойдем, мы недолго.

Филипп. А поезд не тронется?

Федор. Нету, тебе говорят. Успеешь до жены доехать, больше ждал.

Филипп. А ты несемейный, что ль?

Федор. Как несемейный! По-твоему, и правда, наши жены — ружья заряжены?

Филипп. Чего там: это одна песня!.. Пойдем тогда.

Филипп тешет бревно у колодезного сруба, а дед-старик стоит возле без шапки.

Федор работает на крыше избы, заделывая кровлю; женщина-хозяйка снизу подает ему тесины.

Свисток паровоза. Филипп сразу оставляет топор и бежит к поезду.

Федор глядит с крыши на станцию.

От поезда отошел отцепленный паровоз.

Федор продолжает работу.

Филипп возвращается, берет обратно топор из рук деда-старика, который уже опять хотел было в одиночестве приняться за работу, и снова затесывает бревно.

Дети женщины-хозяйки, мальчик и девочка с ребенком на руках, стоят на земле у своей новостроящейся избы и глядят на Федора, работающего наверху, внимательными очарованными глазами.

Девочка (к матери). Мама, к нам папа приехал?

Женщина сначала молчит, глядит на Федора, нагибается к тесинам и осторожно говорит:

— Папа.

Девочка. У Апроськи тоже папа теперь есть и у нас. (Она приветливо и по-детски непосредственно обращается к Федору). Ты папа?

Федор с грустью смотрит на чужое семейство и молчит, не желая огорчить ребенка.

Федор (принимая тесину, поданную хозяйкой). Вдовица, что ль?

Женщина. Да то кто же!

Федор. Что же теперь тебе делать! Все равно живи.

Женщина. Да я живу: я при детях, я при людях...

Федор. Живи...

Женщина. Я живу.

Открытый вагон эшелона с демобилизованными. Играет аккордеон.

К вагону подъезжает по параллельному пути вагонетка для путевых работ. На вагонетке рельсы, путевой рабочий инструмент, а поверх этого груза сидят несколько девушек, ремонтных работниц. Вагонетка приостанавливается.

Демобилизованные выскакивают из вагона, приглашают девушек-работниц и танцуют с ними тут же.

Вагон осаживается. Свисток паровоза.

Филипп, работающий у деда-старика, прислушивается, бросает топор, кричит в сторону — Федору.

Федор стоит на коленях на крыше новостроящейся избышки, он работает молотком, он не слышит ничего. Его окликает хозяйка с земли. Федор осматривается. Свисток паровоза, дающего сигнал отправления, замирает вдали.

Филипп бежит от деда-старика к вокзалу.

Эшелон трогается. Танцевавшие демобилизованные вскакивают в вагон и пытаются увлечь за собой девушек.

Федор стоит на крыше: большой человек на маленькой избушке. Он смотрит на убегающего Филиппа, на тронувшийся в ход поезд; потом он смотрит на эту сиротскую семью — женщину с троими детьми, — что стоит сейчас на земле около избы и которая глядит на него в ожидании.

Хозяйка-женщина придерживает лесенку с земли на крышу, она протягивает Федору руку.

Женщина. Бежи скорей. Ты еще успеешь. Тебя семейство твое ждет.

Федор бросает молоток.

Дед-старик в одиночестве берет топор трясущимися руками и слабо вонзает его в бревно, так, что ничего не стесывает, и старается лишь топор выдернуть обратно из бревна, но и того по малосильности не может сделать.

Женщина (Федору). Бежи, поезд уходит.

Федор поднимает молоток.

Федор. Управляюсь.

Женщина. Бежи, поезд уйдет.

Федор. Пешком пойду.

Женщина. А тебе близко, что ль, до дому-то?

Федор. Далеко. Тысячу верст.

Федор добывает шляпку гвоздя.

Хозяйка медленно подымается по лестнице на крышу, всматривается в работающего Федора еще не верящими, но уже счастливыми глазами, блестящими от сдерживаемых слез. Слышно, как паровоз дышит все более часто и гудок его гудит вдалеке и замирает в пространстве.

Вечер. Горит костер; над огнем висит котел с картошкой. Федор и дед-старик распиливают поперечной пилой бревно для колодезного сруба.

Светлый день. Перрон вокзала. На перроне и на привокзальной площади много людей — женщин, детей и подростков. Женщины одеты в свои лучшие платья; некоторые из них держат детей на руках, у других букеты цветов. Это матери, жены, сестры и дети, встречающие демобилизованных красноармейцев. Торжественная обстановка. Тишина. Далекий протяжный гудок паровоза. Оркестр играет марш победы.

Среди встречающих стоит Арфа, жена Федора, с букетом цветов. Она счастлива, лицо ее выражает еле сдерживаемую радость — и она, не умея сдержать энергию своего сердца, то возьмет себе на руки ребенка от соседней матери, поцелует его и возвратит матери, то закружится на месте, то обнимет, сожмет сама себя руками, как будто уже чувствуя себя вдвоем, вместо одной, то воскликнет что-то в чистое пространство. Нарастает шум движущегося поезда — появляются паровоз и вагоны воинского эшелона, того, в котором ехал и Федор.

Эшелон остановился. Из вагона выходят демобилизованные красноармейцы.

Встречающие люди обнимают прибывших воинов; они целуют их в уста, в лоб, в ордена и медали на груди.

Одна старая мать ощупывает своего сына: все ли цело его тело. Она тщательно опробывает его плечи, рассматривает склоненную к ней голову и считает пальцы на руках сына; она делает то же, что делают матери, когда к ним приносят впервые новорожденных детей.

Поредел народ на вокзале, встречавший своих воинов. Каждая мать и жена спешит увести сына или мужа к домашнему очагу. Лишь Арфа стоит одиноко.

Мимо Арфы проходит Филипп: он идет со своей счастливой матерью, встретившей его.

И вот Арфа спешит с цветами в руках мимо опустевших вагонов; она даже два раза поднимается по стремянкам и засматривает внутрь пустых вагонов — не остался ли там ее муж.

Пустой поезд с раскаченными настезь дверями товарных вагонов. Пустой вокзал. Одна Арфа стоит с цветами в руках.

...Едет товарный поезд. На платформах лежит металлический лом войны, направляемый в переплавку.

На смятой броне немецкого танка (что он немецкий — видно по знаку на нем: белый крест) сидит Федор со своим вещевым мешком. Поезд едет медленно.

Участок работ по линии. Идет работа по восстановлению вторых путей. Работает группа железнодорожников.

Двое рабочих забивают костыли пневматическими молотками. По параллельному пути идет поезд, на котором едет Федор.

Удары молотков ослабевают. Рабочие ищут причину неполадки. Слышен свист воздуха из шланга воздухопровода.

Более близким планом виден этот шланг-воздухопровод, лежащий на полотне, и видна струя сильно сжатого воздуха, выходящая из шланга в атмосферу.

Федор внимательно глядит с платформы на это явление. Рабочие с молотками пытаются наладить работу, но молотки еле вибрируют в их руках: давление воздуха недостаточно.

Федор прыгает с платформы на землю. Он подходит к воздушному шлангу и скручивает разошедшееся соединение, благодаря которому произошла неплотность и началась утечка воздуха.

Пневматические молотки в руках двух рабочих ожили и мощно заработали, вонзая ударами костыли в шпалы.

Федор все еще находится у соединения шланга, обеспечивая его работу, а последний вагон с ускорением проходит мимо — и поезд ушел.

Одиноким вещевой мешок Федора едет на платформе.

Федор подымается от шланга и глядит вослед поезду.

Федор подходит к путевому рабочему, действующему пневматическим молотком (пришивающим рельсы к шпалам).

Федор (рабочему). Закури! (И протягивает руку к молотку).

Рабочий. А сможешь? Гляди — вот как нужно!

Федор. Сообразу!

Федор берет рукоятку пневматического молотка и действует им.

Рабочий (следя за Федором). Ничего. Постепенно научишься! (И закуривает, свертывая сигарку).

Слышен частый звон колокола.

Рабочий. Шабашить надо! Обедать пора!.. Ложка-то есть у тебя?

Федор. Нету. Моя ложка домой уехала.

Рабочий. Моей будешь кушать. Пойдем.

Они идут по полотну. Вдали виден пульмановский вагон — кухня и столовая. Труба над вагоном дымит.

Возле вагона стоят столы, накрытые клеенками, на столах большие графины с квасом, на телеграфном столбе укреплен мощный репродуктор — оттуда играет музыка.

Четверо рабочих обедают за одним столом; в их числе Федор и его товарищ.

Перрон вокзала. На перроне малоллюдно; лишь несколько людей проходят по своим делам. И только одна Арфа медленно гуляет по перрону в ожидании поезда. Букет цветов в ее руках завернут для сохранности в бумагу.

Против перрона появляется и проходит поезд, на котором ехал в последний раз Федор.

Перед лицом Арфы медленно проходит платформа. На платформе — немецкий танк и вещевой мешок Федора, и платформа проходит мимо, не остановившись. Поет сирена удаляющегося паровоза.

Железнодорожная даль: прямой главный путь, хвостовой вагон уходящего, проваливающегося в сумрак поезда.

Тот же перрон вокзала. Две одинокие ноги Арфы в туфлях, нижний край дешевого плаща.

Сор подлетает к этим ногам.

Швабра, метущая этот сор прямо на неподвижные, спокойные ноги.

Ноги неуверенно отступают.

Почтовый ящик на стене вокзала: фасадом к зрителю.

Со стороны зрителя — спиною к нему — к почтовому ящику подходит женщина: Арфа.

Рука женщины гладит почтовый ящик.

Две ноги ее.

Сор опять подбегает к этим ногам, и швабра останавливается невдалеке от ног.

Ноги женщины и швабра около них. За шваброй — сапоги уборщика. Несколько крупных капель слез падают в сухую мякоть пыли около швабры.

Мужской старый голос уборщика:

— Не сорите, гражданка!

Молодой женский голос (Арфа):

— Я не сорю.

Уборщик. Плачешь, что ль? Ну, плачь: мочить можно!

Одна женская нога быстро откидывает от себя сор и разметает его. Швабра отступает.

Летний вечер. Прямая улица с домами, окрашенными в светлые тона. По белым стенам домов медленно шевелятся тени древесных листьев. (Следует попытаться дать ослепительную прозрачность летнего вечера, время накануне ночи, пустоту воздуха, всеобщую световую паузу). Посреди улицы, по дороге, удаляется одинокая фигура Арфы с букетом цветов.

...По железнодорожному пути идет пешком домой Федор. В одной его руке палка с привязанным к ней букетом полевых цветов.

Вдали слышна сначала частая, тяжелая отсечка паровоза; эта отсечка, однако, делается все более редкой и еще более резкой по звуку — паровоз берет в упор на подъем тяжеловесный состав и быстро теряет скорость.

Из-за закругления показывается тяжело работающий паровоз, идущий навстречу Федору.

Федор бежит навстречу паровозу. Паровоз (по звуку) вдруг забился в учащенной отсечке: машина буксует.

Отсечка на редком, тяжелом ритме. Передняя часть паровоза, работающего в напряженном режиме с дутьем во весь сифон. Впереди паровоза нешибко бежит по рельсовой колее Федор — в ту сторону, откуда он шел; Федор пригибается, берет песок из балластового слоя и посыпает им рельсы.

Правое крыло машины. Из окна будки машиниста глядит Евстафьев. Впереди паровоза по-прежнему трудится Федор. Паровоз работает на спокойном, тяжелом ритме (это слышно по сифону, по отсечке, видно по работе паровой машины, по вздрагиванию отсвета пламени в поддувальных дверцах). Лицо Евстафьева спокойно и вдохновенно. Он вдруг исчезает из окна, тотчас же в окне появляется его помощник, а Евстафьев сбегает по трапу на землю, он у работающей правой машины, берется рукой за

машущий узел дышлового сочленения и водит рукой вслед за движением механизма, спеша за ходом паровоза.

Евстафьев. Сыпь побольше, Федя, погуще, поровней...

Федор (не отрываясь от своей работы). А как там моя Арфа живет?

Евстафьев (шупая другие детали машины, например крейцкопф). Чего ей — живет и существует!

Федор забрасывает палку с привязанным к ней букетом цветов на передок паровоза — на эстакаду под передней топкой. В этот момент он не сыплет песка на рельсы.

Бешеное, внезапное буксование машины. Евстафьев враз отскакивает от механизма и взбегает по трапу на паровоз.

Евстафьев снова на своем месте — в будке, у окна, за управлением. Машина прекратила буксование.

Евстафьев (Федору). Песку давай, сопляк!

Федор (он опять сыплет песок на рельсы). Ты ездить не умеешь, старый сын!

Евстафьев. Помалкивай там на песке!

Федор бросает работу, вскакивает по подвеске к передней топке паровоза, поднимает там свою палку с цветами. Сильное буксование паровоза.

Федор пробегает со своей палкой по боковой эстакаде паровоза, влезает по поручням на тело котла, к песочнице.

Буксование прекратилось. Паровоз тяжело отсекает пар, идет медленно, еле-еле. Федор помещается около песочницы, он устраивается около нее (садится верхом на котел либо на выступ котла), открывает песочницу, шурует в ней палкой.

Выходной конец песочной трубки — у головки рельса, около бандажа сцепного колеса. Из трубки пошла струйка песка.

Федор (Евстафьеву). Давай полную отсечку!

Евстафьев увеличивает отсечку. Паровоз пошел несколько быстрее и уверенней. Евстафьев, манипулирующий в будке, и Федор на котле, точно погоняющий паровоз палкой через песочницу, сразу видны зрителю оба. Вдруг Федор перестает работать в песочнице.

Конец песочной трубки. Песок не идет.

Буксование машины.

Федор быстро сходит с котла.

Евстафьев в окне будки, кричит:

— Ты что ж, сукин сын?

Федор (он на эстакаде у котла). Буксование прекратилось.

Паровоз опять ползет еле-еле, на полуоткрытом регуляторе.

Федор и Евстафьев в будке у окна.

Федор. У тебя песку нету, там глина одна!

Евстафьев (кратко). Состав, Федя, дюже велик.

Резкое буксование машины.

Федор манипулирует реверсом и регулятором. Буксование прекращается.

Федор. У тебя усы велики... Ступай на песок, я сам поведу.

Евстафьев. А ты же до войны всего помощником ездил!..

Федор. Я бронепоезда водил, Нефед Степанович. Я машинист первого класса.

Евстафьев. Тогда терпимо.

Евстафьев сбегает по трапу на землю.

Он впереди паровоза на балласте. Сыплет вручную песок на рельсы.

Федор в окне паровоза. Он манипулирует регулятором и реверсом. Тяга машины увеличивается, могучая отсечка ускоряется.

Федор. Давай, давай, отец! Усы береги, не пачкай!

Евстафьев работает все более поспешно. Машина идет ему в затылок, Евстафьев посыпает песок на рельсы бегом.

Федор открывает регулятор больше и поворачивает реверс; скорость паровоза резко увеличивается.

Евстафьев уже бегом сыплет песок на рельсы. Но машина уже почти вплотную настигает его. Евстафьев сбегает с колеи на сторону, кричит Федору:

— Федор Матвеевич, давай как следует!

Федор (у окна). Не учи меня теперь, Нефед Степанович!

Евстафьев (он бежит параллельно паровозу). А кто ж тебя раньше ездить учил?

Федор. Ты. Спасибо. Садись.

Евстафьев вскакивает на трап машины.

Федор делает движение левой рукой для открытия регулятора на всю дугу.

С высшей частотой забила отсечка пара в трубу. Машина паровоза уже на большой скорости. Полный и мощный ход.

Федор натягивает поводок сирены. Сигнал на проход — долгий, один короткий. Около Федора — Евстафьев. Машину ведет Федор. Евстафьев ласкает свои усы:

— Здравствуй, Федь. Марфушка твоя ничего: жива пока.

И Евстафьев подает руку Федору (снимать можно извне, тогда действие это наблюдается в окне паровоза или с тендера паровоза, изнутри).

Федор. Здравствуй, отец! (Целует его).

Машина извне на большом ходу проносится мимо переезда. В окне будки паровоза два человека глядят вперед — Федор и Евстафьев. Паровоз в этот момент проходит по переезду и исчезает.

На переезде стоит женщина, держа в вытянутой руке флажок. За ее юбку держится мальчик. Мимо них с воем и дрожью мчатся вагоны. Где-то, наверно в железнодорожной путевой будке, играет гармоника.

Мальчик оставляет мать, приседает на корточки и смотрит бдительно на ходовые части вагонов. Поезд прошел.

Комната Арфы. Окно открыто в ночь. За окном темные спящие деревья. Какие-то птицы напевают понемногу слабыми голосами дремлющие песни. Изредка трещит кузнечик. Раз или два поет вдалеке сирена бегущего поездного паровоза — на расставание и удаление. Арфа стоит лицом к зрителю, спиной к окну, касаясь руками подоконника. По лицу ее текут крупные редкие слезы.

Играет детская губная гармоника наверху, над потолком, на следующем этаже — невинную, кроткую песенку младенчества. Арфа подымает лицо, глядит на потолок.

Гармоника вдруг умолкает. Арфа стоит одна, беспомощная и небольшая женщина, ее освещенное лицо на фоне черной ночи за окном. Она ожидает музыку сверху.

Арфа. Играй еще! Что ж ты не играешь?

Быстро оборачивается лицом в ночь за окном.

Стук в дверь. Арфа оборачивается от окна:

— Кто там?

Голос. Это мы — почта!

Арфа бросается к двери.

Входит почтальон. Он глядит доброжелательно. Арфа хватается за сумку.

Почтальон. Да нету, дочка, ничего. Пришел тебе сказать, что нету — не пишут тебе... Я знаю — ты от мужа ждешь, а письма нету.

Арфа. А у вас пропадают письма?

Почтальон. Да ведь сама знаешь... Не шумит ведь народ, что связь, дескать, дюже хороша, значит — пропадают!..

Арфа. Ну, ступай отсюда. Не прогуливай время!

Почтальон удаляется, Арфа смотрит на потолок, надевает шапочку, опять глядит на потолок.

— Играй!

Молчание.

Входит Лида, одетая в ватник, обутая в сапоги, покрытая теплым платком, собравшаяся на работу. Подруги целуются.

Лида. Из депо приходили комсомольцы. Они просят помочь. Пойдем, Арфа, сходим, им трудно там.

Арфа. Пойдем, Лида.

Лида. Федор все не приехал?

Арфа. Не приехал... Нету его, Лида, и письма нету. Он не любит меня!

Лида. Нет, любит, я помню, как он любил тебя.

Арфа. А где же он? Все давно вернулись... Он другую полюбил, он красавицу встретил по дороге!

Лида. Ты сама красавица.

Арфа. Я? Нет! Я так себе... Лида, где же он? Из части ответили: он демобилизовался и поехал домой... Ведь война кончилась уже, на войне он любил одну родину, а после войны пусть любит меня!

Лида. Ты глупая...

Арфа. Я от горя такая.

Лида. Я это знаю. Ну, пойдем, не надо тебе горевать вперед беды...

Арфа. А раз я не могу... Ишь ты какая!

Здание железнодорожного клуба или Дворца культуры извне, ночью. Разные афиши, рекламы. Одна из афиш: «Хор затейников из кондукторского резерва. Бой цветов. Вихрь конфетти и серпантин. Танцы и пляски».

Освещенный вход в клуб. Из клуба сначала доносится невнятный шум, затем шум превращается в ясно различимую песенку хора затейников:

Ах ель, что за ель!

Ну что за шишечки на ней!..

Ту-ту-ту-ту: паровоз,

Ру-ру-ру-ру: самолет,

Пыр-пыр-пыр-пыр: ледокол! — и т. д.

Во время песенки хора затейников перед клубом появляются Арфа и Лида, идущие на работу. Они останавливаются.

Песня в клубе кончается. С удара, враз оркестр начинает играть вальс. Арфа и Лида отходят в сторону, в тень, и, находясь в затемненном месте, они робко танцуют, обняв друг друга. Вдруг закричали паровозы невдалеке.

Арфа и Лида перестают танцевать, прислушиваются и убегают.

Кричат паровозы; они кричат группами — по две, по три, по четыре машины сразу — во все свои сирены, просясь на экипировку. Паровозы то скулят в тонкую сирену, то ревут второй могучей сиреной-октавой, то один паровоз, то несколько — хором. Аппарат берет по очереди паровозы, с хвоста их очереди: первый, третий... Паровозы стоят в затылок на одном пути; ветер, скорость, напряжение долгого труда оставили следы на их теле в виде потоков грязи, переработанного масла и пр.

Последний паровоз; он освещает своим прожекторным фонарем пустой угольный двор. Несколько платформ, груженных углем, стоят на угольном дворе. На одной платформе находится Арфа и быстро, поспешно сгружает уголь за борт платформы на площадку угольного двора.

Появляется Лида с лопатой на плече. Паровозы затихают.

Лида и Арфа работают вдвоем на разгрузке угля.

Паровозы закричали опять. Арфа и Лида работают, освещенные прожектором ближайшего к ним паровоза. Густой пот катится по их лицам.

Ночь. Путевое развитие большой узловой станции. Мерцающие сигналы стрелок.

Стоят огромные составы товарных вагонов. Три прожектора издали, с высоты темной башни, освещают станционную сеть путей.

Идут двое людей — Ефремов (начальник дороги) и Корчебоков (старший диспетчер).

Ефремов приостанавливается на стрелочном переводе, рассматривает его, нагибается, пробует что-то там рукой. Съемка ведется в ночном, неотчетливом свете. Но сеть путей должна быть велика и темны коридоры меж длинных бесконечных составов поездов.

Ефремов нагибается, пролезает к сцепным приборам между двумя вагонами — и выходит оттуда.

Тускло горит сигнальный фонарь на одном стрелочном переводе; огня почти не видно — туманное пятно.

Силуэт начальника дороги подходит к фонарю. Ефремов вынимает платок, протирает стекло фонаря: свет горит теперь ярко.

Сопровождающий Ефремова Корчебоков говорит ему:

— Сергей Сергеевич! Оставьте это дело стрелочнику.

Ефремов. Я бы оставил им, да стрелочники оставили его мне.

Большегрузный вагон. Ефремов наклоняется к буксе; сидит перед ней на корточках, роется в ней рукой, выкидывает оттуда что-то на землю. Корчебоков не принимает участия в этих делах. Ефремов подымается на ноги, вынимает из кармана шинели кусочек мела, пишет на вагоне над буксой, прячет мел обратно, уходит.

Поверхность вагона над буксой, на вагоне написано мелом: «В буксе грязь и песок. Промыть, сделать новую набивку. С. Ефремов».

И меловая нарисованная линия-стрела, идущая от надписи до самой буксы и кончающаяся на ней.

Под буксой — на земле — горка грязи, черного, переработанного трением песка, куски набивки — вся нечистота, изъятая из буксы Ефремовым.

То же время. Ночной сумрак. Разрушенное железнодорожное здание. Сохранилась входная дверь с надписью: «Комнаты отдыха для паровозных бригад».

К зданию подходят Евстафьев и Федор, только что приведшие поезд. Евстафьев с железным сундучком в руках, какой обычно имеют в поездке машинисты.

Евстафьев. Тут не отдохнешь.

Федор. А где же?

Евстафьев. Да найдем. Своя отчизна-то.

Евстафьев и Федор бредут мимо железнодорожных составов.

Вот тот вагон, на котором писал мелом начальник дороги Ефремов.

Около этого вагона Евстафьев и Федор останавливаются.

Федор. Надо сделать!

Евстафьев. Еще чего!.. А набивку где возьмем, а смазку?..

Федор. А я на паровоз обратно схожу и принесу.

Евстафьев. Ну ступай, только живо!

Федор уходит. Евстафьев садится на свой сундучок.

Евстафьев. Ишь ты, зять у меня какой! Душа, что ль, у него есть или так — блажь!

Ефремов и Корчебоков стоят возле искалеченного на войне паровоза: в котле его видны пробоины от осколков, будка помята и т. п.

Корчебоков (продолжая разговор). А чем, чем я вывозку буду делать, Сергей Сергеевич? У меня полторы тысячи вагонов с грузом и пятьсот порожняка!.. Где у меня паровозы?.. День и ночь машины в работе — на промывку некогда ставить.

Ефремов. А я думаю, что если бы мы умели хорошо ездить, то нам бы хватило паровозов и лишние бы еще оказались.

Корчебоков. Вам хорошо жить, Сергей Сергеевич, вы человек возвышенный — вы хотите, чтоб паровозы шли человеческим духом, а я, чтоб они шли углем и паром и чтоб их было побольше. Я ведь материалист!

Ефремов. Вы не понимаете, Петр Иванович...

Корчебоков. Чего я не понимаю? Я все понимаю.

Ефремов. Нет, жизни нашей не понимаете, себя не понимаете и службу исполняете плохо.

Корчебоков. То есть — как плохо?

Ефремов. Вы постоянно стоите против трудностей и не знаете, как их решить.

Корчебоков. А как, Сергей Сергеевич: идеей и духом?

Ефремов. Человеком, Петр Иванович, человеком. Без него все трудности трудны и не под силу их решить никому.

Корчебоков. По идее-то это так, а я ведь думаю просто по-житейски — про уголь, про харчи, про жилища... Я такой же человек!

Они отходят в сторону. В это время у паровоза появляются Евстафьев и Федор.

Евстафьев. Да вот мы тут и отдохнем маленько. В машине лучше, чем дома.

Евстафьев и Федор поднимаются по трапу в помятую кабину паровоза и скрываются в ней. Ефремов и Корчебоков наблюдают за машинистами со стороны.

Затем они также следуют в кабину искалеченного паровоза.

На железном полу кабины холодного паровоза горит маленький костер из мелких дровишек и обтирочных концов. Над огнем навешен котелок с картошками. Возле огня стоит большой чайник с кипятком. В кабине вокруг огня сидят четверо: Ефремов, Корчебоков, Евстафьев, Федор. Люди пьют чай из железных кружек. Сумрак. Арматура на фронтоне котла (краны, манометр, регулятор и пр. — покалечены, искажены; видно, что паровоз весь болен).

Ефремов (Евстафьеву). Что же, вот вы, Нефед Степанович, ездите хорошо, а другие похуже вас. Почему это?

Евстафьев (наливает из чайника кипяток в кружку начальника дороги, потом ласкает свои развитые усы). Потому что я, знаете ли, человек с усами.

Корчебоков. На усах, однако, не ездят. Или ездят редко, когда и на бровях уже нельзя идти.

Евстафьев. Усы — рисовка. Ездить надо на своем сердце, на машине и на совести.

Федор (тихо). Точно.

Ефремов. Ну что ж, Нефед Степанович, возьмете на крюк своей машины шесть тысяч тонн?

Евстафьев продолжительно сморкается, потом говорит:

— Подумаю...

Голос Арчапова из глубины тендера:

— Ни черта не выйдет, товарищ начальник...

Все обращаются в сторону невидимого человека. Из тендера выходит Арчапов, он снимает с пиджака сор и соломинки, оправляет фуражку, вытягивается по-военному и докладывает:

— Ничего не выйдет. Расшибете стрелки, искалечите путь, пожжете паровозы — и станете совсем навеки!

Ефремов. Так вы не поезжайте!..

Арчапов. Легко сказать — не поезжайте... Я ведь тоже человек, а не пробка в бутылке. Ну скажите, пожалуйста: возьми сегодня шесть тысяч тонн, а возмешь — так завтра прикажут взять семь, потом восемь и так далее, пока сталь не лопнет...

Федор. А можно не так — можно сразу взять пятнадцать тысяч тонн.

Ефремов (внимательно всматриваясь в лицо Федора). А можно так?»

Федор. Можно и больше, если работать правильно.

Евстафьев. Вот еще мастер приехал! Чего ты зря болтаешь — возьми попробуй, машина хряпнет.

Федор. Могу взять, Нефед Степанович.

Арчапов. Это кто тут? Это ты, что ль, Федор?

Федор. Я, Иван Кузьмич.

Арчапов. Ага. Теперь я вижу, что это ты. Чего же ты домой не доехал? У тебя ведь там жена молодая...

Федор. Да я вот еду; я давно еду, а доехать все некогда, задержка бывает.

Арчапов. Ага. Тебе с войны домой некогда доехать, о нас тебе забота! Раньше ты поумней был.

Корчебоков. А может, он и теперь неглупый?

Ефремов. Чего вы все так говорите о человеке?

Федор. Ничего, слова — одни звуки, я их забуду, пусть говорят.

Ефремов. А вы серьезно можете взять больше десяти тысяч тонн?

Федор. Это правда, И больше могу, и всякий машинист может взять, и Нефед Степанович, и Иван Кузьмич, и другой, кто захочет.

Ефремов. А как?

Федор. Бояться не надо...

Корчебоков (хозяйствуя у костра). Картошка готова. А как насчет масла?

Арчапов. А у нас соль вместо масла.

Федор (он осмелел, пришел в воодушевление, идея овладела его сердцем, и он поднялся на ноги). Пусть картошка пока остынет, вы не трогайте ее.

Ефремов (Федору). Вы сказали — не надо бояться.

Федор. Не надо!.. Где сейчас три паровоза работают — одного хватит.

Евстафьев и Арчапов. Ишь ты, могучий какой! Ему не страшно — сломает машину, и ладно, другую дадут, а потом третью! Вот и будет — вместо одного паровоза три нужны!

Федор. Вы поймите меня и не обижайте сначала!. Сколько времени паровозу трудно бывает, когда он везет состав сто верст без остановки? Один раз ему труднее всего — тронуть состав с места. И еще ему трудно — на затяжных уклонах. А всего паровоз проходит сто верст в три часа, а тяжело ему бывает в эти три часа не более как минут десять-пятнадцать...

Евстафьев. Да не больше, это верно.

Арчапов. А что толку, что верно! Раз силы-мочи в машине не хватает, и одной минуты на ней не потянешь.

Федор. И не хватает машине в эти минуты совсем мало мощности!..

Евстафьев. Да бывает, что совсем чуть-чуть!

Федор. Помогите мне тронуться с места, поддержите с ходу толчком на затяжных подъемах, и я вам повезу одним паровозом не десять тысяч тонн, а больше, может, и двадцать и тридцать!

Ефремов. Это надо подумать, это надо посчитать...

Федор. Я люблю паровоз, он будет со мной работать не трудно, а весело...

Корчебоков (тихо, Ефремову). А что, Сергей Сергеевич, ваше дело простое — не угашайте духа... (Ко всем). Как там насчет картошки с солью?

Арчапов. Пospела! Бери, харчись на здоровье.

Евстафьев. Садись, кушай, Федя!

Федор. Я не хочу, я домой поеду.

Евстафьев. Чего ты так? Марфа твоя жива-здоровая, ждала тебя и еще подождет. А завтра утром поедем вместе на моей машине.

Федор. Нет, я соскучился... Мне скорее нужно.

Ночь. Федор идет со своей палкой по станции мимо темных товарных вагонов.

Платформа — перрон вокзала (само вокзальное здание разрушено в руины). На платформе люди — пассажиры; они находятся возле своих вещей, в ожидании поезда.

Одна женщина носит на руках взад-вперед двоих одинаковых детей, видимо — двоешек. Из них один громко плачет, а второй молчит; потом первый умолкает, и начинает другим голосом плакать второй; затем умолкает второй, и начинает плакать первый и т. д.

Мать. Матушка моя родная, да когда ж вы умаетесь, когда вы уснете, хоть я бы отдохнула от вас...

Мимо этой матери-женщины проходит Федор; он приостанавливается, проходит далее и снова возвращается...

Мать (про себя и как бы объясняя положение). Один накричится и засыпает, а другой просыпается от его крика и тоже начинает кричать... Баю-баюшки-баю, колодушек надаю, колодушек двадцать пять, будет Ваня, будет Вася, будет мама крепко спать... Ну хватит, ну хватит вам, вы уж всю грудь мою иссосали, вы уж умаялись, ну спите, спите теперь...

И снова измученная женщина ходит взад-вперед и качает поочередно плачущих детей на своих руках.

Федор близко подходит к женщине.

Федор. Дайте мне одного. Я его укачаю.

Мать. А умеете? Свои-то были?

Федор. Будут и свои.

Федор осторожно берет одного ребенка у матери и ходит с ним туда и обратно; ребенок утихает на его руках, и второй ребенок, что у матери, также умолкает.

Федор. Сразу они родились, что ль? Они одинаковые.

Мать. Не сразу: один на полчаса старше. У вас-то старший.

Мать садится с ребенком на свои вещи и закрывает в усталости глаза.

Федор наблюдает ее; затем садится на узел возле нее. Ребенок снова заплакал на руках у матери; сонная мать баюкает его. Федор кладет своего ребенка в мягкость вещей и берет от матери плачущего ребенка к себе. Мать сейчас же прикладывает голову к узлу и засыпает.

Второй ребенок, что лежал на мягком узле, заплакал, отвечая первому. Федор берет на руки и второго ребенка и ходит с обоими, качая и успокаивая их. Дети успокаиваются.

Федор садится с ними на узел. Мать сладко спит. Вдалеке слышен гудок паровоза на подходе к станции. Федор беспокоится. Он хочет побудить спящую женщину; он склоняется к ней, дети спят у него на руках, он боится их пошевелить. Женщина на минуту открывает глаза, говорит Федору: «Ты побаюкай их, покачай, я сейчас встану, я сейчас» — и снова закрывает глаза и спит. Федор слегка качает детей на руках и бормочет над ними песенку.

К платформе подходит пассажирский поезд. Федор склоняется к спящей и будит ее. Женщина пробуждается, говорит: «Нам в другую сторону; побаюкай их, не ленись!» — и опять смежает глаза.

Федор. Вам в другую сторону, а мне в эту, куда поезд идет.

Мать. А нам в другую... (И женщина снова спит).

Поезд трогается. Федор сидит с чужими детьми возле спящей женщины.

Утро, светло. Та же платформа. Федор спит на мягких вещах женщины. Мать сидит бодрая возле него и кормит из обеих грудей своих двоешек.

Мимо платформы — по второму или третьему пути — проходит паровоз с товарным составом; в окне паровоза на месте машиниста — Евстафьев.

Комната Арфы. Утро. Арфа спит на кровати. Выражение ее лица меняется, по нему плывут те чувства, которые она переживает в сновидении. Над нею, на верхнем этаже, заиграла детская губная гармония — ту же младенческую песенку, что играла она и прежде.

Арфа открывает глаза, смотрит вверх, где играет музыка.

Тихо, робко приотворяется дверь — показывается голова Евстафьева. Арфа смотрит на отца непонимающими глазами.

Евстафьев. А Федька тут?

Арфа. Какой Федька? f

Евстафьев. Вот тебе раз — какой Федька? А супруг твой! Он вперед меня к тебе поехал...

Арфа привстает на постели.

Арфа. Где же он, папа? Ты видел его?

Отец входит в комнату, садится на край кровати, говорит с некоторым даже ужасом:

— Правда, что ль, нету его?

Арфа. А ты видел его?

Евстафьев (размышляя). Он домой не доедет.

Арфа. Почему, папа, отчего?

Евстафьев. Суется повсюду, вмешивается во все, что его не касается, большая у него душа.

Арфа. Вмешивается?

Евстафьев. Ну конечно!

Арфа. Значит, он меня больше не любит!..

Евстафьев. Да пожалуй, что и так!

Арфа. А что так, ну что? Ты глупости мне говоришь! Не смей мне так про него говорить, он любит меня!

Евстафьев. А может, и любит, чума его знает. Он и паровоз любит, а тебя-то, что ж, тебя любить нетрудно, ты незлая...

Арфа. Папа, ступай к себе отдыхать... Ступай сейчас же!

Евстафьев. Рассерчала!

И он уходит из комнаты дочери.

Арфа ложится на подушку лицом вниз и плачет. На верхнем этаже губная гармония играет несколько тактов.

Арфа подымается, садится на кровати, берет со столика у кровати гребешок, причесывается. Она приняла какое-то решение и повеселела.

Железнодорожный путь, уходящий на горизонт в светлом пространстве. Вдали видна железнодорожная путевая будка.

Будка ближе. Возле будки на рельсах видна фигура сидящего ребенка.

Еще ближе. Мальчик, знакомый нам по прежним кадрам, сидит верхом на рельсе и с усилием забивает костыль большим молотком. Из будки слышатся голоса, поющие протяжную русскую песню.

Издали движется моторная дрезина.

Дрезина приостанавливает ход, немного не доезжая до работающего мальчика. К дрезине прицеплены две обыкновенные вагонетки, груженные шпалами и рельсами. На одной вагонетке поверх шпал сидит Федор.

Заметив трудящегося ребенка, Федор сразу, не размышляя, прыгает с вагонетки.

У мальчика криво идет костыль. Федор берет у него молоток. Мальчик сходит с рельса. Поезд из дрезины и двух вагонеток трогает и уходит. Федор поправляет костыль ударами, чтоб он стоял правильно, и доколачивает его затем до конца.

Федор. Ты что ж, сам маленький еще, а работаешь по-большому! Тебе еще не время. А где отец с матерью?

Мальчик (указывая). Там!

Из железнодорожной будки слышны музыка гармоники и буйные голоса веселящихся людей.

Федор. Там отец с матерью твои?

Мальчик. Они. Дядя с фронта вернулся, теперь гуляют. Сорок дней уж гуляют. Ночью гуляют, а днем похмеляются.

Федор. Дай воды напиться.

Мальчик. Пойдем, я тебе квасу вынесу. Мы квас пьем.

Мальчик берет на плечо большой молоток и направляется к дому, а Федор идет следом за ним.

Федор стоит один у палисадника железнодорожной путевой будки.

Мальчик выносит ему корчажку с квасом. Федор берет корчажку и пьет квас.

Но тут из избы выходят веселый пожилой демобилизованный солдат и просто-волосая счастливая женщина — мать мальчика-работника. Они обнимают Федора, целуют его и волокут за руки в дом.

Веселый солдат. Иди к нам! Здравия желаю от старого солдата! А ты кто такой? А ты знаешь, кто я? Ты знаешь? Я тебя на месте расшибу! Дай я тебя поцелую пока!..

В доме весело играет гармоника. Веселый солдат и женщина уводят туда Федора.

По тропинке возле железнодорожного пути идет Арфа. Она в ватнике, в теплом платке, и мешочек с пищей у нее за плечами. Она идет в плане одного ландшафта: лес.

Она идет в плане другого ландшафта: чистое поле.

Она идет среди мелкого кустарника, слегка прихрамывая, и останавливается: она слышит гармонику и веселое пение из путевой будки.

Железнодорожная будка. Против нее останавливается Арфа: сначала она слушает звуки веселья из этого путевого одинокого жилища. Потом садится на землю, разувает один башмак и гладит потертую ногу.

Маленькая горница внутри путевого домика. Накрыт стол с закуской, сидят хозяин, хозяйка и бывший солдат. Федор и мальчик стоят.

Бывший солдат. Ну выпей, я тебе говорю! Что ты за непутевый такой, ты дезертиром, что ль, был? Покажь документ!

Федор. Не буду я пить!

Мальчик. Не надо! Они дурные.

Бывший солдат. А что ж тогда надо?

Федор. Как что? А зачем пить-то? Выпить — значит, тебя вино побеждает, а не выпьешь — значит, ты победил вино. А какой же ты солдат, когда тебя побеждают!

Бывший солдат. Да ну? Нюжли правда твоя? А я думал, вся правда моя!

Стук в окно. В окне показывается лицо Арфы.

Арфа. Хозяйка!.. Хозяйка есть?

Хозяйка. Чего тебе там?

Арфа. У вас лаптей старых нету?.. Продайте мне, я ногу потеряла, башмак тесный.

Хозяйка. А далеко идешь-то?

Арфа. Сама не знаю. Я мужа иду встречать. Мне один лапоть нужен.

Федор стоит неподвижно. Он видит Арфу. Теперь и Арфа различила его: ее лицо светлеет и меняется; она близко прижимается лицом к оконному стеклу, слезы идут по ее лицу, слезы ступшевывают ее образ, и он делается почти невидимым.

Хозяйка. Чего ты там, молодая, хорошая?.. Иди, я тебе даром лапоть-то дам!

Федор. Не нужен ей лапоть.

Бывший солдат (Федору). Иди выйди к ней. Посватай ее за меня! Это терпимая женщина!

Федор уходит, и мальчик за ним, остальные остаются. Арфа исчезает за окном.

Федор и Арфа уходят вдаль, взявшись за руки; они идут по обочине железной дороги. Мальчик, находящийся в близком плане к зрителю, смотрит им вслед. Арфа немного хромает, опираясь одной рукой на палку Федора, а другой держась за мужа.

Федор подымает Арфу на руки и несет ее как маленькую. Лицо Арфы обращено теперь в сторону мальчика. Она машет ему рукой в знак прощания — и мальчик отвечает ей тем же.

Вечер. Комната Арфы. Горит настольная лампа. На кровати сладко спит Федор. Арфа сидит возле кровати и не сводит глаз с лица мужа.

Дверь приоткрывается. Показывается голова Евстафьева.

Евстафьев. Не проснулся еще?

Арфа. Нет... Уходи, уходи!

Евстафьев скрывается. Арфа сгоняет муху с лица Федора.

Арфа (тихо). Ну просыпайся скорее, а то мне скучно... Ты уже выспался!

Федор всхрапывает и бормочет что-то невнятное в глубоком сне.

Арфа. Ну спи! Не надо просыпаться. Ты устал. Спи!

Арфа беззвучно движется по комнате в одних чулках, не переставая наблюдать за Федором и отгоняя мух с его лица.

Арфа. Я тебе музыку сейчас заведу, хорошую — тихую, чтобы тебе приснился сладкий, сладкий сон...

Арфа включает радиоприемник. Радио говорит: «Гражданин Подсекайло Иван Артамонович спрашивает нас, где приобрести куб для кипяченой воды. Отвечаем ему...»

Арфа. Ты не то играешь.

И переключает радио. Радио: «Кенаф, клещевина, соя, кендырь, куян-суюк...»

Арфа переключает радио. Радио: «А сейчас оркестр деревянных инструментов исполнит симфонию на дровах» — и раздаются несколько глухих звуков вступления

в эту симфонию. И сейчас же, почти одновременно с этими звуками, над головою Арфы, на верхнем этаже, детская губная гармония заиграла трогательную младенческую песню. Арфа выключает радио.

Арфа стоит одна посреди комнаты — счастливая и словно недоумевающая. Она садится по-детски на пол. Трещит кузнечик за открытым окном. Губная гармония играет наверху.

Приотворяется дверь. Появляется голова Евстафьева. Музыка наверху умолкает.

Евстафьев. Буди Федьку! Товарищ начальник дороги генерал-директор тяги товарищ Ефремов Сергей Сергеевич его ожидает.

Арфа. Не буду будить!

Евстафьев. Как так не будешь! Тут государственное дело, а ты что?

Арфа. А я сама тоже государственное дело. Федор будет со мной, я по нему соскучилась, а ты, папа, не шуми здесь, ты ступай.

Евстафьев. Рано я тебя пороть перестал!

И Евстафьев скрывается обратно за дверью.

Федор открывает глаза, сразу вскакивает, садится на кровати, пробует рукою стену, спинку кровати, не понимая, где он находится. Он озирается с удивлением, видит Арфу и улыбается ей.

Федор. А это правда?

Арфа. Что — правда?

Федор. Ты — правда?

Арфа. А кто же я? Конечно, я правда.

Федор. А я думал — я сплю на войне.

Арфа подходит к Федору, гладит ему голову.

Стук в дверь. Дверь сразу отворяется, и входит Евстафьев, а за ним Ефремов.

Но, увидев счастье супругов, они оба враз в смущении уходят обратно.

Федор. Нефед Степанович, идите к нам.

Арфа. Не надо. Ты никуда не поедешь, ты будешь теперь долго отдыхать.

Федор не вполне ее понимает. Но Арфа уже надевает ватник и покрывает голову теплым платком.

Затемнение.

Федор один в той же комнате. Арфы нет. Федор обходит комнату вокруг, ведет рукою по стенам и попутным предметам и говорит всем вещам: «Здравствуйте, я по вас соскучился, и вы тоже!»

В комнату входит Евстафьев.

Евстафьев. Ушла Марфушка-то?.. Идем, Федя, за мной. У нас дело великое.

Федор уходит вслед Евстафьеву.

Ночь. Две платформы с углем. На разгрузке их быстро работают Арфа, Лида и еще две девушки.

Тут же углеподъемник забирает сгруженный уголь и подымает его на тендер паровоза. Далее — в очереди — покрикивает гудком еще один паровоз, торопясь экипироваться.

На платформу, где работает Арфа, влезает Федор.

Он появляется около Арфы, и берет у нее лопату.

Федор. Отдохни, я к работе привычней тебя.

Арфа. Ты зачем сюда явился?

Федор. По тебе соскучился.

Арфа. Правда?.. Ну тогда пусть Лида отдыхает, а я не могу, я хочу с тобой работать...

Арфа отбирает у Лиды лопату и работает.

Лида. А мне неловко так быть.

Арфа. Чего тебе неловко? Ты молодая еще — ступай в клуб танцевать, а мы семейные...

Лида неохотно, медленно сходит с платформы и исчезает. Арфа и Федор быстро работают.

Во время работы.

Арфа. А к отцу начальник дороги приходил!

Федор. Я с ним говорил.

Арфа. А зачем? Я тебе сказала — ты не поступаай работать!

Федор. Я сказал им — не буду.

Арфа. А они что?

Федор. Они ничего. Они сказали, отец твой сказал, что я дурак. Тебя, говорит, на честь, на подвиг призывают, ты знатным станешь, а ты трус и лодырь.

Арфа. А ты что?

Федор. Я ничего.

Арфа. Чего же ты — ничего?.. А жить нам дальше как? Может, у нас дети будут!

Федор. Ты же сама не велела!

Арфа. Чего я не велела? Хорошим человеком я быть тебе не велела? А ты чего молодую бабу слушаешь? Может, я от тоски по тебе совсем душой стала!.. Эх ты, воин!

Федор втыкает лопату в уголь, останавливается работать и смеется.

Арфа. Чего ты?

Федор. Я тебя люблю.

Арфа. Ну и что ж! Люби, пожалуйста, да любовь-то твоя беззаботная...

Федор (улыбаясь). А я завтра новый паровоз принимаю.

Арфа. А зачем скоро так? Ты бы отдохнул еще, я бы в кино с тобой каждый вечер ходила и в клуб танцевать. А то без тебя какая жизнь!.. Пойдем сегодня в клуб! Сгруджай скорее!..

Федор. Сейчас. Я сейчас. Я один без тебя справлюсь.

И оба они снова быстро работают лопатами.

Затемнение.

Комната Арфы и Федора. Арфа спит на кровати. Вторая подушка рядом с ее головой свободна. За небольшим столом сидят Федор и Нефед Степанович Евстафьев. Между ними — тарелка с вареной картошкой, вареное мясо, соль, хлеб. Они кушают и беседуют, они стараются говорить тихо, но забываются и кричат от вдохновения громко — особенно Евстафьев.

Евстафьев (громко). Понятно тебе?

Федор (тихо). Понятно.

Евстафьев. Вот. Все тебе ясно?

Федор (тихо). Ничего.

Евстафьев (громко). Ну тогда ты глупый!

Арфа, проснувшись на мгновение, берет подушку Федора и бросает ее в говорящих, чтобы они не мешали ей спать. Евстафьев равнодушно подхватывает подушку, попавшую ему в голову, и швыряет ее прочь, в сторону.

Евстафьев. И вот я тебе говорю: оторви мне усы, если так будет! О чем мы с тобой говорим?

Федор. Не знаю. Это вы говорите.

Евстафьев. Ага. Это я говорю. Ну ты научно-то можешь соображать?

Федор. Нет. Я же неученый человек.

Евстафьев. А кто же ты?.. Ведь во мне все кипит сейчас. Вот как кипит в груди! (Показывает жестами, как у него в груди). Ты веришь?

Федор. Нет. А чего врать? Я молчу.

Евстафьев (кричит). А чего я шумлю тогда? Зря, что ль?

Арфа, пробудившись опять, швыряет в говорящих второй подушкой и остается спать без подушки. Отец отбрасывает упавшую подушку ногой.

Федор (тихо). Не зря, отец. Я ведь от вас научился, что машина имеет бесконечную силу...

Евстафьев. Конечно, от меня. А то от кого же! Так ты слушай меня! Ты гляди, как четыреста восьмой километр пройдешь, так давай вот что...

Евстафьев встает на ноги и показывает жестами-игрой, что должен делать Федор на паровозе, поворачивает реверс, доводит регулятор на весь сектор, открывает и закрывает кран продувки цилиндров.

Евстафьев. Давай всю отсечку, весь пар, продуй цилиндры, но коротко! И разгоняй, разгоняй машину, не жалея ее — перед тобой горизонтальная площадка в два с четвертью километра, только всего, а потом подъем на четыреста одиннадцатом, тебе надо прямо на стену там лезть! Но ничего: дай в топку газового угля, не буксуй — песок имей наготове, бойся растяжки, загодя накопи инерцию и не рви, не рви состава, тяни его на перевале как струну — и слушай сердцем машину, чтоб она дышала у тебя, а не задышалась!..

Арфа (садится на кровати, открывает глаза и закрывает их). Да когда ж вы уймесь!..

Евстафьев (дочери). Замолкнь ты, агрессивка!.. (Федору). А на подъеме четыреста сорокового километра тебя толкач будет ждать на подходе. Там ты...

Арфа. Это все вам с Федькой слава будет! А мне? Я тоже хочу.

Евстафьев. Ишь ты, карьеристка какая!

Арфа (сонно и равнодушно). Я карьеристка.

В дверь кто-то несмело, негромко постукивает. Этот звук слышался и раньше, но на него никто не обращал внимания.

Евстафьев (к двери). Кто там карябается? Входи иль исчезни!

Входит Филипп; он одет в форму железнодорожного кондуктора.

Филипп (несколько застенчиво). Здравствуйте... Здравствуй, Федор Матвееч! Забыли меня? Мы вместе с фронта ехали, колодезь еще чинили по дороге...

Федор. Здравствуй, Филипп. Иди сюда, садись на мое место. Ты что?

Филипп. Завтра я поеду за главного кондуктора вместе с вами... Не надо мне сидеть, я постою.

Федор. Спасибо тебе, что пришел, Филипп. Садись, кушай с нами.

Арфа протягивает руку к Филиппу, приветливо тянет его к себе, и Филипп садится на край кровати.

Арфа. Папа, я на всех буду ужин варить. Вам надо мясные котлеты есть и спать пораньше ложиться, вам завтра трудно будет.

Евстафьев. Аль поумнела? Вари побольше, погуще, пожирней...

Арфа. Потушите свет, я оденусь.

Федор тушит свет. Тьма.

Светлый день. Станция. На пути стоит передняя часть состава — несколько большегрузных четырехосных вагонов. Здесь находятся сейчас Ефремов, Корчебоков; к ним подходит Евстафьев, вытирая руки сухими обтирочными концами. Слышится медленное приближение паровоза; слышно клокотание пламени в его топке.

Мощный паровоз (желательно ФД) подходит тендером к составу. В окне паровоза на месте машиниста — Федор. Все люди несколько торжественны. Евстафьев в галстук. Один Федор прост и обыкновенен.

Место сцепления. Паровоз нежно надавливает — и челюсть автосцепы щелкает. К автосцепу подлезает Евстафьев и лично обследует надежность сцепления.

Съемка несколько издали. Видны весь паровоз, передний вагон, группа людей у паровоза.

Федор сходит с паровоза. Евстафьев впереди паровоза посыпает рельсы песком, беря его из балластного слоя.

Съемка ближе. Федор ощупывает руками узлы машины. Затем подымается по трапу в кабину.

Евстафьев (он также подходит к правой машине паровоза, ощупывает для проверки узлы ее после Федора и обращается к Федору). Федя! Нажми состав — он тебе отдаст потом свою силу.

Федор поворачивает штурвал реверса, трогает регулятор: колеса паровоза делают пол-оборота, приостанавливаются, затем делают полный оборот, еще один-два оборота, еще оборот, ход назад — и замирают в покое. Федор манипулирует реверсом, регулятором и тормозом.

Евстафьев. Достаточно. Ну, Федя, я по твоему сигналу нажму!

Федор. Давай, отец. Враз только толкай, не жалея меня.

Евстафьев уходит. Паровоз Федора сильно засифонил. Ефремов и Корчебоков подымаются на паровоз. Ефремов пожимает руку Федора и целует его в лоб Корчебоков обнимает Федора. Ефремов пожимает руки помощнику Федора и кочегару. Кочегар — Лида.

Ефремов и Корчебоков сходят с паровоза.

Перрон вокзала. У перрона свободный путь. Группа железнодорожников на перроне. Впереди группы — дежурный по станции и Корчебоков. В группе железнодорожников находится и Арфа.

Шум идущей моторной дрезины; мимо платформы быстро проезжает открытая дрезина; на ней фигура начальника дороги Ефремова и еще один человек — моторист.

Дежурный подымает сигнал отправления: диск в руке.

Главный кондуктор Филипп (он у состава) дает сигнал отправления свистком-трелью.

Корчебоков от волнения снимает фуражку; опомнившись, надевает ее снова и берет под козырек и вдруг уходит в сторону.

Кабина паровоза. Окно. Федор. Он дает долгий сигнал отправления, затем дает два коротких гудка, прислушивается. Издали эти (точно такие же) сигналы повторяет второй паровоз.

Играет нестройная, неумелая музыка. Вокзальный садик за низкой изгородью у перрона. В этом садике самодеятельный оркестр, кондукторы, уборщицы и другие. Оркестр играет марш, и от неслаженности он звучит не столько торжественно, сколько наивно и трогательно, а Корчебоков дирижирует оркестром с вдохновением, с важным, серьезным выражением на лице.

Окно в кабине паровоза. Федор. Стонущий мелодический звук предохранительного клапана.

Возле паровоза появляется Арфа; она мгновенно подымается по трапу на паровоз и исчезает там. Федор ее, видимо, не замечает.

Машина паровоза. Дышла делают четверть оборота и приостанавливаются в растяжке. Стонущий, мелодический звук клапана усиливается.

Кабина. Федор. Он дает два коротких сигнала. Краткая пауза. Далекий паровоз отвечает ему такой же парой сигналов.

Федор плавно и далеко открывает регулятор.

Машина. Дышла медленно трогаются и проворачивают колеса.

Мгновение — и бешеное буксование машины, дышел почти не видно, из-под бандажей ведущих сцепных колес летят искры и пламя огня, вырабатываемое могущественным усилием машины.

Кабина. Федор. Он манипулирует реверсом. Слышится пара жалобных сигналов далекого паровоза.

Машина. Буксования нет. Дышла медленно проворачивают колеса. Слышится мелодичное пение самого усилия гармонично работающей машины, слагающееся из звуков напряженных, динамических деталей.

У кабины по земле бежит Корчебоков. Он встревоженными глазами смотрит вверх на Федора, он хватается рукой за поручень трапа.

Машина несколько издали. Колеса проворачиваются все более быстро, тяговое усилие и скорость нарастают каждое мгновение, почти толчками, это видно по ходу дышлого механизма.

Корчебоков бежит, упираясь в поручень трапа, точно помогая паровозу.

Лицо Федора в окне кабины. Оно в поту и в напряжении внимания.

Продувка: из кранов цилиндра вихри пара.

Корчебоков стоит на месте. Перед ним с могучим ускорением — все быстрее и быстрее — бегут вагоны состава.

По игре и по звуку стыков слышна и видна их скорость. Вагоны (среди них много платформ) нагружены самым разнообразным богатством: уголь, автомобили, огромные ящики — контейнеры, фермы мостов, рельсы, балки, чудовищное оборудование для металлургических заводов на специальных многоосных платформах и т. д. и т. п. Этой мизансценой можно сразу и мощно охарактеризовать могучее, быстрое творчество страны после войны.

Корчебоков веселится на земле, он почти танцует, что-то кричит, спотыкается, падает и подымается вновь.

Мимо с нарастающей скоростью бегут и бегут вагоны, и число их не кончается: нужно пропустить 100 — 120 вагонов, не менее.

На тормозной площадке одного вагона — Филипп. Наконец проносится с полной отсечкой пара паровоз-толкач.

Кабина толкача (извне). Из окна глядит Евстафьев.

Место толкания паровоза-толкача: диски буферов толкающего паровоза начинают отставать от дисков буферов заднего вагона.

Кабина толкача. Евстафьев. Далекое пение сирены ведущего паровоза Федора — на удаление. Евстафьев бдительно прислушивается. Евстафьев манипулирует реверсом и регулятором.

Место толкания. Паровоз-толкач уже отстал от заднего вагона примерно на один метр.

Он приближается на полметра и остается на этой дистанции — то есть толкач работает вхолостую.

Евстафьев утирает глаза большим платком:

— Прощай, Федька!

И потягивает поводок сирены на три коротких сигнала, закрывает пар, машина сокращает ход, останавливается. Далекое однократное ответное пение сирены ведущего паровоза.

Паровоз Федора. Плечи и голова Федора, смотрящего вперед, — и за его плечами, поверх них, видно светлое пространство русских хлебных полей — бесконечная родина, и в полях работают люди, машины и животные. Тракторы и лошади пахут, на автомашинах и на коровах везут солому, зерно в мешках, воду в бочках.

Переезд. На переезде стоит мальчик, который известен нам; он стоит теперь возле матери, которая держит свернутый флажок. Гром и гул приближающегося поезда.

Паровоз Федора входит в экран. Федор заметил знакомого мальчика, улыбнулся ему и махнул рукой.

Поезд Федора издали — так, как его видно с полей, где работают крестьяне: мощная машина извергает, как вулкан, огнедышащий пар из низкой трубы, дышла машины быстро вращают колеса, состав бесконечной длины тянет за собой работающая напряженная машина, сверкая пламенем, видимым даже при свете дня, из поддувальных дверец.

Пахотное поле. Трактор тянет за собой раму с плугами. Женщины стружают с воза мешки с семенным зерном. И все они — тракторист, плугарь, крестьянки — оборачиваются лицами к великому поезду Федора и смотрят на него удивленно и радостно: они видят, понимают и ценят великую работу человека и машины. Они даже приостанавливают на минуту свою работу, кричат приветствие в сторону паровоза и машут руками машинисту.

Поезд издали: виден лишь трепещущий столб пара, извергаемый быстро удаляющимся паровозом, и череда вагонов, у которой нет конца.

Железнодорожная линия на крутом затяжном подъеме. Линия идет на горизонт, поднимающийся к небу. Слышно по звуку, как сюда все ближе и ближе подходит паровоз Федора, и слышно по звуку, как все более и более замедляется дыхание паровоза, делается редким и тяжким.

Паровоз вступает в экран. Виден Федор в окне, манипулирующий реверсом, краном продувки цилиндров, краном подачи песка. Видна работа паровоза по работе правой его машины (со стороны Федора). Лицо Федора в поту от напряжения. Он непрерывно и точно регулирует машину.

Вот машина срывается в буксование. Федор укрощает ее регулятором, затем пускает песок под колеса (видно, как из трубок на рельсы пошли струйки песка), переключает реверс, снова отдает регулятор на всю дугу, закрывает песок. Машина прекращает буксование и снова вращает колеса в тяжком усилии.

Медленно идут вагоны.

И ход их еще более замедляется, скорость их приближается к нулю.

Федор в окне паровоза. Он закрывает регулятор — паровоз на мгновение утихает, почти останавливается, — и сразу на всю дугу Федор открывает регулятор: машина резко рвет вперед, движение продолжается.

Проезжает вагон с тормозной площадкой, на которой находится Филипп, взявшись за поручни, бдительно оглядывает поезд вперед и назад.

Маленькая станция; на станции стоит сифонящий небольшой паровоз (серии О); в будке паровоза — Арчапов.

Последний вагон поезда Федора медленно проползает мимо паровоза Арчапова; паровоз Арчапова стоит на параллельном пути.

Последний вагон на некотором удалении; он почти останавливается.

Арчапов дает свисток, трогает регулятор — и паровоз его ходко пошел вслед поезду Федора.

Тормозная площадка с Филиппом; он следит за ходом поезда.

Последний вагон поезда. Он еле-еле движется — и вдруг вздергивается немного вперед.

Место сцепления двух вагонов. Мгновенное пламя вырывается из механизма сцепления. Раздается гулкий звук, как удар молота по металлу.

Передний вагон чуть удаляется от заднего: обрыв, лопнула челюсть автосцепа.

Филипп слышит этот звук; в тревоге он прыгает с подножки вагона на землю и бежит мимо очень медленно движущегося состава.

Филипп видит разрыв поезда — разъединение вагонов.

Он хватается за буфер, влезает на него, садится, хватается висящую серьгу старой винтовой стяжки, хочет набросить ее на крюк соседнего вагона и не может — соседний, то есть задний, вагон все более отстает. Филипп сидит на поврежденном автосцепе, держа в руках серьгу винтовой стяжки.

Последний вагон поезда. Тарелочные буфера вагона.

К этим буферам вплотную подходят буфера паровоза-толкача Арчапова, паровоз приходит в соприкосновение с буферами вагона — твердый и мощный нажим, паровоз Арчапова работает со всей мощностью, Арчапов открывает регулятор на весь сектор, дает реверсом полную отсечку.

Буксование колес, песок под колеса из трубок, буксование прекращается, паровоз жмет состав всю силой.

Арчапов (в окне паровоза). Вперед, Федька! Не горюй! Мы все с тобою!

И дает сигнал свистком. Вдалеке ему отзывается свистком же паровоз Федора.

Филипп сидит на поврежденном, оборванном автосцепе и держит в руках серьгу винтовой стяжки.

Задний вагон, отстав на метр, отстает постепенно больше — на полтора, на два, на три метра.

Затем эта дистанция — три метра — сохраняется секунду-две, затем эта дистанция сокращается: два с половиной, два, полтора метра, полметра — и Филипп набрасывает серьгу переднего вагона на крюк заднего вагона и серьгу заднего вагона на крюк переднего, стяжка натягивается, вагоны сцеплены вновь; через буфер вагона Филипп выходит из зазора вагонов, прыгает на землю, бежит по земле параллельно ходу поезда, хватается за поручень тормозной площадки и подымается на тормозную площадку, где он находился и прежде.

Поезд идет вперед более живо, чем только что шел до того.

Извне. Перевал подъема. Паровоз подъема. Машина Федора забила в резком буксовании. Федор (в окне паровоза) манипулирует управлением и успокаивает машину.

С могущественным усилием работает машина паровоза — и бандажи сцепных ведущих колес выбивают пламя с поверхности рельс.

Изнутри кабины. Машина работает на высшем темпе. Несмотря на работу стокера (если машина ФД), открыта и шуровка — в топке видно напряженное сияние пламени. Арфа сидит на ящике ближе к тендеру. Лида загружает топку углем через шуровочное отверстие. Вдруг возникает — в глубине машины — вопящий звук. Он прерывается, вновь возникает, вновь прерывается, вновь возникает — однако паузы тишины сокращаются, а периоды вопля увеличиваются, и вот вопль звучит почти непрерывно, и тон его возрастает.

Федор отбрасывается из окна внутрь кабины.

Он глядит отвлеченными глазами.

Бросается на сторону помощника (левую), напряжение вопящего звука усиливается.

Федор рядом с помощником.

Помощник. Останавливай! Запорем машину!

Левая галерея машины (около котла). Из кабины выскакивает на эту галерею Федор. (Вопящий звук происходит все время).

Федор добегают до передней топки.

Он становится на колени, ложится, свешивается (примерно над цилиндром или над бегающим крейцкопфом, где у паровоза закреплена приводная штанга к пресс-масленке).

Штанга разъединилась. Один ее конец бежит вместе с крейцкопфом. Другой конец, ведущий к самосмазу, висит в воздухе. Федор хватается погнутой, отъединившийся

конец приводной штанги (что висит беспомощно в воздухе), склоняется ниже к работающей пульсирующей машине, висит над машиной, натягивает свободный конец штанги, но приладить ее на ходу машины нельзя.

Федор обращается к самосмазывающему аппарату (он виден зрителю).

Федор начинает качать ручную приводную рукоятку самосмаза. Сразу приутихает мучительное, раздраженное пение в теле машины.

Федор бешено качает ручку самосмаза: звук немного уменьшается, делается не столь вопящим.

Федор кричит, обернувшись к кабине:

— Арфа!

Открывается дверь из кабины, оттуда выбегает Арфа. Она пробегает по боковой галерее к Федору. Звук к этому моменту уменьшился еще более.

Федор (Арфе). Качай масло!

Арфа склоняется к самосмазу и начинает качать рукоятку изо всех сил.

Федор спешит обратно в кабину.

Кабина изнутри. Появляется Федор. Оглядывает приборы. Шуровка закрыта.

Федор (помощнику и кочегару). Пар садится!.. Освободить зольник автоматом! Дай газового угля! Грузи вдобавок топку в две руки — давай весь форс!

Помощник срабатывает топку автоматом, открывает всю подачу стоккера, открывает весь вентиль сифона. Лида открывает шуровку с бушующим пламенем.

Помощник берет шуровочный инструмент (вроде длинной кочерги), кочегар — Лида — ручную грузит в топку уголь лопатой.

Арфа согнулась на коленях у самосмаза и интенсивно качает рукоятку. Вопящего звука теперь нет.

Съемка с места машиниста (скажем, из-за плеч Федора). Виден путь впереди. Слышен сигнал паровоза Арчапова. Федор потягивает поводок сирены — долгий торжественный сигнал.

Арфа — грязная, черная, небольшая — качает самосмаз изо всех сил на левой галерее паровоза.

Буфера заднего вагона поезда. К ним прижаты буфера толкающего паровоза, работающего впереди со всей энергией, что слышно по звуку отсечки пара в трубу.

Напряжение буферов ослабевает. Задний вагон поезда получает ускорение и отходит от буферов толкающего паровоза.

Паровоз Арчапова. Арчапов тянет поводок сирены и слушает. Издалека, спереди, слышен голос паровоза Федора.

Арчапов закрывает регулятор, он отстает от поезда, это видно по буферам: они разъединились, толкание прекратилось.

Арчапов. Уехал Федька!.. Эх, если б ты был моим сыном!.. Да, уходит жизнь вперед!

Арчапов вынимает большой платок и утирает им глаза.

Затемнение.

На большой скорости входит в экран паровоз Федора. На левой галерее паровоза Арфа качает самосмаз (пресс-масленку).

Паровоз резко сокращает ход.

Паровоз останавливается у низкой платформы. На платформе стоит дежурный. Дежурный глядит на свои карманные часы.

С паровоза спускается Федор. Он вытирает пот с лица мягкой шапкой.

Дежурный. Вовремя. А сколько осей у тебя? Я знаю, но ты скажи!

Федор говорит, сколько осей у него, но неслышно.

Дежурный. Не может быть! Этого не бывает!

Федор повторяет свои неслышные для зрителя слова.

Дежурный. Точнее прошу! Этого не бывает!

Федор улыбается и машет рукой:

— Бывает!

Подходит Филипп. Он вынимает свои часы, глядит на них. Федор показывает ему циферблат своих часов: они сверяют время и видят, что прибыли вовремя.

Дежурный пожимает руку Федору, поздравляя его.

С паровоза сходят вниз чумазые, утомленные Арфа и Лида.

Федор пожимает руку Филиппу, затем обнимает его и целует. Филипп застенчиво улыбается.

Арфа наблюдает это; ей не нравится, что Федор поцеловал Филиппа, и она в отместку внезапно обнимает и целует Лиду — и, поняв нелепость своего действия, смеется в смущении.

Филипп. Она любит тебя.

Федор. Что?

Филипп. Я говорю — она любит тебя...

Арфа. Люблю, а вас никого не люблю!

Филипп (застенчиво). Нас нет, нас не надо.

Лида. Надо! Почему нет?

И Лида трогает рукой грудь Филиппа, а затем, опомнившись и смутившись, начинает вытирать пыль с его одежды.

Затемнение.

Комната Арфы и Федора. Вечер. Сумерки. Светит настольная лампа. Арфа, празднично одетая в хорошее летнее платье, веселая, счастливая, напевает и накрывает стол.

Наверху заиграла детская губная гармония.

Арфа, подняв голову, слушает простую нежную музыку.

Тихо входит празднично одетый Федор. В руках у него большой букет цветов. Музыка наверху перестала играть.

Арфа оборачивается к Федору и протягивает к нему руки.

Федор делает движение в сторону Арфы, чтобы обнять ее. В этот момент сверху раздается долгий, страшный крик ребенка.

Федор роняет букет цветов на пол, невольно отводит от себя руки Арфы и бросается вон из комнаты.

Арфа стоит одна — в недоумении и в печали.

Арфа. Всегда его зовет кто-то к себе, а я остаюсь одна...

Арфа поднимает с пола букет цветов и прижимает его к своей груди.

Отворяется дверь. Входит Федор с мальчиком лет пяти на руках. У мальчика заплаканное лицо. В одной его руке зажата губная гармония, а другая его рука беспомощно висит. Федор сразу сажает ребенка на кровать.

Федор. Арфа, скорее давай!.. Сделай ему компресс на ручку. Его мать ушла за хлебом, а он рукой огонь в печке попробовал...

Арфа (равнодушно). Заживет!

Федор (сурово). Скорее! Делай — и не говори!

Федор и Арфа стоят, склонившись над ребенком, лежащим на кровати.

Арфа бинтует мальчику больную руку, а Федор утирает ему лицо от слез краем праздничной кофты Арфы.

Арфа. Возьми полотенце!

Федор. Ничего, я тебе другую кофту куплю. (К мальчику). Тебе больно?

Мальчик. Нет, я терплю.

Арфа. А на гармонии будешь играть?

Мальчик подносит к губам здоровой рукой гармонию и играет несколько простых и нежных тактов детской блаженной песни.
Федор. Все!

СЕМЬЯ ИВАНОВА

Сценарий

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ИВАНОВ Алексей Алексеевич, 35 лет.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА, его жена, 32 лет.

СТЕПАН, 13 лет.
ПЕТР, 10 лет.
НАСТЯ, 6 лет. } их дети.

МАРФА НИКИТИШНА — БАБУШКА — мать Иванова, 65 лет.

ПАШКОВ СЕМЕН ГАВРИЛОВИЧ, работник отдела кадров электростанции, лет 45.

СОФЬЯ ИВАНОВНА, лет 40, работница электростанции, обмотчица.

ГАБРИЭЛЬ, европейская девушка, 24 лет.

ИСАЕВ
МОРГУНОВ } офицеры, товарищи Иванова.
БЕЛОЯРЦЕВ }

СЕСТРА

ИНВАЛИД

БЕЗРУКИЙ ИНВАЛИД

САНИТАРКА

Ж.-Д. МАШИНИСТ

СТАРИК С РЕБЕНКОМ

КРАСНОАРМЕЙЦЫ

АМЕРИКАНСКИЕ СОЛДАТЫ.

И другие — по ходу действия.

Ночная тьма. Затем вдалеке, — вначале очень далеко, — можно разглядеть точку света.

Свет приближается и приобретает более конкретный образ — сперва однако фантастический, словно дело происходит в другом мире, а не на привычной земле; вее метель-поземка, иногда она прекращается, и тогда видно звездное небо и окружающий ландшафт.

Свет вблизи: несколько сильных электрических светильников или два-три прожектора освещают небольшую территорию. На этой территории находится недо-

строенная, но уже действующая мощная электростанция, напоминающая организм без одежды и без покровов, у которого внутренние органы работают снаружи и на виду. Станция состоит из двух главных частей, соединенных меж собой: котельной и силовой установки; котельная представляет здание со стенами, далеко не доведенными под крышу, проемы окон закрыты матами, четыре низких дымовых трубы, выходящих из скелетообразного здания котельной, работают с дутьем; силовая установка имеет законченным только фундамент — сам турбогенератор закрыт комбинацией матов, щитов и прочих временных материалов, сквозь которые в яркие просветы частично видно туловище могучей машины. На территории станции много временных устройств, некие дебри обнаженной техники. На всех устройствах — следы стужи, ветров и мороза: огромные ледяные сосульки, полосы в мерзлом снегу, как роспись ветров. Слышен напряженный, высокий, непрерывный звук работающей станции, иногда заглушаемый шумом метели и затем вновь возникающий.

В краткий перерыв метели, когда делаются видными звезды на небе, виден также и окружающий ландшафт: силуэты гор справа и необозримая даль равнины, мерцающей снегом, прямо вперед и слева. Это Урал или Предуралье. Фантастичность и мощностность пейзажа находится во внутреннем родстве с фантастичностью самой электростанции, работающей почти «голой» на открытом месте, как в таком же родстве находятся и звуковые элементы: завывающая поземка и высокая мелодия работающих машин станции.

Железнодорожная станция возле электрической станции. С мощным усилием паровоз везет состав с углем, пробивая грудью и светом метель, бьющую машине в лоб.

На станции меж путями и за ними — горы машин и механизмов, сваленных на землю, прикрытых брезентами и ничем не прикрытых. Горят костры, у костров греются рабочие, охраняющие машины; над огнем висят котелки, в которых варится пища.

Внутренность одного товарного вагона: посреди вагона раскаленная почти докрасна железная печь. К потолку вагона подвешены две детские колыбели — люльки. На нарах вагона спят люди; на полу их вещи и домашнее имущество; даже коза находится здесь, привязанная к железной скобе вагона; коза спит.

Нары этого же вагона. Спит женщина — Ольга Васильевна Иванова, справа и слева от нее спят ее дети: Степан, Петр и Настя, укрытые с головой. Ольга Васильевна и во сне продолжает обнимать меньших своих детей, Настю и Петрушку. Подле них сидит, согнувшись, бабушка; она в очках и штопает чулки или зашивает одежду.

В КОНЦЕ 1941 ГОДА

Та же внутренность вагона. Слышно завывание метели за стенами вагона. Затем метель стихает на время, и слышно бормотанье беспокойно спящих детей, кашель взрослых и отдельные фразы сонных бредящих детей: «Мама, я домой хочу», «А где наша корова, ее немцы съедят», «Дай-дай-дай-дай!» — Голос женщины: «Чего тебе дать? Спи-спи!» — Голос ребенка: «Дай! сиську дай с хлебцем!» — Вне вагона раздастся песня, поют два голоса: «Широка страна моя родная»; голоса приближаются к вагону; голос пожилой женщины в вагоне: «Была широка, а теперь поужела!»

Дверь вагона раскрывается. В вагон влезает Пашков, за ним клубы морозного воздуха. На Пашкова шумят женщины: «Дверь закрой, полуночник!» — «Детей застудишь, куда лезешь, чертопхай!» — «Дров принеси, тогда и в гости ходи!» — И он прыгает обратно из вагона, закрывая дверь за собой.

Ольга сходит с нар, выходит на середину вагона, где топится печь, и подкладывает дрова в огонь.

Дверь вагона вновь раскрывается, появляется Пашков с охапкой дров, он бросает дрова в вагон и сам влезает в него.

ПАШКОВ. Здравствуй, старшая? Получай дрова на ночь! Недостанет — еще принесу, спите в тепле... Сами-то дальние?..

ОЛЬГА. Дальние... Из-за самой Москвы!

ПАШКОВ. Вон — как! Из-за самой Москвы: ишь где жили! И что же теперь делать будете? Сами-то семейные или нет? Квалификацию имеете или так: жили при муже?

ОЛЬГА. Троих детей растила, при муже жила...

ПАШКОВ. Так-так-так. Квалификации, стало быть, нету, одно материнство... А как здоровье? И детей сколько — душ-едоков?

ОЛЬГА. А зачем вам нужно все знать?

ПАШКОВ. Значит, нужно. Видите, я ночью по морозу в темноте хожу: значит — нужно!

Бабушка, Марфа Никитишна, показывается, садясь на краю нар.

БАБУШКА. А зачем тебе нужно: сколько детей у бабы, да сколько ей лет, да откуда да едешь и какая квалификация? Ты кто: шпион, что ль?

ПАШКОВ (нисколько не обидевшись). Здравствуйте, дорогая моя, спасибо, что голос подали, а я думал — вас тут нету, а вы здесь!

БАБУШКА. А где же мне быть-то?

ПАШКОВ. Квалификация у вас есть? И какой состав семьи: сколько вам нужно жилплощади? У нас возможности тут ограничены, но мы учитываем и идем навстречу.

БАБУШКА. Чего вы тут учитываете? Знаю я ваш учет: записал, пообещал и не сделал. Зачем мне тут жилплощадь — не останусь я тут нипочем, я дальше поеду!..

ПАШКОВ. А дальше ехать некуда, дорогая, здесь скоро Ледовитый океан будет — и все: конец света! (К Ольге Васильевне). А вы как думаете быть?

ОЛЬГА. Я сейчас ни о чем не думаю... А когда подумаю, я сама тогда разберусь, как мне быть.

ПАШКОВ. Не думайте, не надо думать, я уже подумал за вас! Оставайтесь у нас — мы на руках вас будем носить: работа предоставляется по вкусу на любую профессию и без профессии, с дальнейшим повышением квалификации, обеспечивается жилплощадь, паек, усиленное питание, клуб, культобслуживание, библиотека-читальня, хор самодеятельности... У нас так и только так!

БАБУШКА. Эка, брешет, как наемный человек! Премию, наверно, получает за каждую нашу душу.

ПАШКОВ. А то как же, а то как же! За вас вот только премии не полагается: у вас души нет!.. Пойдемте со мной, вы поглядите, что делается. Здесь электрическая станция голая, как скелет, стоит, а работает. Она пять заводов на оборону тянет, а на станции силы не хватает, народу нет. А вы говорите — я обманываю вас, я премию получаю!

ОЛЬГА. Не шумите: дети спят. Мы сами понимаем, мы останемся.

БАБУШКА. Ты за себя говори, а не за всех.

ПАШКОВ. Хотите я дров вам еще принесу — в запас? Теплей будет.

ОЛЬГА. Не надо, нам хватит. Зима долгая идет, паровозы потом топить нечем будет.

ПАШКОВ. Это правильно, это точно. Я чувствую, что у вас есть душа. Благодарю вас!

БАБУШКА. А где жить она будет, ведь у нее семейство! Ты думаешь — что говоришь?

ПАШКОВ. Обеспечим, обеспечим!..

ОЛЬГА. Не надо так говорить!.. Кто нас теперь обеспечит? Мы сами всех должны обеспечить.

ПАШКОВ. Вот это справедливо, это по-рабочему... А разрешите узнать — ни у кого тут супругов-мужчин нету?

ОЛЬГА. Нету. Мой муж на войне, у других — тоже.

ПАШКОВ. Сожалею, сожалею... Дорог нам сейчас работник — мужичок!

БАБУШКА. Ишь, чего захотел! Мужик и нам нынче дорог, да где ж его возьмешь... (К Ольге). Ты бы взглянула пошла, как у них люди тут живут — может, квартиры теплые есть, иль хоть общежитие...

Ольга подходит к нарам вагона, где спят подряд трое ее детей. Она склоняется к ним и укрывает всех потеплее одеялом, а на себя надевает ватник и покрывает голову теплым платком, собираясь уйти из вагона с Пашковым.

ПАШКОВ (к Бабушке). Одумались теперь?

БАБУШКА. Молчи уж, демон!.. Иль я век, что ль, в вагоне несвоей жизнью буду жить!

ПАШКОВ. Приветствую вас! Квалификации никакой нету?

БАБУШКА. Как так нету! Я письмоносцем два года была, каждую зиму шубу и валенки получала!

ПАШКОВ (записывает ее в свою книжку). Письмоносцы нам необходимы. Существой!

Пашков замечает, что из-под одеяла высунулась пухлая детская рука Насти. Грусть проходит по лицу Пашкова. Он склоняется к Настинной ручке и осторожно гладит и ласкает руку ребенку; затем покрывает руку одеялом, чтобы она не зябла.

ОЛЬГА. У вас тоже были дети?

ПАШКОВ. Были... У меня тоже были дети. Целая семья была.

Он раскатывает дверь вагона, прыгает из вагона наружу — в ночь и поземку, освещаемые дальними огнями электростанции, — подает руку, чтобы помочь сойти Ольге, — и оба они оставляют вагон.

Они идут сквозь поземку к электростанции.

Угол строения рабочего деревянного жилища — барака, построенного начерно: необкоренные бревна, фундамент выложен из земляного грунта, крыша из досок-шелевок.

На углу жилища горит электрическая лампа, вывешенная наружу, и ветер раскачивает ее. Лампа освещает небольшое место, а вокруг ночь и смутная поземка. На жилище надпись — черной краской по доске: «Ново-Уральский проспект, дом 7/А».

Сюда появляются Ольга и Пашков, запорошенные снегом.

Они останавливаются под светом, продолжая говорить о том, что их волнует более всего.

ОЛЬГА. Я писем от него давно не получала. Я всего получила два письма, и больше не было...

ПАШКОВ. У вас есть надежда, вы можете получить письмо, а я никогда.

ОЛЬГА. А вы верно знаете, что случилось с вашей семьей? Может — ошибка и все живы будут!

ПАШКОВ. Нет, все они мертвые, дорогая вы моя душа. Я это верно знаю, я сам видел их смерть.

ОЛЬГА. Отчего же они умерли, как же вы смерть их видели и не спасли их?

ПАШКОВ. Мы ехали в поезде, нас эвакуировали и прилетели немцы... Сорок пять душ тогда погибло. Моих было пятеро — четверо детей и жена.

ОЛЬГА. Они не мучились? Хорошо бы — не мучились.

ПАШКОВ. Нет, они сразу скончались. Мы их зарыли всех в одну могилу, нельзя было везти мертвых и живых, это запрещается.

ОЛЬГА. Вы семью свою любили?

ПАШКОВ. И сейчас люблю, и еще сильнее люблю, чем раньше. Раньше все некогда было их любить, и я думал, что они подождут. Работы много было...

Пашков прислоняется к обледенелой стене жилища; редкие слезы текут по его лицу, но он старается совладать со своим горем и смотрит на Ольгу с доброй улыбкой.

Ольга приближается к Пашкову; сняв варежку со своей руки, она утирает ладонью лицо Пашкова и затем целует его в щеку, как сестра.

ОЛЬГА. Вы привыкли жить в семье...

ПАШКОВ. Я привык и трудно мне жить одному для себя. Я не могу и не умею, дорогая моя...

Ольга берет его под руку, они уходят в ночную тьму. Вспыхивает свет, освещается комната: в дверях стоят вошедшие в эту комнату Пашков и Ольга. Комната чисто убрана, будто здесь живет одинокая девушка, — но особенно заметны следующие детали комнатной обстановки: скамья, на скамье стоят четыре пары детских поношенных башмаков на возраст от пяти до пятнадцати лет, а на стене, за скамьей, аккуратно развешены двое штанов, рубашка, куртка для тех же детей; под скамьей — несколько игрушек: автомобиль, кукла, коробочка. Затем кровать, убранная словно для новобрачных; возле кровати стул, на стул повешено красивое женское платье, на стуле лежит дамская сумочка, под столом стоят стоптанные женские башмаки. А на полу у кровати лежит ковер-подстилка, на нем простое одеяло и смятая подушка, — это постель.

ОЛЬГА (оглядывая убранный комнату и замечая постель на полу, в то время как на кровати, очевидно, никто никогда не спит). Это нам квартира?.. А кто здесь спит?

ПАШКОВ. Это я здесь сплю... А там нарочно живут мои дети, а там постель жены. Я сохранил их вещи, которые остались, и берегу их целыми. Так мне лучше.

Ольга берет со стула женское платье, рассматривает его.

ОЛЬГА. Оно старое уже. Здесь оно пылится висит и портится... Чего вам так жить — не надо!

Ольга осторожно складывает платье и ищет, куда его нужно спрятать.

ПАШКОВ. Пусть оно висит, как висело, пусть ветхое станет... Оно никому больше не нужно, никому не потребуется.

ОЛЬГА. Платье же — вещь, а вещь всегда может понадобиться...

Пашков открывает чемодан, стоящий на полу. Ольга укладывает туда платье, а затем сумку и башмаки покойной жены Пашкова.

ПАШКОВ. А может, и правда, понадобится! Жизнь дело такое... Нет, на что ж понадобится?

ОЛЬГА. Может — не понадобится, а может — и годится!..

Ольга открыла крышку фанерного ящика или сундука и бережно складывает туда одежду детей Пашкова, их обувь и их игрушки.

ПАШКОВ. Зачем беречь игрушки?.. Мои дети играть не придут.

ОЛЬГА. Дети другие родятся. Им тоже нужно играть, а не в чего будет, им тоже нужны будут и штаны и башмаки...

ПАШКОВ. Разве что так!

Ольга, убрав вещи умерших, собирает кустарную одинокую постель Пашкова, что была на полу, сложив ее на скамью, и, отвернув одеяло на девственной кровати, где никто не спал, берет подушку с кровати и взбивает ее, показывая тем, что Пашков должен спать теперь на кровати, что приготовленное в память о мертвых должно быть обжито живыми.

Затем Ольга берет тряпку и вытирает пыль с вещей; берет веник и подметает пол. Пашков с удивлением и счастьем наблюдает, как Ольга приводит в обыкновенный, жилой порядок его комнату.

ПАШКОВ. Дорогая моя, задушевная... Обождите работать — вы жить будете не здесь...

ОЛЬГА. Я знаю. Я отвыкла от своего дома, так я хоть чужой приберу, и то мне легче.

И Ольга вешает на горящую голую электрическую лампочку доску материи, взятый ею здесь же в хозяйстве Пашкова, отчего вся комната меняется, словно из обнаженной и циничной превращается в одетую и застенчивую.

ПАШКОВ. Хотите чаю?

ОЛЬГА. Не хочу. Я уже согрелась... А где я буду жить с семейством?

ПАШКОВ. Площадь вы получите немедленно... Давайте чай пить! У нас круглые сутки есть кипяток, у нас это культурно. Крыша еще недостроена, а кипяток — круглые сутки и открыт заочный университет!..

Ольга одевает свой теплый платок на голову. Пашков быстро берет со стола сверток — очевидно с каким-то пищевым продуктом — и пытается вложить сверток Ольге под мышку. Ольга кладет сверток обратно на стол. Пашков берет сверток к себе — за пазуху полушубка.

Общежитие. Дощатый коридор, плохо освещенный. В конце коридора — тамбур, ведущий наружу. Легкие двери тамбура содрогаются от ветра и отдельные снежинки влетают в коридор.

Входят Пашков и Ольга. Пашков отворяет одну из дощатых дверей в коридоре.

Подобие маленькой комнатки. Одна стена имеет окно; на подоконнике засохший цветок в глиняной плошке; три остальные стены построены из необработанных досок. Скамья, два табурета, железная печка для обогрева и приготовления пищи. Слабый свет проникает из коридора через стекло над дверью.

В комнате появляются Пашков и Ольга. Пашков включает свет в комнате. При этом ярком свете дощатая комната совсем уныла и жалка. Ольга садится на табурет. Пашков стоит. Краткое молчание.

ОЛЬГА. Это нам?.. Это нам здесь жить?

ПАШКОВ. Конечно, а что же! Здесь вполне прилично, а при вас будет еще лучше — вы здесь начнете свою новую жизнь!

ОЛЬГА (задумываясь). А я не хочу новой, я хочу жить старой жизнью. Я хочу, чтобы муж мой жив был и ко мне вернулся!

ПАШКОВ (берет Ольгу за руку и осторожно гладит рукав ее пальто) Я тоже вам этого хочу, ну, а вдруг... вдруг так не выйдет!

ОЛЬГА (с горестным ожесточением). Выйдет! Вот увидите, что выйдет!

Ольга протягивает свои руки на холодную печь и кладет на них голову.

ПАШКОВ. Я тоже думаю, что выйдет, — я уверен, что выйдет! Это у меня не выйдет — ко мне никто не вернется. А у вас выйдет!.. Устраивайтесь пока, я завтра к вам наведаюсь. Я буду вам помогать жить в будущем — это моя должность, я из отдела кадров... Мне еще нужно двух кочегаров и одного химика по водоочистке отыскать. Спокойной ночи!

Пашков незаметно для Ольги оставляет сверток с продуктами на скамье, но сверток падает на пол, Ольга оглядывается, Пашков поднимает сверток, прячет его к себе обратно за пазуху и уходит.

Ольга одна. Она идет в сторону барака.

В окно видна работающая электрическая станция — тот же вид ее, что в первых кадрах, и пелена поземки постепенно застилает свет огней электростанции — темно за окном. Ольга глядит в темное окно.

ОЛЬГА. Алеша, где ты сейчас? Отчего ты не пишешь нам — что с тобой случилось? Алеша, ответь, что ты жив, а мы будем ждать тебя!

Ольга берет плошку с засохшим цветком и приближает его к своему лицу.

ОЛЬГА (цветку). Скажи мне, где Алеша... Ты в земле живешь — тебе видно: в могиле он, или живет еще на свете?.. Ты не знаешь, ты сам умер и молчишь. Ничего: будешь с нами теперь — может, отогреешься еще... Кто же знает, кто мне ответит, я больше уже не могу!

Ольга прикикает лицом вплотную к холодному оконному стеклу, за которым виден лишь мрак —

и из глубины мрака возникает картина, в которую вглядывается Ольга: ночь, зимнее поле, освещенное ракетами; почти на открытой позиции стоит тяжелый пулемет, возле него находится расчет; у пулемета лежит командир взвода Алексей Иванов;

противник ведет обстрел артиллерией наших позиций: разрыв снаряда, еще разрыв — ближе предыдущего;

Иванов дает в свисток два коротких свистка: пулеметный расчет увозит пулемет (он на санках), меняя позицию;

на другой позиции — пулемет установлен за елью; у пулемета расчет и Алексей Иванов.

Вдали — по снежной дороге мчатся грузовики с немцами, снег метет из-под колес грузовиков и гусениц транспортеров. И дает один продолжительный свисток — струя огня бьет из пулемета, и еще видны две-три струи долгих очередей из других наших пулеметов; бьет наша артиллерия через голову Иванова и его пулеметчиков; горят две машины противника немцы бегут по снегу в свете своих горящих машин;

Иванов снова дает сигнал свистком — и три наших пулемета снова работают огнем.

Разрыв снаряда на экране —

нет ели, изувеченный пулемет молчит; из расчета подымается один боец и подходит к лежащему ничком Иванову. Красноармеец шевелит Иванова; Иванов беспомощным движением руки пытается передать пулеметчику свисток, привязанный цепочкой в глубине одежды. Боец дает сигнал — свистом, вложив два пальца в рот — в ответ на эту команду лишь два наших пулемета открывают огонь.

Хромающая санитарка ведет по глубокому снегу Иванова, у Иванова перевязана голова; повязка темнеет кровью, Иванов слаб;

Иванов садится в снег и говорит санитарке:

— Ступай, дочка, одна, а то пропадешь. Я отдохну, потом приду.

— Нет, — говорит санитарка и садится в снег рядом с Ивановым. — Нога перестанет болеть, я тебя тогда понесу.

Иванов всматривается в санитарку почти бессознательными глазами:

— Покажи, что у тебя.

Санитарка снимает валенок; у нее перевязка на ноге под коленной чашечкой. По звукам — слышен близкий бой.

ИВАНОВ. Болит?

САНИТАРКА. Я стерплю. Отдыхай, потом я тебя понесу. Ты только не усни здесь... Ты живи!

ИВАНОВ. Одевай валенок! Пойдем!

САНИТАРКА. Сейчас! (С трудом одевает валенок, подымается и сейчас же садится обратно в снег). Я сейчас! Там у меня осколок, он ворочается...

Иванов встает, берет санитарку под мышки, поднимает ее — она обхватывает ему шею руками, а Иванов устраивает ее у себя за спиной. И он несет ее по снежной целине, как носят детей, усадив позади за спиной.

ИВАНОВ (спрашивая санитарку). Как нога — хуже или лучше?

САНИТАРКА. Теперь болит мало, совсем мало. Скоро я тебя понесу.

Иванов просветляется лицом от улыбки.

Слышен звук приближающегося, низко мчащегося самолета.

САНИТАРКА. Самолет!

Иванов терпеливо, как машина продолжает нести санитарку.

Свист пуль от пулеметных очередей самолета.

Иванов и санитарка падают сраженные.

Тьма за окном комнаты рабочего жилища. На подоконнике стоит прежняя плошка с комнатным засохшим цветком. Ольга поднимает плошку к своему лицу.

ОЛЬГА. Что же ты молчишь, и ничего мне не скажешь?.. Ничего мы не знаем с тобой!

Снежное поле. Едут сани, на них два красноармейца-санитара. Сани останавливаются.

В снегу лежат Иванов и рядом с ним санитарка. К ним подходит один санитар-красноармеец, что ехал на санях.

САНИТАР-КРАСНОАРМЕЕЦ (зовя другого). Давай сюда, Фома!

Красноармеец осматривает Иванова и санитарку, пробует пульс Иванова и пульс санитарки.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Один еще теплый, а другая совсем остыла... Подворачивай сюда, Фома!

Палата в армейском госпитале.

На одной кровати лежит еле живой Иванов с закрытыми глазами.

К нему подходит сестра.

ИВАНОВ (открывает глаза и спрашивает сестру). Что такое сегодня, какое число и год?

СЕСТРА. Сегодня четырнадцатое декабря, а год старый еще идет — сорок первый. Как ваше самочувствие?

ИВАНОВ. У меня нет самочувствия, я без памяти был. Давно я у вас?

СЕСТРА. Недавно, месяц всего. Может быть, вы хотите письмо семье написать? Я вам помогу.

ИВАНОВ. Не надо. Чего писать? Если не умру — тогда напишу. А сейчас напишешь, что живой, а завтра умрешь — семья сначала понадеется, а потом что с ней будет! Жена от горя умрет... Пусть уж лучше привыкают, что меня нет, — на всякий случай.

СЕСТРА. Что вы говорите, родной! Разве можно так думать?

ИВАНОВ. Я знаю, что я плох. Выздоровлю, тогда напишу из части. А где та девушка-санитарка, которую я нес, у нее нога была подранена?..

СЕСТРА. Она скончалась, у нее полостное ранение и перебит позвоночник.

Молчание.

ИВАНОВ. А все боялась, что я засну в снегу и все хотела нести меня на своих тонких ручках... А теперь сама уснула, моя добрая дочка.

СЕСТРА. Не волнуйтесь... Вы скоро поправитесь, вам опять будет хорошо.

ИВАНОВ. Я поправлюсь, чтобы опять воевать, а хорошо жить, хорошо жить мне не нужно, я не хочу... Я буду жить с Олей и детьми на берегу озера. (У Иванова закрываются глаза и остаются полуоткрытыми, у него начинается бред). Дом на берегу озера, я буду там жить, в доме растет трава, вы не рвите ее...

Сестра склоняется к голове Иванова, оправляет ему подушку и гладит ему лоб.

Ольга сидит у окна пустой дощатой комнаты — в прежнем положении. На подоконнике цветов. Ольга трогает рукой сухие стебли цветка.

ОЛЬГА. Как бы я хотела быть сейчас возле него — хоть недолго, хоть дотронуться только до его руки, до его лица... Что с ним сейчас, живой он или мертвый?.. Может быть, один холодный ветер касается его лица!

Ольга встает, полная ужаснувшего ее воображение образа мертвого мужа. Раздается протяжный гудок электростанции, и с краткими паузами он повторяется несколько раз. Ольга в тревоге прислушивается и выходит из жилища.

Дорога из поселка к электростанции. Слышен напряженный гул работающих котлов и турбогенераторов. По дороге идут люди, в полусумраке видны их силуэты — человек пять-шесть, все женщины, закутанные в шали и платки. Еще раз звучит протяжный, прерывающийся гудок электростанции.

На дорогу выходит Ольга. Она спрашивает у одной женщины, — Софьи Ивановны, — идущей к станции: — Отчего гудит гудок? На фронте что-нибудь случилось?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. А ты откуда сама-то? Только приехала, что ль?

ОЛЬГА. Приехала... А что случилось?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Если все будем только ездить взад-назад, да без дела мотаться, так оно всякое может случиться...

Ольга идет рядом с женщиной.

ОЛЬГА. Чего вы сердитесь, я только из вагона вышла...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. А мужика-то при вещах, что ль, оставила? Где он у тебя, чего одна ходишь?

ОЛЬГА. А твой где — на печке лежит или в колхозе дояркой служит?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Эка, острая!.. Мой — на фронте!

ОЛЬГА. Пишет чего?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Нету, перестал чего-то, давно писем уже не получали.

ОЛЬГА. И мой не пишет.

Ольга приостанавливается. Софья Ивановна, также приостановившись, берет Ольгу за руку и увлекает ее за собой.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Пойдем-пойдем. Уголь разгрузать пойдем, слыхала — станция гудком народ звала.

ОЛЬГА. Слыхала... Я потом приду, я к детям сначала схожу.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Эва, откуда дура такая неладная к нам прибыла!..

ОЛЬГА. Сама ты неладная!..

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Машины-то встанут на станции, тебя ждать не будут! А от них и заводы встанут, а на заводах пушки, танки и пули делают, а ты письма ждешь!.. Нету тебе письма, и мне через тебя не будет! Побьют немцы наших мужиков, и нечем им оборониться!.. Иди теперь к семейству, сиди при нем сиднем, пока дети через тебя сиротами не станут!..

Софья Ивановна уходит прочь вперед и Ольга остается одна на ночной дороге. Протяжный гудок электростанции.

Ольга уходит в обратную сторону к своим детям. Внутренность товарного вагона, теплушки. У горячей печки сидит Бабушка. Вагон спит, дети бормочут во сне.

БАБУШКА. Ушла — и нету. Ушла — и нету... Эх, беззаботная головушка!

Из глубины вагонных нар выходит Степан и появляется возле Бабушки, потягиваясь, гримасничая, делая те нелепые, наивные, очаровательные жесты и движения, которые свойственны его переломному возрасту, меж детством и юностью, — то есть, отдельные члены его тела — руки, ноги, голова, туловище — действуют и двигаются как бы не согласованно, а каждый сам по себе.

СТЕПАН. Бабушка, а где мама?

БАБУШКА. А демон ее знает — где мама твоя!

СТЕПАН. А демон где??? Дай пожевать чего-нибудь! Скоро там утро-то будет?..

БАБУШКА. Вот утро будет, тогда и пожуеть... Ты вчера весь день жевал!

СТЕПАН. А ты вчера целый пузырь витаминов выпила!

БАБУШКА. Ну что ж — это лекарство такое... Ступай на станцию — посмотри, где мать заблудилась.

СТЕПАН. Ну — дай!

БАБУШКА. Я тебе дам вот, дам!!

Петрушка и Настя выползают из яруса нар.

ПЕТРУШКА. Бабушка, ты чего ему даешь?

НАСТЯ. И нам кушать давай, мы тоже захотели... Бабушка, а где наш дом, я домой хочу!

БАБУШКА. Ну, идите, идите все сюда... Иди, Настенька!..

Бабушка ласкает Настю.

БАБУШКА (Степану). Открой, что ль, банку с овощными консервами, пожуйте маленько.

СТЕПАН. Чего ее открывать — там витаминов нету. Лучше я сала отрежу.

Степан достает из-под нар чемодан, открывает его и начинает там орудовать, а Петр и Настя склоняются над чемоданом в детской алчности.

Раскрывается дверь вагона, и в вагон по стремянке поднимается мать — Ольга.

БАБУШКА. Дали квартиру-то?

ОЛЬГА. Дали, мамаша. Квартира хорошая. (Сыну). Степушка, пойдем со мной, ты мне поможешь. Одевайся потеплее и меховые рукавицы возьми.

СТЕПАН. А куда? Я есть захотел...

ОЛЬГА (сурово). Скорее, я говорю! Потом поешь. (К Бабушке). Мама, уложи детей...

Степан стаскивает с нар свою куртку, недовольно бормоча на мать.

Мощный паровоз толкает сзади в упор состав с платформами, груженными углем.

Этот же состав стоит на подъездном пути возле котельной электростанции. Народ — женщины, подростки и старики подымаются с лопатами на платформы.

На одну платформу залезает Ольга и ее сын, Степан. Виден фронт работ (или часть его), подсвечиваемый прожектором или сильными лампами, — пелена поземки то застилает фронт работ, то проходит и тогда ясно видны люди на платформах, быстро разгружающие уголь лопатами.

Платформа, на которой работают Ольга и Степан. Ольга работает неумело, ей непривычно, но трудится она со всем усердием и на лице ее печать удовлетворения.

Степан же работает лениво, он зеваает, ежится.

На соседней платформе работает Софья Ивановна. Она поглядела в сторону Ольги и узнала ее.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. А я думала — ты не придешь!

ОЛЬГА. Почему не приду?.. Одними слезами мужа не сбережешь.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Вот это ты правду сказала!..

Платформа, где работают Ольга и Степан. Со Степаном происходит следующее: он работает, как мать, только медленнее ее; затем он закрывает глаза и работает как слепой; затем пробует скидывать уголь одной правой рукой, зажав ручку лопаты под мышку, а левая рука у него повисла.

СТЕПАН. Мать, у меня одна рука не действует.

ОЛЬГА. Отчего?

СТЕПАН. Она не хочет. И глаза сами спят.

ОЛЬГА. Ну, отца немцы убьют.

Степан открывает глаза и начинает быстро работать.

СТЕПАН. Ну да, убьют — я им убью!

Пелена поземки застилает платформы и людей на них.

Электростанция. Напряженный мелодичный гул работающих котлов и машин. Форсированное дутье низких дымовых труб. Зарево света на темном небе над электростанцией.

Еле видно другое зарево света вдалеке, на большом расстоянии отсюда, в самой глубине ночного мрака —

и опять такое же зарево у подножья мощного силуэта черной горы,

и еще одно зарево — уже столь далекое, словно само предприятие, излучающее свет, находится на небе,

и еще далее — созвездие электрических огней, рассеянных по всему кругу темной ночной земли.

Пелена поземки медленно затягивает эти далекие электрические огни.

Темно на экране.

На очень большом удалении — быстрые отсветы огня на небе: отражение артиллерийской стрельбы.

Отсветы затухают. Пауза. Заглушительный гул канонады. Деревянный коридор рабочего общежития (барака). Дверь в комнату семьи Ивановых. За дверью шум голосов членов семьи, больших и малых.

Из комнаты в коридор выбегает Петрушка. Он оглядывается по коридору, исчезает в его глубине и появляется оттуда, волоча одной рукой табуретку, а в другой доску. В коридор входит Пашков и видит Петрушку.

ПАШКОВ. А доску зачем?

ПЕТРУШКА. На всякий случай. Она не ваша!

ПАШКОВ. Правильно, тащи ее ко двору.

Комната, куда вселились Ивановы. Все члены семьи, кроме Петрушки, здесь. На подоконнике прежний цветок в плошке, но комната уже преобразилась в жилой вид: в ней кое-какая утварь и вещи прибывшего семейства. На окне есть занавеска; на стене картинка из журналов; на столе скатерть, печь накрыта простыней, а на полу подстилка. Ольга привешивает к оголенной электрической лампочке ночной чепчик — и получается абажур. На Ольгу — мать печально смотрит ее дочка — Настя.

Маленькая дочка Ольги — Настя. Ольга проводит по ее лицу мокрым полотенцем — раз и два. И Настя из зачучканной, чумазой девочки превращается в чистого, прелестного ребенка, улыбающегося матери словно в руках Ольги есть одухотворенная сила — то, чего касаются ее руки, превращается в другое, в более истинное и соответствующее свое природе.

Входят Петрушка с табуреткой и доской и Пашков.

ПАШКОВ. Ну — как жизнь?

ОЛЬГА. Здравствуйте. Мы живем, Семен Гаврилович.

ПАШКОВ. Ну а как же! Так и должно быть! Святое дело...

Пашков вынимает из карманов бутылку вина, сверток с закусками — и устраивает их на стол.

БАБУШКА. Погано тут! Разве мы так жили? У нас ведь квартира из трех комнат была, и ванна при ней...

Стук в дверь — входит Софья Ивановна. Она приносит горшок с цветком.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Разобрались, что ль!.. Веник-то есть у вас, а то я принесу... А детей-то где же спать укладывать будете? Может, одного я к себе возьму, у нас место есть...

СТЕПАН. Не надо, без вас обойдемся...

Софья Ивановна подает цветок Ольге.

ОЛЬГА (Берет свою плошку с цветком). Спасибо. У нас есть цветы.

СОФЬЯ ИВАНОВНА (щупая цветок Ольги). А он усохший — какой это цветок, выкинь его!

ОЛЬГА. Нет, нельзя. Он у нас оживет. Мы его водой польем и теплом отогреем.

СТЕПАН. Мама, дай я на него дыхну.

ОЛЬГА (подавая цветок Степану). Подыши!

Степан берет цветок и дышит на него.

ПЕТРУШКА. И я хочу подышать!

НАСТЯ. И я!

Петрушка и Настя ухватывают руками плошку, которую держит Степан, склоняются над цветком, приникают к нему и дышат на него.

НАСТЯ. Мама, а когда у нас папа будет? Его все нет и нет...

БАБУШКА. Нету его, Настенька, нету моего сыночка, и-их нету!

ОЛЬГА. Дыши, дочка, дыши на цветок: когда он отогреется и зацветет тогда и отец вернется...

Дети усиленно дуют, дышат на цветок, а Настя потягивает кверху его стебелек: пусть он растет скорее.

Пашков ставит к столу табуретку, принесенную Петрушкой, и второй табурет, что был в комнате, а затем кладет Петрушкину доску на два табурета.

ПАШКОВ. Хорошо жить в семействе... Можно я печку затоплю?

БАБУШКА. Чего же — затапливай! Вот дров-то нету у нас...

ПАШКОВ. Дрова доставим... Дрова будут сейчас — я принесу.

Пашков живо уходит.

НАСТЯ. Мама, чей он папа?

ОЛЬГА. Ничей, дочка. Он один живет.

НАСТЯ. Он плачет?

ОЛЬГА. Плачет.

БАБУШКА (к Софье Ивановне). Овоц-то здесь растет у вас?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. А то как же!

БАБУШКА. Да то-то... А шафрану нету?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Шафрану нету, не слыхала...

БАБУШКА. В шафране самая польза организму, в нем самый витамин и на вкус он хорош.

СТЕПАН. Витамин-витамин! Все тебе витамин... А чем жевать будешь — новую челюсть дома забыли.

БАБУШКА. Я старой буду жевать, не твоя забота.

СТЕПАН. Старую-то давно об еду истерла.

Ольга составляет со стола на подоконник бутылку и сверток Пашкова, переворачивает скатерть, отряхивает и стелет ее вновь, ставит на стол посуду и прочее.

ОЛЬГА. Садитесь, кушать будем.

Входит Пашков с охапкой дров.

ОЛЬГА. Семен Гаврилович, пожалуйста.

ПАШКОВ. Благодарю вас, Ольга Васильевна, я уже кушал. Разрешите, я буду только присутствовать, а кушать я не могу.

ОЛЬГА. Но почему же?.. Ну как вам угодно.

Вся семья садится за столом, и среди семьи так же гостя Софья Ивановна; все кушают в чинном порядке. Ольга сидит рядом с маленькой Настей. Один Пашков стоит отдельно от всех, прислонившись спиной к стене и молча наблюдает чужую семью; на лице Пашкова выражение кроткой радости и затаенной грусти.

Настя оглядывается на Пашкова, берет что-то со стола, сходит со скамьи, подходит к Пашкову, и протягивает ему пирожок.

Пашков, низко склонившись к Насте, берет от нее пирожок и, взяв ее ручку, хочет поцеловать руку ребенка,

но Настя тащит Пашкова за собой к столу,
Пашков движется за Настей к столу,
Настя указывает Пашкову свое место за столом, хлопая по скамье ладонью свободной ручки;
Пашков стоит в смущении, Настя забирается к матери на колени,
и тогда Пашков несмело садится на место Насти, стараясь не побеспокоить Ольгу.

И ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЛАСЬ — В ТРУДЕ, В ТЕРПЕНИИ И В НАДЕЖДЕ

Обмоточный цех ремонтных мастерских электростанции. Ряд маленьких станков, похожих на токарные. За этими станками сидят, склонившись, женщины-обмотчицы, всего человек пять-шесть. И среди них Софья Ивановна и Ольга. Медленно вращаются катушки и соленоиды в станках, работницы руками направляют провод, который сматывается с больших деревянных цилиндров, сделанных из планок, и наматывается на катушки; работа эта точная, тщательная и, поскольку она производится здесь полукустарно, требующая усилий от работниц, чтобы провод ложился в паз катушки плотно, ровно и столько витков, сколько требуется расчетом.

Ольга более близким планом. Руки ее стали черными, они в смоле от изоляции провода; одной рукой она туго правит провод в катушку, а другой усиленно жмет очередной виток в самой катушке, чтобы провод ложился плотно и прочно. Работает она с крайним напряжением, и на лице у нее выражение радости.

По соседству с Ольгой работает Софья Ивановна такую же работу.

Механический цех. У тисков работает напильником Степан. К нему подходит мастер-инструктор и смотрит на работу Степана.

МАСТЕР. Нежней надо! Ишь как нажал — больше расчета обдираешь, запорешь ты деталь. Нежней надо, это ведь металл, а не говядина. Это говядину — чем больше откусишь, тем лучше. Как я тебе показывал?

СТЕПАН. Я буду легче... А когда нам валенки дадут?

МАСТЕР. Когда всех красноармейцев обуют. У тебя где отец-то?

СТЕПАН. На войне.

МАСТЕР. Ты в цеху, а он в снегу...

Комната в почтовой конторе. Контора так же, как и все жилища и мастерские, помещается в строениях барачного типа, недоделанных и лишь кое-как приспособленных для своих целей. В этой комнате разбирается поступающая почтовая корреспонденция. За большим столом сидит в очках и в теплой шали на голове бабушка — Марфа Никитишна и раскладывает письма. Некоторые открытки она читает.

БАБУШКА. Все одно и то же пишут: жив-здоров, жив-здоров... Раз письмо написал, значит, жив, об этом и писать нечего. Вот мой Алеша ничего не пишет, должно и в живых его нету... А от этих, от живых, каждый день писем не оберешься! Ишь пишут, ишь пишут, ишь пишут!

Марфа Никитишна резким сердитым движением руки разбрасывает письма по группам адресатов на столе.

Обмоточный цех. Ольга за работой.

И другие женщины, пять-шесть человек, также, как и Ольга, сосредоточенно трудятся. Монотонно гудит маленький электромотор, вращающий через общий привод все станки. Женщины, самый характер их труда и обстановка обмоточного цеха похожи и напоминают работу крестьянок за прялками в долгий зимний вечер в большой деревянной избе...

Софья Ивановна без слов напевает, сначала она лишь вторит монотонной песне мотора, а затем она поет «Песнь вдов и солдаток» — и все ее подруги подпевают ей, и Ольга сперва несмело, а потом уверенно и громко поет вместе с другими. Песня будет написана позднее; слова ее могут быть те или другие, но тема, указанная в названии, должна быть сохранена, и в песне должно быть сказано, что эти женщины прядут победу и жизнь.

Комната, где живут Ивановы. В комнате Настя и Петрушка. Настя чистит картошки своими детскими руками, а Петрушка стругает ножом щепки от полена на растопку печи.

НАСТЯ. А цветок ты поливал водой? — мама велела.

ПЕТРУШКА. Без тебя знаю.

НАСТЯ. А щепки надо тонкие, а то они не загорятся, а ты — толстые.

ПЕТРУШКА. Лучше молчи, жаба! Это полено сухое... Занимайся делом, не гляди на меня.

НАСТЯ. Я не на тебя, я мимо гляжу.

Обмоточный цех. В безмолвии идет работа женщин, слышно лишь монотонное гудение электромотора как жужжание веретена.

Работающая Ольга. Она шепчет что-то, слышно, как она ведет счет виткам — оборотам обмотки:

— сто сорок семь, сто сорок восемь, сто сорок девять, сто пятьдесят, сто пятьдесят один... сто шестьдесят два. Сбилась! Алеша, не мешай мне, обожди! Это для моторов — они воздух в топки, в огонь подают... Сто пятьдесят четыре...

Но неотвязно работает воображение Ольги. Жужжит мотор, уста Ольги шепчут монотонный счет, а позади склоненной Ольги, в глубине экрана, дается картина ее воображения, причем Ольга одновременно находится на переднем плане в реальной обстановке, то есть за работой, и шепчет свой счет виткам провода. Соответственно картинам воображения лицо Ольги то печально, то счастливо, то по нему проходят слезы, то оно спокойно, а уста ее не перестают считать и руки напряженно работать. Воображение осуществляется на экране в видениях и образах: стоит деревянный крест на холме над ракитой, снежная метель сгибает ракиту, трепещущие ветви ракиты обнимают, как человеческие руки, одинокий неподвижный деревянный крест; идет взвод красноармейцев по дороге, впереди взвода идет командир Алексей Иванов, взвод поет боевую песню, и Алексей весело поет вместе со взводом; Алексей в гражданской одежде склоняется к Ольге и целует ее в висок; Ольга, смеясь, говорит: «Обожди, Алеша, опять я со счета собьюсь, ведь мы для вас работаем здесь!» Алексей в красноармейской шинели уходит по прямой лесной дороге, он оглядывается, улыбается, прощается рукой и уходит дальше, затем вновь оборачивается и снова улыбается, — на дорогу выходит с переднего плана Ольга, останавливается и зовет: Алеша! — но Алексей уходит и уходит не оборачиваясь, — Алеша! — вновь зовет Ольга, Алексей издали оборачивается и говорит: «Береги детей!» Ольга (та, что в воображении, вторая Ольга) опять зовет: — Алеша! — но Алексей уже еле виден вдали. — «Алеша!» — громко кричит Ольга и вскакивает с рабочего места...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Что с тобой? Кого ты зовешь?

ОЛЬГА (еще не опомнившись). Алеша!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Успокойся, успокойся! Это тебе почудилось — здесь никого нет!

То, что воображала Ольга, ступшевыается.

Ольга вновь сидит на рабочем месте и считает: «его семьдесят семь, сто семьдесят восемь...».

ОЛЬГА (про себя). А что взаправду с ним — я не знаю!

Надпись: «Стоять насмерть! Огонь!»

Глубокий снег на опушке соснового леса. В снежной яме лежит Алексей Иванов и рядом с ним телефонист с аппаратом; Иванов и телефонист в полном зимнем обмундировании.

Иванов прикладывает свисток ко рту, дает сигнал и, улыбаясь, привстает над снежным укрытием.

Опушка леса. Молчание — и вдруг враз многие пулеметы бьют струями огня.

Котельная электростанции. Фронт котлов. Открываются одно за другим шуровочные отверстия — в топках клокочет жесткое пламя.

Кочегары быстро загружают лопатами уголь в отверстие ревущей топки.

Комната Ивановых. В печке с треском горит огонь. Дверца печки открыта. На печке стоит чугунок с картошкой; Настя с засученными рукавами стоит у печи и поворачивает ложкой картошку в чугуне. А Петрушка сидит на корточках у открытой дверцы и кладет щепки в огонь.

ПЕТРУШКА. Варится картошка-то?.. А то мама придет, бабушка придет, Степка придет, они от работы есть захотят...

НАСТЯ. Мягкая стала... Ты дуи в огонь изо рта!

Петрушка, раздув щеки, дует ртом в огонь.

Алексей Иванов в прежней обстановке — в снегу. Он кричит: Огонь! — и дает сигнал свистком, надувая щеки, как Петрушка.

Опушка зимнего леса. Пулеметы бьют длинной очередью — струями огня.

Зимний вечер; бегут тучи над электростанцией — на тучах дрожит зарево пламени.

Комната семьи. Петрушка и Настя у печки. Стук в дверь — входит Пашков.

ПАШКОВ. Сахар и вермишель дают по восьмому и двенадцатому талону — дайте я вам получу! Завтра селедку обещают выбросить.

Петрушка выдвигает ящичек из кухонного стола, вынимает оттуда сколотый булавкой пучок карточек и подает их Пашкову.

ПЕТРУШКА. Не потеряй их. Гляди!

ПАШКОВ. Целы будут, я погляжу.

ПЕТРУШКА. А отчего ты не на войне? Наш отец на войне.

ПАШКОВ. А?.. Да мне тут велят работать, не пускают.

ПЕТРУШКА. Тут мама работает и бабушка...

НАСТЯ. И Степушка!

ПЕТРУШКА. А ты трус!

ПАШКОВ. Я знаю, что трус... Подуй в огонь, а то потухнет! Дай я подую!

Пашков становится на колени и раздувает пламя в печи.

Поздний вечер. Петрушка и Настя собирают на стол еду: картошку, хлеб, консервы.

Приходит с работы мать — Ольга и с нею Степан. Степан сразу устремляется к столу, предварительно берет горячую картошку и проглатывает ее.

Ольга целует Петрушку и Настю и рассматривает их — все в них в исправности, тело и одежда; мать их целый день не видела и соскучилась.

Все трое детей уселись за стол и сидят в нетерпении перед пищей.

СТЕПАН. Мать, скоро есть-то будем?

ОЛЬГА. Когда бабушка придет, тогда и будем кушать.

Степан берет вилкой консервную рыбку и проглатывает ее, Петрушка хлопает Степана пустой ложкой по лбу.

ПЕТРУШКА. Не хватай! Мама не велела.

СТЕПАН (Петрушке). Ладно. Считай, что ты покойник!

Приходит с работы бабушка, Марфа Никитишна.

ОЛЬГА. Нету писем, мама?

БАБУШКА. А было б, так я тебе в цех принесла... Нет уж — видно, он нам не напишет: покойники грамоты не знают!

ОЛЬГА. Мама, зачем вы при детях...

БАБУШКА. Пусть привыкают правду знать... Мне-то больней, чем им или тебе, я его рожала, а не ты.

ОЛЬГА. Садитесь кушать, мама.

БАБУШКА. Накапай мне витаминов в столовую ложку.

ОЛЬГА. Сейчас.

ПЕТРУШКА (подавая чайную ложку бабушке). Я накапал уже. Глотай!

Марфа Никитишна берет чашку и выпивает витамины, затем она садится за стол, берет вилку —

и все дети враз, но вслед за бабушкой подымают вилки и берут ими хлеб, картошку, консервы — все, что стоит на столе. Однако, каждый берет по-разному: Степан поспешно и все подряд, что стоит на столе; Настя не спешит, а Петрушка скромно берет лишь одну картошку и мокает ее в соль.

Ночь. Спит бабушка, спят трое детей, тесно уложенные в комнате. Бабушка — на раскладной кровати; дети на двух мягких матрасах, постеленных на полу. Ольга одна сидит за столом и пишет письмо под лампой, занавешенной платком.

Шаги за дверью, дверь приоткрывается и входит Пашков. Он приносит два небольших свертка и кладет их на стол. Затем вынимает из-за пазухи продовольственные карточки и отдает их Ольге.

Ольга улыбается Пашкову, благодарит его и снова обращается к письму.

Пашков робко стоит у двери, в стеснении и неловкости, с печальным лицом.

Ольга поднимает к нему лицо от письма — в ожидании, что еще нужно Пашкову.

Пашков делает ей жест рукой, означающий: вы пишете, пишете, — и одевает шапку на голову.

Ольга снова пишет, шепча слова про себя, то улыбаясь, то задумываясь, а Пашков по-прежнему стоит в шапке у дверей и не уходит.

Ольга снова вопросительно глядит на Пашкова.

Пашков робеет и молчит.

Ольга приглашает его сесть на табуретку.

Пашков садится и снимает шапку.

ПАШКОВ. Я озяб, Ольга Васильевна.

ОЛЬГА. Грейтесь, отдыхайте. Хотя у нас тоже не очень тепло, у нас дрова сырые.

ПАШКОВ (помолчав). Ничего — у меня вся душа продрогла, я совсем один. Я хоть возле ваших детей посижу, и мне лучше будет.

Ольга перестает писать и обращается к Пашкову со всем вниманием.

ОЛЬГА. Трудно вам, Семен Гаврилович?

ПАШКОВ. Можно... Можно я буду к вам в гости ходить?

ОЛЬГА. Ходите, конечно. Покушайте чего-нибудь. Хотите сыру?

ПАШКОВ. Нет — зачем мне сыр!.. Я к вам и днем буду ходить, за детьми буду глядеть, когда они одни... У меня работа такая, я и днем могу прийти.

ОЛЬГА. Это хорошо. Приходите, пожалуйста... Обождите, я мужу письмо допишу.

Ольга пишет — и лицо ее меняется в зависимости от того, что она пишет: то улыбается, то делается грустным, то задумчивым, то напрягается в воспоминании.

Пашков осторожно, но внимательно следит за Ольгой — и лицо его отдаленно повторяет те самые чувства, которые теньями проходят по лицу Ольги. Пашков тоже сначала улыбается, затем погружается в печаль и в воспоминания, затем делается задумчивым.

ПАШКОВ. Вы письмо от мужа получили?

ОЛЬГА. Нет, я ничего не получала.

Спящие дети. Настя разметалась, одеяло сползло с нее.

Пашков замечает это. Он подходит к Насте и укрывает ее.

Ольга целует листок письма, затем вкладывает его в конверт и пытается заклеить конверт, но конверт не заклеивается.

Пашков приходит на помощь Ольге: он вынимает из внутренности своей одежды иголку с ниткой и быстро, аккуратно прошивает конверт насквозь, тем самым прочно закрывая его. Ольга благодарит Пашкова.

Пашков прощается с Ольгой.

— Я согрелся у вас, мне стало теплей, — говорит он и уходит.

Раннее утро в жилище Ивановых. Всякий занимается своим делом: мать замечает пол; Марфа Никитишна вытирает кухонную утварь возле печи; Петрушка сидит на корточках у печной дверцы и разжигает огонь в очаге; Настя сидит за столом и что-то рисует на бумаге; Степан медленно одевается, потягивается, зевает, глаза его полузакрыты, он подымает себе веки пальцами, чтобы глаза глядели, но глаза его опять закрываются сами собой.

НАСТЯ. Мама, а тут солнце будет? У нас дома солнце было!

ОЛЬГА. Будет, будет... Время придет — и солнце будет!

НАСТЯ. А когда время придет?

МАРФА НИКИТИШНА. Да уж какое тут солнце — разве как у нас, что ли! Тут и солнце — на луну похоже, оно мерзлое...

ПЕТРУШКА. Мерзлое, я видел его!

Настя сходит со стула, берет большой жестяной чайник, идет с этим чайником к подоконнику, на котором стоит бедный, засохший цветок в плошке, нюхает цветок и поливает его из горлышка чайника.

Петрушка заглядывает в тетрадь Насти, в которой она рисовала.

Настя возвращается с чайником к столу.

ПЕТРУШКА (Насте). Ты чего рисуешь, солнце или цветочки? Мама тебе что говорила и я говорю — ты палочки пиши, ты в школу будешь ходить!

Настя садится за стол и пишет палочку в тетради.

НАСТЯ. Я одну палочку написала, больше не надо!

ПЕТРУШКА. Тыщу палок пиши!

Настя старается и пишет.

ОЛЬГА (склоняясь над Настей). И солнышко можно. Нарисуй солнышко — оно вот такое! (Рисует в Настиной тетради). Ты забыла его?

НАСТЯ. Забыла и вспомнила.

Она берет у матери карандаш, высовывает язык и шевелит им, помогая языком движению карандаша.

Затемнение.

Подоконник в жилище Ивановых. На подоконнике цветок в плошке. Солнечный зайчик светит на подоконнике возле плошки. Зайчик движется — он перемещается на сухой поникший стебелек цветка и светит в него в упор.

К подоконнику подходит Настя и осторожно трогает пальцем солнечный свет.

НАСТЯ. Петрушка, смотри — время пришло, это солнце!

Петрушка выходит из сумрачной глубины комнаты к светлому подоконнику; на Петрушке одет материн и бабушкин фартук, в одной руке его полуочищенная картошка, а в другой — нож. Петрушка трогает солнечный свет концом ножа.

ПЕТРУШКА. Тепла-то нету — какое это солнце? Это луна!

Солнце играет в небе над мрачными горами. Как бывает весной — на лике солнца меняется видимое световое напряжение (обусловленное потоками взволнованного воздуха в атмосфере), и солнце как бы «играет».

Потоки ручьев мчатся со взгорий. В природе шум весны.

Подоконник в комнате. У подоконника одна Настя. Световой зайчик сошел с цветка и светит на подоконнике. Настя кладет пальчик на световое пятно и нюхает цветок.

НАСТЯ. Петрушка! Он пахнет, он живой!

Петрушка появляется в фартуке, со сковородкой в руке. Он нюхает цветок.

ПЕТРУШКА. Не пахнет — он сохлый!

В комнату входит мать — Ольга. В комнате горит очаг.

ОЛЬГА. Ну, как вы тут?..

НАСТЯ. У нас солнце было!

ПЕТРУШКА. Суп готов, картошку жарить надо.

ОЛЬГА. Давай я сама пожарю, и сразу обедать будем. Я вам колбасы принесла.

Приходит Степан. Раздевшись, он осмотрел, что варится на очаге.

СТЕПАН (Петрушке). Чего же ты? А второе где? У, сопляк!

ОЛЬГА. На второе колбаса будет...

СТЕПАН. Чего колбаса!.. Колбаса — сухомятка!

Входит Марфа Никитишна и сразу подает письмо Ольге, которое она несла в руке не пряча.

Ольга быстро читает письмо и, прочтя его, остается с закаменевшим лицом.

Марфа Никитишна садится и вытирает глаза концом головного платка.

СТЕПАН (весь изменившись, почти в слезах). Отца убили?

Марфа Никитишна машет на него рукой.

БАБУШКА. Нету, нету, не убили пока... У него раны большие были, его из госпиталя в тыл увезли, и теперь справляются — неизвестно, где он.

Настя вытирает ладонью оконное стекло и глядит в окно.

В окно видны горы, весенние леса, свет солнца, освещающий природу.

НАСТЯ (обращаясь туда, куда смотрит). Папа, где ты?

ПЕТРУШКА. Отца не убьют!.. Мама, давай мне хлебные карточки на завтра и талоны давай на прикрепление. И еще талоны на керосин давай — завтра последний день, и уголь древесный надо взять, а ты мешок потеряла, а там отпускают в нашу тару потребителя, ищи теперь мешок, где хочешь, иль из тряпок новый шей, нам жить без мешка нельзя!

БАБУШКА. Уймись ты, неладный!

ОЛЬГА. Чем он неладный? Чего вы, мама? Он, может, сирота уже и он о нас заботится, завтра ведь нам тоже жить надо.

ПЕТРУШКА (сурово). Нам жить надо!

Семья за столом. Ольга наливает последнюю тарелку супа и ставит ее перед собой. Никто еще не кушает, ожидая хозяйку. Все молчат.

НАСТЯ. Мама, у нас солнце на цветочек светило.

Крупные слезы текут по лицу Степана; он поднял было ложку и кладет ее обратно на стол.

СТЕПАН. Не хочу я кушать!

ОЛЬГА. Как не хочешь кушать? Ешь, за отца ешь! Сегодня вечером субботник — как ты будешь работать?

Вечер. Железнодорожная линия. Быстро мчатся на зрителя горящие фонари паровоза.

Купе вагона. В купе вагона четверо пассажиров, все военные командиры. Трое играют в домино, — Исаев, Моргунов и Белоярцев, — четвертый смотрит в окно — Алексей Иванов; но сейчас Иванов стоит спиной к зрителю.

Играющие колотят шашками домино и беседуют.

ИСАЕВ. Значит, мы все четверо из одного госпиталя и на один фронт?

МОРГУНОВ. Стало быть, так.

БЕЛОЯРЦЕВ. Может быть, все в одну часть еще попадем?..

ИСАЕВ. Все может быть — это как начальство.

Пауза.

ИСАЕВ. А как у тебя с семьей, Алексей Алексеевич? Так и нет следов?

ИВАНОВ (не оборачиваясь). Так и нет... Писал туда, где мы жили. А там немцы теперь, погибли, наверно, — и жена и дети...

ИСАЕВ. А может, уехали?

ИВАНОВ. Может быть... А где я их отыщу — у нас страна-то, ты погляди, велика, как небо! Но я их найду — живых или мертвых...

Вдалеке видно зарево над электрической станцией — и зарево приближается навстречу мчащемуся поезду. Иванов садится, оборачивается к своим товарищам и вновь пристально смотрит в окно.

Электростанция вблизи. Идет субботник — строительные работы по окончании здания станции. Работает подъемник. Идет разгрузка стройматериалов с вагонеток на подъемник. Ольга, Степан, Марфа Никитишна, Софья Ивановна, еще двое-трое людей разгружают кирпич и доски с вагонеток, укладывают их в подъемник. Слышен долгий свисток паровоза. Ольга и Степан оборачиваются в сторону звука и смотрят туда.

Огни паровоза приближаются издали.

Ольга, Степан и все другие смотрят на приближающийся поезд. Купе вагона. В окно пристально смотрит Иванов — и перед ним проходит картина строящейся, но уже работающей электростанции; перед ним проходит фронт работ, освещенный прожекторами, где трудятся сотни людей, — и на то место, где работают его жена, мать и сын, — но это место, как и вся электростанция, не столь близко от Иванова, чтобы можно было разглядеть и узнать каждого человека в отдельности, — видны только фигуры людей и лица, обращенные к поезду, с неразличимыми чертами.

Иванов встает у окна и вглядывается, следя за зрелищем, которое поезд уже миновал.

Место, где работают Ольга и другие. Степан смотрит во след поезду.

Хвостовые огни быстро удаляющегося поезда. Замирающий свисток паровоза.

Степан все смотрит на ушедший поезд, потом неуверенно машет рукой на прощанье.

Купе вагона. Иванов смотрит в оконное стекло назад — и машет в ответ рукой у стекла.

МОРГУНОВ. Кого ты там приветствуешь, Алексей Алексеевич? Кто ж тебя видит?

ИВАНОВ. Там человек был какой-то... Бросьте вы играть в эту чертову игру!

МОРГУНОВ. А что делать? О родных скучать? Ночь-то ведь долгая еще!

ИВАНОВ. Делать что... Делать есть что! Не знаю, что делать!

Иванов положил голову на столик под вагонным оконцем и умолк.

МОРГУНОВ. Опять, что ль, о семействе горюешь? (И сильно машет шашкой домино).

ИВАНОВ. Опять горюю.

МОРГУНОВ. В сердце жарко стало?

ИВАНОВ. Помалкивай!

МОРГУНОВ. Я молчу... А все любовь-стерва! (Хлопает шашкой).

БЕЛОЯРЦЕВ. Она! (Хлопает шашкой).

ИСАЕВ. А то кто же! (Также усиленно бьет плашкой домино).

ИВАНОВ. А вы что — безо всего, без сердца и без памяти живете?

МОРГУНОВ. Без. Мы холостые негодяи.

Иванов, быстро склонившись, дует на сложенную фигуру игры, и плашки домино беспорядочно рассеиваются по вагонной лавке.

Комната семьи Ивановых. Поздний вечер. Босой Петрушка моет пол, окуная тряпку в ведро и растирая ей на полу. Настя сидит на табуретке, поджав под себя ноги, и смотрит в книгу, читая: «мо-мо-мо...».

ПЕТРУШКА. Чего ты мокаешь? Ты буквы читай, буквы разные, а ты «мо» говоришь, одну букву!

НАСТЯ. А ты сам букв ни одной сам не знаешь!

ПЕТРУШКА. Мне их знать некогда, а то бы я знал.

Входит Пашков с мешочком в руках.

ПАШКОВ. Пшено у меня осталось. Боюсь мыши съедят. Куда его положить?

Петрушка показывает, куда положить: за печку. Пашков кладет туда мешочек. Затем он отходит к двери, садится там на лавку и робко сидит.

ПЕТРУШКА. В гости пришел?

ПАШКОВ. Нет, я так.

ПЕТРУШКА. Скоро мать придет, надо печку топить — ужин греть и чай кипятить.

ПАШКОВ. А ты растапливай печку-то!

ПЕТРУШКА. А пол кто будет мыть?

ПАШКОВ. А я!

Пашков разувает сапоги.

Петрушка разводит огонь в очаге, а босой Пашков моет пол. Пашков, наклонившись над ведром, выжимает тряпку и кашляет. Во время кашля у него выскакивает изо рта искусственная челюсть и падает в ведро.

Петрушка враз сует руку в ведро и вытаскивает оттуда челюсть.

ПАШКОВ (шепелявя). Отдай, пожалуйста!

Петрушка рассматривает челюсть; Настя также рассматривает и трогает челюсть.

НАСТЯ. Что это?

ПЕТРУШКА. Жевалка такая — сама жует.

ПАШКОВ (шепелявя). Ну, давай же, отдай мою жевалку...

Приходят с работы Ольга, Марфа Никитишна и Степан; все они устали после долгого труда.

Ольга берет из рук Петрушки челюсть Пашкова, обмывает ее из чайника над помойным ведром, затем подает Пашкову челюсть и чистое полотенце.

Пашков вытирает полотенцем челюсть, мгновенно глотает ее в рот, давится.

Петрушка и Настя с интересом наблюдают Пашкова. Петрушка глядит на рот Пашкова, а когда Пашков подавился, переводит взгляд куда-то вниз, под него.

ПЕТРУШКА. А я думал, ты проглотил ее — и она выскочила из тебя!

ОЛЬГА. Обуйтесь, Семен Гаврилович, и оставайтесь ужинать с нами!

ПАШКОВ. А пол? Я полы сначала домою...

ОЛЬГА. Нет, что вы? Я сама...

Ольга быстро снимает с себя платок и ватник.

Ночь. Спит семейство Ивановых. За столом под занавешенной лампой сидят Ольга и Пашков. В глазах у Ольги стоят неподвижные слезы. Пашков внимательно глядит на Ольгу и слушает ее.

Ольга беззвучно шепчет устами.

Пашков вслушивается, приоткрыв рот.

ОЛЬГА. Он любил гулять со всеми детьми в свободное время; они уходили в поле, на луга, в траву и цветы... Он любил ложиться на пол и чтобы дети лазали по нем, ходили по нем ногами, садились на него и он возил их на четвереньках... Он любил, чтобы за обедом самый маленький сидел у него на коленях, а я сидела напротив, и он всегда глядел на меня и улыбался. И я понимала, что мы с ним и с детьми, что мы со всеми людьми живем на свете и лучше нам ничего не надо, лучше нет жизни и не бывает... Он любил кушать жареный картофель с подсолнечным маслом, лук, гречневую кашу и кисель клюквенный. Я всегда сама стряпала обед, он любил, чтобы кушанье готовили мои руки...

ПАШКОВ. А вас он сильно любил, Ольга Васильевна? Он говорил, как вас любит?

ОЛЬГА. Он не говорил, он любил. Он добрый был ко всем и сильный, другие были рядом с ним как маленькие, а он не понимал и считал всех важными и умными, он боялся, что я встречу кого-нибудь лучше его и уйду от него... Ах, какой он странный и простой, — если бы он узнал тогда всю тайну моего сердца, но я стеснялась ему говорить о своей любви, я молчала... Теперь бы я сказала!

Ольга улыбается, веселеет, воображение минувшего счастья проходит по ее лицу. Она встает.

ОЛЬГА (положив свои руки на невидимые плечи любимого человека, слегка танцует возле стола). Мы с ним часто танцевали, когда детей укладывали спать...

ПАШКОВ. А музыку кто играл — радио?

ОЛЬГА. Нет, мы без музыки, на что нам музыка!.. Мы слушали свое сердце.

В то время как повеселевшая Ольга танцует, глаза Пашкова наполняются неподвижными слезами. Он молча следит за Ольгой.

Ольга проводит рукой по волосам невидимого человека и целует его в невидимое лицо.

Пашков и Ольга по-прежнему сидят за столом, друг напротив друга.

ОЛЬГА. Что с вами?.. Вы о детях, о жене вспомнили? Вы сильно любили свою жену?

ПАШКОВ. Как мог, Ольга Васильевна... Как мог, так и любил.

ОЛЬГА. Расскажите мне о своей жене, а я о муже вам расскажу.

ПАШКОВ (после молчания). Моя жена была на вас похожа...

Пашков делает робкое движение рукой, лежащей на столе, в сторону Ольги.

Ольга берет его руку и осторожно откладывает ее от себя.

ОЛЬГА. А мой муж на вас непохож.

Пашков подымается, он осторожно берет свою куртку, которой были укрыты ноги спящего Петрушки, и одевает шапку.

Ольга достала из стола ломоть хлеба, намазывает его слоем варенья или повидло, накрывает сверху другим ломтем и подает бутерброд, завернутый в бумагу, Пашкову. Пашков берет, печальный и восхищенный.

Затемнение.

Яркий весенний день. Двор общежития, где живут Ивановы. Во дворе Петрушка копает большой лопатой землю под огород. Недалеко от Петрушки сидит на молодой траве Настя с книжкой на коленях, но смотрит она на него, на плывущие облака, на летящих птиц, около Насти стоит знакомая нам плошка с цветком, на котором заметно, что вырос один листик. Поодаль видна электростанция; теперь здание ее достроено, фасад на три четверти уже выкрашен в светлую краску, сияющую на солнце, и сейчас фасад докрашивают маляры — видны их маленькие фигурки с большими кистями; со стороны станции доносится приглушенное расстоянием монотонное пение машин; изредка, на очень краткое время, из труб станции с большой скоростью вырывается черный дым, но сейчас же переходит в серый, в светлый и вновь делается невидимым.

ПЕТРУШКА (не отрываясь от работы он следит за Настей). Читай, читай буквы вслух — куда на небо глядишь, там нет ничего!

НАСТЯ (читает по книге). А-ба, ба-ба, ба-ня...

ПЕТРУШКА. А два да три — сколько?

НАСТЯ. Два да три? Раз, два, три потом четыре и пять. Пять!

ПЕТРУШКА. А три да еще семь!

НАСТЯ. Три да семь?.. Три да семь — девять!

ПЕТРУШКА. Это гривенник, дурочка... Дважды семь — сколько?

НАСТЯ. Дважды семь?.. Дважды семь — двадцать семь, вот сколько.

ПЕТРУШКА (довольный). Ну, правильно.

НАСТЯ. Нет — это еще сколько-то? Ты сам не знаешь.

ПЕТРУШКА (сердито). Знать ты должна, а не я. А я тебя проверю.

НАСТЯ (отгоняя мух от цветка). Его мухи кусают. Ему больно?

ПЕТРУШКА (усердно копая землю). Пускай кусают, не помрет.

Появляется безногий инвалид, передвигается он, однако, самостоятельно, за спиной у него полный вещевой мешок. Инвалид останавливается возле детей; он широколиц, упитан и внешне добродушен.

ИНВАЛИД. Попить у вас найдется?

ПЕТРУШКА (Насте). Принеси ему воды в кружке.

Настя подымается, идет в дом за водой.

ИНВАЛИД. А кроме воды ничего нету — молочка нету?

ПЕТРУШКА. А ты откуда, ты на войне был?

ИНВАЛИД. А то где же, у тетки что ль!

ПЕТРУШКА. Настя! Воды не надо — молока налей ему в кружку!

ИНВАЛИД. Полную.

ПЕТРУШКА (Насте вслед). Полную! А у нас отец тоже на войне.

ИНВАЛИД. Сейчас все там. А как его зовут-то?

Петрушка отвечает.

ИНВАЛИД. А по фамилии?

Петрушка отвечает подробно.

ИНВАЛИД. Ну, все!

Петрушка вопрошающе, с безмолвной тревогой глядит на инвалида.

Петрушка, сообразив что-то, быстро убегает. Инвалид сорвал былинку, сжевал ее.

Петрушка возвращается с фотографией отца и показывает ее инвалиду. Инвалид взглянул на фотографию.

ИНВАЛИД. Все, малый!.. Ну ничего, и без отца можно жить!

ПЕТРУШКА. А я с отцом хочу!

ИНВАЛИД. Ишь какой! Стерпишь и без отца... У нас в батальоне этих Ивановых целых четверо было, все полегли, — что ж делать-то! А твой-то отец не на поле лег, я в одном госпитале с ним находился, и он все жив был, а уж потом должен скончаться: ранение большое у него, жить нельзя. Я правду тебе говорю!

ПЕТРУШКА. Врешь!

Настя подносит инвалиду кружку молока. Инвалид берет кружку и выпивает молоко.

Петрушка бросает лопату, хватает Настю за руку.

ПЕТРУШКА. Отец наш помер!

Петрушка увлекает за собою Настю, он бежит с нею прочь отсюда.

Инвалид утирает усы, ставит пустую кружку на землю, глядит вслед детям.

ИНВАЛИД. Обвыкнутся!

И он уходит отсюда в свою сторону.

Улица в поселке. Петрушка и Настя, взявшись за руки, бегут по улице, падают, поднимаются и снова бегут.

Бабушка их, Марфа Никитишна, сидит за столом в почтовой конторе и раскладывает почту.

В контору к бабушке входят запыхавшиеся Петрушка и Настя. Бабушка глядит на них через очки.

ПЕТРУШКА. Бабушка, а бабушка!

БАБУШКА. Чего вас сюда принесло? Дом-то пустой оставили?

Петрушка один подходит близко к бабушке и гладит ее рукав, а Настя забирается к бабушке на колени и прижимается к ней. Бабушка глядит на них, еще ничего не понимая.

Пустая улица поселка.

На улицу входит (с переднего плана спиной к зрителю) группа — бабушка, Петрушка и Настя. Петрушка с одной стороны, а Настя с другой ведут бабушку за руки. Бабушка идет сейчас согбенная и она теперь чуть выше Петрушки. Группа идет медленно. Бабушка еле-еле шевелит ногами — и эта группа видна еще раз уже вдалеке.

Электростанция. Загудел обеденный гудок.

Проходная будка электростанции. Из проходной выходят работники и работницы.

К проходной подходят бабушка, Петрушка и Настя. Они останавливаются.

Из проходной выходит Ольга. Она приостанавливается, потому что видит свою семью, ожидающую ее не дома, а здесь.

ОЛЬГА. Мама! Письмо получила?..

Бабушка и внуки. По старческому лицу бабушки текут редкие терпеливые слезы, Ольга понимает; лицо ее принимает бессознательное дикое выражение; из уст ее раздается произвольный долгий гортанный вопль —

и толпа людей, вышедшая из электростанции, как один человек, оборачивается в сторону Ольги и сразу стремится к ней на помощь. Среди них мы видим и Софью Ивановну; Софья Ивановна первой бросается к Ольге, хватает ее сильными руками и прижимает к себе. Сквозь тесноту людей пробираются к матери Петрушка и Настя.

НАСТЯ. Мама! Мама!

ПЕТРУШКА. Отдайте нам нашу маму!

Комната Ивановых. На раскладной кровати лежит больная бабушка. У ее постели сидит Настя. Окно открыто наружу, во двор. Тишина.

К окну подходит Петрушка с лопатой.

ПЕТРУШКА. Настя, где ты? Налей бабушке витамину и белого хлебца отрежь, там есть начатый кусок.

БАБУШКА. Не надо мне, ничего мне не надо, Настенька.

НАСТЯ. А чего надо?

БАБУШКА. Алешу мне надо, отца твоего увидеть хочу, я обнять его хочу, хоть мертвого...

НАСТЯ. А какой он был, бабушка?

БАБУШКА. А ты что — ты забыла его?

НАСТЯ. Я забыла. А какой он? Он живой или мертвый?

Бабушка молчит и гладит головку Насти. Петрушка подходит к окну и опускает через него в комнату пустое ведро.

ПЕТРУШКА. Инвалид безногий, он брешет.

В комнату приходит серьезный, озабоченный Пашков с охапкой дров. Он складывает дрова, раздевается, затем подходит к бабушке и [...] к ней. Бабушка дружелюбно глядит на него.

Пашков у окна. Он кличет Петрушку.

ПАШКОВ. Петрушка, иди мать с работы встречать, а я ужин буду готовить.

ГОЛОС ПЕТРУШКИ. А крупу ты получил?

ПАШКОВ. Ясно!

ГОЛОС ПЕТРУШКИ. Сковородку возьми чугунную, а не железную, на железной масло горит.

ПАШКОВ. Понимаю!

ГОЛОС ПЕТРУШКИ. Гляди там!

ПАШКОВ. Ладно, я погляжу.

Пашков накапывает лекарство из пузырька в чайную ложку и подает бабушке.

Бабушка покорно пьет лекарство.

Затемнение. Вой осеннего ветра, дуящего с переменной силой — то громче, то тише, — но на заднем звуковом фоне осеннего ветра слышна равномерная напряженная мелодия работающей электростанции.

Во дворе, на своем индивидуальном огороде, Петрушка выкапывает поспевшую картошку и накладывает ее в мешок. Вокруг следы осени; летят былинки, сорванные ветром, дрожат голые ветви кустарника, ворона произносит невдалеке: кра-кра! Ольга ведет через двор Настю в школу; у Насти ранец за плечами.

НАСТЯ. Мама, пускай Петрушка теперь палочки пишет. Я его буду учить.

ОЛЬГА. Пускай... Петруша, ты за мамой посмотри, покушать ей подогрей.

ПЕТРУШКА. Я знаю. А она не ест ничего!

ОЛЬГА. А ты попроси ее.

Ольга и Настя уходят. Петрушка не прерывает работы.

Окно из комнаты Ивановых, видимое снаружи. На окне стоит плошка с цветком, снова увядшим. За окном сидит сильно постаревшая, вовсе ветхая, обессиленная бабушка. Она глядит вдаль неподвижным взором. Капли дождя бьют по стеклу, стекают по нему и застилают образ бабушки, делают его невидимым.

Ветер сдувает с оконного стекла следы дождя — и снова виден образ бабушки, более смутный, чем прежде.

К окну подходит Петрушка и протирает стекло рукой.

ПЕТРУШКА. Бабушка, тебе кушать пора!

Бабушка отрицательно качает головой.

ПЕТРУШКА. А о чем ты думаешь?

Бабушка за окном старается подняться со стула, приподнимается немного и валится в сумрак комнаты.

Петрушка прильнул к окну.

ПЕТРУШКА. Бабушка, ты что! Бабушка, ты очнись, мы опять дома будем жить, и отец к нам приедет!.. Бабушка, бабушка, ты слышишь — я тебе говорю!

Петрушка пытается открыть окно; оно не открывается; тогда он бросается прочь от окна и бежит в комнату вокруг всего общежития.

Комната Ивановых. За окном снежная пурга. На кровати лежит умирающая бабушка. Возле кровати сидит Ольга на табурете. В комнате чисто убрано. Тишина, слышно, как снег шуршит и скребется снаружи, по окну и по стене.

ОЛЬГА. Мама, вам плохо!

БАБУШКА. Мне хорошо, ты не понимаешь.

Пауза.

ОЛЬГА. Воды испить хотите или теплого молока.

Бабушка молчит.

ОЛЬГА. Мама, война скоро пройдет, мы поедем домой, мы опять будем жить все вместе.

БАБУШКА. С кем — вместе! Кто погиб, того с вами не будет.

ОЛЬГА. Мама... У вас есть внуки, они родились от Алеши, в них его кровь есть, вы для них должны жить.

Бабушка улыбается светлой спокойной улыбкой и внимательно глядит на Ольгу.

БАБУШКА. Ты глупая... Что ты меня жить уговариваешь, я сама жить люблю. Для меня и смерть хороша, как жизнь, раз сын мой умер.

Молчание.

ОЛЬГА. А он... он не мучился?

БАБУШКА. Нет... он знал, что его мученье всему народу нужно — какая же в том мука, это радость, и его смерть лучше жизни.

ОЛЬГА. А как же я буду, мама?.. Живите с нами.

Молчание.

БАБУШКА. Я бы пожила еще, Олюшка, я бы потерпела, а уж не могу, силы-мочи нету, дышу, как пустая вся...

Ольга берет тарелку со стола и пытается кормить бабушку с ложки.

ОЛЬГА. Давайте кушать, мама, хоть немножко, так нельзя.

БАБУШКА. Не порть доброго, Олюшка... А ты этим, Семеном-то Гаврилычем, не гнушайся...

ОЛЬГА. Я, мама, никем не гнушаюсь.

БАБУШКА. Может, нехорошо мне говорить, — а что делать, — и Алеша на меня не обидится...

ОЛЬГА. О чем вы, мама, Марфа Никитишна?..

БАБУШКА. Одна ты все равно не проживешь, и ребят у тебя куча, а Семен Гаврилыч хоть с горя, а любит тебя, и к детям он привык...

ОЛЬГА. Нет, мама... Я так проживу, я с детьми буду.

БАБУШКА. Алексея, что ль, любишь все?

ОЛЬГА. Люблю его, мама.

БАБУШКА. Что ж его любить тебе без ответа. Так не бывает... Дай мне Алешу поглядеть.

Ольга берет фотографию мужа со столика в углу подает ее бабушке.

Бабушка глядит на образ своего сына и кладет фотографию себе на грудь.

БАБУШКА. Не забыть бы мне сказать тебе, что нужно.

ОЛЬГА. Что, мама?

БАБУШКА. Обожди. Ты напомни мне. Ничего я тут не забыла?

Бабушка привстает и осматривает комнату и Ольгу уже отчужденными глазами.

Вокзал. Прибыл поездной состав того времени — с эвакуированными из тыла людьми и машинами: в голове поезда два мощных паровоза, за ними три холодных паровоза (с ведущих колес сняты дышла), затем платформы с тяжелыми механизмами разного рода, потом две-три теплушки с людьми, затем — опять платформы с машинами и цистернами, далее обыкновенный пассажирский вагон, вагон электрички, опять теплушки, маленький холодный паровоз-«кукушка», опять платформы и т. д. Самый вид такого поезда характеризует переживаемое время.

Мимо этого поезда медленно бредут Петрушка и Настя. Петрушка держит Настю за руку. Из вагонов выгружаются приехавшие люди с вещами.

У одной теплушки Петрушка и Настя останавливаются. Их спрашивает один человек:

— Ребята, вы здешние, что ль?.. Почему у вас молоко и мясо — не знаете?

ПЕТРУШКА. А инвалиды есть у вас?

ЧЕЛОВЕК. Инвалидов нету. Один псих есть. А картошка почему?

ПЕТРУШКА. Мы не знаем, у нас своя. Вы с войны приехали?

ЧЕЛОВЕК. Мы с войны, а она за нами. Скоро и тут будет война.

ПЕТРУШКА. Врешь... Насть, пойдём!

Сильно освещенный фасад электростанции. Петрушка и Настя идут мимо электростанции.

Внезапно гаснет весь свет на станции и раздается частый, прерывный гудок — сигнал воздушной тревоги; в наступившем сумраке, среди снегопада, Петрушка берет Настю на руки и поспешает с ней домой.

Комната Ивановых. В ней бабушка на постели, как была, и Ольга, стоящая на коленях у постели, прильнувшая лицом к бабушкиной руке, лежащей поверх одеяла. Фотография сына лежит, как прежде, на груди. Тишина.

ОЛЬГА. Мама... Мама, вы ничего не забыли нам сказать... Скажите мне!

Бабушка молчит. Ольга быстро встает на ноги.

ОЛЬГА. Мама, подумайте о нас, живите с нами!.. Вы о себе только думаете!

Слышится прерывистый гудок электростанции — сигнал тревоги.

Ольга автоматическим движением берет свой ватник и платок, потом кладет их обратно.

Дверь открывается, входит Софья Ивановна; она плачет.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Немцы, говорят, Волгу перешли, в Сибирь пошли и сюда идут.

ОЛЬГА. Кто вам сказал?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Эвакуированные приехали. В каждую комнату будут еще семейство вселять, и к вам вселят, — ко мне уж один приходил, глазами на площадь целился.

ОЛЬГА. Тише... Пусть вселяют, мы найдем место.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Да где ж у вас?

ОЛЬГА. Ничего, мы потеснимся, мы один народ.

Приходит Степан.

СТЕПАН (недовольно). Это учебная тревога... Я думал — и правда война! Мне велели у нашего дома дежурить, сказали — он объект. А какой он объект: сарай!.. Мама, дай пожевать чего-нибудь. А бабушка все спит?

ОЛЬГА. Спит.

СТЕПАН. Проснется.

Являются Петрушка и Настя.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Что же это будет с нами теперь? И тут война настанет!

ПЕТРУШКА. Не бойтесь — там отец!

Настя подходит к матери, мать склоняется к ней, и Настя обнимает мать.

НАСТЯ. А тут с нами мама!

Ольга ставит Настю, подходит к бабушке и наклоняется к ней.

Потом Ольга становится на колени и припадает устами к безжизненной руке бабушки.

ОЛЬГА. Мама... Алеша вернется, скажет — я вас не уберегла.

Степан первым подходит к матери — Ольге и обнимает ее, словно защищая.

Петрушка и Настя также приближаются к матери. Петрушка берет себе одну руку матери, но Настя тоже хочет взять эту руку себе, тогда Петрушка отталкивает Настю и Настя прикладывает к матери лицом.

СТЕПАН. Мама, бабушка глазами глядит.

Ольга покрывает лицо умершей кисеей.

ПЕТРУШКА. Старухи всегда помирают.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Обмыть ее надо, я воду согрею пойду... Все весточки от сына матушка ждала!

ОПЯТЬ ЗИМА, ВОЙНА И ТРУД —
И ЛИШЬ ВПЕРЕДИ НАДЕЖДА

Глубокий снег. Мороз. Мерцающий снег.

Круглое солнце на небе в морозной мгле.

В отдалении — в клубах пара, под низко нависшей тучей газа, выдуваемого трубами, освещенная изнутри, словно из мутного стеклянного шара, — работает электростанция.

Маленькое кладбище, где всего лишь несколько крестов.

Один крест более новый. У подножья этого креста, на могильном холмике, стоит знакомая нам площадка с замерзшим стебельком цветка.

Открытое степное место. Ж.-д. линия, занесенная перевалами (волнами метели) смерзшегося снега.

В экран вступает паровоз, работающий с предельной форсировкой котла; весь паровоз окутан паром; из поршневых сальников, трубок и различных неплотностей пробивается пар, который в морозном воздухе приобретает гигантские объемы.

Паровоз движется медленно; на крюке тендера он тянет огромное количество груженных углем платформ.

Врезаясь в перевалы снега на пути, паровоз яростно сокрушает снег, точно распихивая целину, но скорость его движения при этом заметно снижается.

Круглое солнце на небе затуманивается и вовсе делается невидимым.

По земле идет пеленою метель-поземка.

Набежавшая снежная буря бьет в грудь паровоза; паровоз продолжает свою яростную работу вперед, извергая из трубы, как из вулкана, поток искр, дыма и пара.

Паровоз врезается в большой снежный перевал — и останавливается в нем, буксуя колесами.

Паровоз осаживает назад, приостанавливается, и снова берет ход вперед, с разгона врезается в прежний мощный снежный перевал и, работая в нем, исчезает из видимости, окутанный паром и дымом, заносимый плотным снежным ураганом.

Мутный несильный поток поземки. Из поземки слышны человеческие голоса.

Поземка разрежается, рассеивается и видно — по ж.-д. пути катится вагонетка, толкаемая руками людей. На вагонетке лежит рабочий инструмент: лопаты, ломы, кирки, целая поленница дров. На вагонетке стоит Пашков; он смотрит в сторону людей, следующих за вагонеткой. Здесь идут Ольга, Степан, Софья Ивановна и другие рабочие, работницы, подростки, девушки — всего человек 60, из них не менее сорока душ женщин.

ПАШКОВ. Не отставай! Грейся бегом и от сознания!

СТЕПАН. А какого сознания?

ПАШКОВ. Пользы дела!

СТЕПАН. А харчи будут?

Люди быстро идут чередой за вагонеткой.

Метель снова затягивает их пеленою.

Прежний поездной паровоз с составом угля. Паровоз до одной половины своей высоты врезался в сугроб смерзшегося мерцающего снега. Паровоз остыл; ледяные наросты и сосули образовались на его теле, на механизмах, на деталях.

Группа прибывших рабочих отрывает траншею в смерзшемся сугробе — спереди, по направлению к паровозу, — работая лопатами, а в обледенелых слоях кирками и ломами.

Ольга со Степаном и Пашковым работает в другом месте, отрывая от снега и льда правую машину паровоза.

Правая машина отрыта — она видна. Дышловой механизм, эксцентриковое парораспределительное устройство и прочие сочленения и детали — в наростах льда.

Ольга одна стоит в недоумении с ломом в руках, которым она до того обрубала лед возле паровоза, перед зрелищем точной, нежной, мощной машины, скованной теперь льдом и омертвевшей на ходу в разбеге.

Старый механик паровоза подходит к Ольге.

МЕХАНИК. Здесь осторожно надо, дочка... Оттаять бы надо, да нечем. А то вместе со льдом ты мне металл повредишь, тогда пропала машина...

Механик пробует рукой в варежке лед на деталях и отходит.

Ольга, внимательно выслушав механика, бросает лом и, подойдя вплотную к машине, начинает работать: она трет обеими своими руками ледяной нарост, который покрыл подвижную деталь машины, чтобы этот нарост разгорелся, она дышит в лед, близко приныкая к нему, и осторожно отделяет от металла ослабевающий, влажный лед. Ольга переходит на другую деталь, покрытую льдом сложной фигуры. Для ускорения работы Ольга снимает рукавицы и варежки и трет лед обнаженными руками и дышит на него изо рта; но лед и металл жжет ей руки, она дышит на руки, отогревая их, и снова собственным теплом рук и дыхания растапливает лед.

Пелена поземки, как облако, бегущее по земле, закрывает паровоз и место работы возле него.

Облако поземки прошло. Опять мерцает мерзлый снег. Ольга работает прежнюю работу; почти все детали машины очищены ото льда.

К Ольге подходит старый механик и наблюдает Ольгу.

МЕХАНИК. Вот ты как! Ты ни рук, ни сердца своего не жалеешь!

ОЛЬГА. А руки и растут для работы.

МЕХАНИК. Хватит тебе стараться, дай я сам, — ишь ты — осмысленная какая!

Механик сам берется за обледеневшие детали и рвет с них лед.

ОЛЬГА. Металл со льдом сползет. Не надо. Я сама.

Механик довольный, счастливо улыбается, оглядывая всю Ольгу.

Облако поземки закрывает на время весь этот видимый мир.

Издали. Труба паровоза дымит.

Ближе. Очередь людей стоит у тендера паровоза и на самом тендере — по живой цепи они подают на тендер ведра с набитым в них снегом и льдом; люди, стоящие на тендере, разгружают ведра в водоприемные люки тендера.

Комната Ивановых. Поздний вечер. Спят подряд на полу трое детей. Ольга стирает в корыте белье. Спящие дети. Степан и Настя спят крепко, но Петрушка, приот-

крыв один глаз, спросонья смотрит на мать, потом он закрывает глаз и вновь открывает его, наблюдая работающую мать.

Ольга снимает мыльную пену — правой рукой с левой, левой с правой; она склоняется к детям, укрывает их одеялом и целует их по очереди; Петрушка лежит с закрытыми глазами, но потом на мгновение приоткрывает один глаз.

Ольга стоит над своими детьми, одетая в верхнюю одежду и повязав голову теплым платком; она смотрит на них таинственным взглядом молодой матери, означающим и тревогу за детей, и нежность к ним, и готовность на любую жертву ради них, и собственную живую страсть, сдерживаемую заботой о детях, но которая не может утолиться одной этой заботой.

Освещенная вывеска на улице поселка, на деревянном домике: «Почта и телеграф».

Ольга появляется и входит в домик почты.

Пустая улица. Заунывно поют однообразную мелодию турбогенераторы электрической станции. Внутренность почты. Окошко: «Прием и выдача корреспонденции». За окном сидит девушка.

Ольга подходит к окошку. Не трогая писем, почтовая девушка, улыбаясь, делает отрицательный жест головой в ответ на вопрос Ольги.

Прежняя пустая улица.

Ольга выходит с почты.

Она стоит одна на крыльце почты; затем она идет одна по пустой ночной улице; и вот видно, что Ольга вдалеке и все более удаляется в ночную пустоту; она останавливается; одна ее жалкая фигура стоит в поле зрения.

Ольга идет обратно.

Ее видно ближе; ватник она расстегнула, она идет нараспашку, и платок ее завязан, словно уже тепло на улице.

Катится круглый куст сухой травы — перекаати-поле — по дороге.

Ольга встречает его; она хочет взять перекаати-поле, но ветер относит его вперед, и Ольга, повернув в сторону, в переулок, идет вслед за перекаати-полем.

Перекаати-поле под ветром быстро уходит вдаль, Ольга бежит за кустом растения и ухватывает его.

Она прижимает к себе перекаати-поле и спрашивает его:

— Ты везде ходишь, ты всю осень, всю зиму бежишь по земле: где ты родился и вырос, где ты ходил на свете? Может быть, ты видел его, — скажи мне, бедный мой!

Перекаати-поле молчит; Ольга прячет его себе за пазуху и застегивает ватник.

Поперек дороги, по которой идет Ольга, — выходит женщина; она везет согнувшись, как бурлак, перекинув лямку через плечо, санки с целой поленницей дров на них.

Ольга подхватывает веревку — позади напрягающейся женщины, — и обе они везут санки с дровами посреди пустой улицы, во тьме зимы.

Коридор дома. Женщина, везшая санки, несет в руках охапку дров; за нею, также с дровами на руках, идет Ольга.

В этом коридоре есть дверь, ведущая в комнату Пашкова, и Ольга, проходя с дровами мимо этой двери, узнает ее: она была здесь когда-то.

Комната Пашкова, — по-прежнему чистая, убранная, холодная, словно нежилая. Пашков сидит за столом, постеленным скатертью, на столе, среди прочих обычных предметов, стоит стакан и в стакане покоится искусственная челюсть, а Пашков сейчас с пустым беззубым ртом; он поет шепелявым фальцетом в одиночестве очередную арию, например: «Тебе единой посвятил рассвет печальной жизни бурной...»

И вдруг, встав сразу с места, Пашков произносит напевая, с ожесточением отчаяния и приплясывая при этом:

— А я старый и беззубый,
Одинокий человек —
Вот такой стервец на свете
Существует ничего, —
Что он любит, что он плачет —
Не узнает то никто!

Стук в дверь. Пашков враз выхватывает свою челюсть из стакана, засовывает ее в рот, а воду из стакана, поискав, куда ее вылить, и видя, что крутом чисто и прибрано, — плескает в потолок.

ПАШКОВ. Да, пожалуйста, прошу вас, входите, я здесь!

Входит Ольга. Она печальна и смущена. Пашков растроган визитом, которого он никогда не ожидал.

Пашков помогает Ольге снять ватник и платок, хотя Ольга не уверена — нужно ей снимать верхнюю одежду или нужно уйти. Ольга кладет в угол смятый куст перекати-поля.

Пашков подвигает стул Ольге. Ольга садится. Затем Пашков почти мгновенно, ловко суетясь, накрывает стол новой скатертью и уставляет стол закуской — консервами, колбасой, белым хлебом, ставит бутылку вина, — и он сидит против Ольги, удивленный ее посещением и счастливый, угощая ее изо всего усердия, со всей искренностью.

ОЛЬГА. Я ходила по делу, а на дворе вечер, я прозябла... Вы извините меня, Семен Гаврилович, что я нечаянно зашла к вам, я сейчас пойду, я ненадолго...

ПАШКОВ. Что вы, Ольга Васильевна, вы меня обидите, не надо — я умру без вас. Я сейчас печь затоплю, я вам патефон заведу.

Пашков поспешно наливает вино трясущимися руками, вино разливается на скатерть;

Пашков кладет угощение на тарелку Ольги;

Пашков поспешно глотает консервы.

ПАШКОВ. Я пробую — свежие ли! Кушайте лучше масло. А то, знаете, консервы из другой державы, они дальние...

ОЛЬГА. Нет, зачем вы! Я скоро пойду, у меня дети одни спят...

ПАШКОВ (растерявшись). Так я их пойду посторожу! А вы...

ОЛЬГА. А я одна буду?

ПАШКОВ. То есть нет... А что ж тогда нам делать?

ОЛЬГА. Не знаю. Я согреюсь и уйду.

ПАШКОВ. Не надо.

ОЛЬГА. Что не надо?

ПАШКОВ. Я говорю — не надо согреваться... Нет, — вы понемножку грейтесь, вы долго... (Поднимает рюмку). За это — как сказать! — за добрые ваши руки и сердце — и за всю вашу жизнь!

Пашков, выпив, пытается поцеловать руку у Ольги.

Ольга прячет руки.

ОЛЬГА. Они у меня распухли и болят... Заведите мне патефон!

Пашков открывает чемодан, вынимает оттуда патефон, заводит его. Играет патефон на столе.

ОЛЬГА. Остановите, я не хочу.

Пашков снимает мембрану с поставленной пластинки. Ольга выпивает рюмку вина и закашливается.

ОЛЬГА. Гадость какая...

ПАШКОВ. Что вы!

Он выпивает.

ПАШКОВ. Правда, гадость: слабая.

В тоске, во внутренней тревоге Ольга встает, обходит комнату, трогает безделушки, напевает что-то и умолкает. Пашков следит за ней удивленными, внимательными глазами, пытаясь угадать состояние Ольги и помочь ей.

Он вынимает из чемодана хорошее платье, раскладывает его на краю стола и проводит по нему холодным утюгом.

Ольга отбирает у Пашкова утюг и начинает разглаживать платье сама.

ОЛЬГА. Кому это?

ПАШКОВ. Вам. Я хочу вам подарить.

ОЛЬГА. Зачем? Оно мне не пойдет. Я стала такая худая, страшная, у меня нищий милостыни просить не станет.

ПАШКОВ. А вы испытайте, испытайте его на себе... Я вас прошу!

ОЛЬГА. Хорошо. Может, мне легче станет.

Ольга уходит за ширму. Пашков берет чайник и выходит из комнаты. Ольга появляется из-за ширмы, переодетая в чужое платье; платье на ней хорошее, но оно принадлежало женщине высокого роста, и Ольга в нем выглядит как девочка, надевшая одежду своей тетки.

Приходит Пашков с чайником, полным кипятка;

он смотрит на Ольгу, приобретшую трогательный образ подростка в платье не по росту, и вновь хлопочет у стола, заваривая чай и прочее. Ольга стоит посреди комнаты беспомощная и немного смешная.

ПАШКОВ. А его можно уделать, ушить и укоротить.

ОЛЬГА. Нет, не надо ничего... Зачем вы хлопочете, я не хочу пить чай, я не хочу носить чужое платье, — я не тем больна.

ПАШКОВ (рассеянно, желая угодить, чем только можно). Может, давайте, мы будем танцевать!

ОЛЬГА. Мне не хочется.

ПАШКОВ. Так что же тогда, я не знаю.

Он устало садится один за стол и кладет голову на свои руки. Ольга подходит к нему и касается рукою его волос, слегка поглаживая голову человека.

ОЛЬГА. До свидания.

Пашков, не подымая своей головы, берет руку Ольги и прижимает ее к своей щеке.

ОЛЬГА. Я согрелась у вас, я отдохнула, до свиданья, я пойду.

Пашков сидит один за столом. Из-за ширмы выходит Ольга в прежнем своем платье. Пашков встает.

Ольга, одетая в верхнюю одежду. Она подает руку Пашкову.

ОЛЬГА. Вам плохо было?

ПАШКОВ. Нет, хорошо.

ОЛЬГА. Отчего — хорошо?

ПАШКОВ. От вас хорошо.

Ольга ушла. Пашков остался один.

ПАШКОВ. Непонятно, но факт!

Лето. Кладбище. На могилах густая трава. Ветер колеблет траву и листья на деревьях.

Крест, под которым похоронена бабушка. К кресту подходит Ольга, и с нею дети — Петрушка и Настя. Ольга и ее дети одеты в износившуюся одежду; Петрушка босой. Ольга становится на колени у могилы.

Петрушка рвет возле могилы траву, не подряд, а выбирая, которая ему нужна, и складывает траву в подол. Настя, глядя на мать, также стала на колени. Ольга припадает лицом к земле, и Настя поступила так же.

НАСТЯ (подняв лицо от земли). Бабушка! Бабушка, пойдем домой.

ПЕТРУШКА. Пускай лучше отец домой придет, отца нету. Бабушка и так долго жила.

НАСТЯ. Мама, а какой отец — как бабушка?

Ольга подымает лицо от земли и глядит на дочь.

ОЛЬГА. Как бабушка, он был похож на нее.

НАСТЯ. Как дядя Семен?

ОЛЬГА. А ты забыла отца?

Настя озадаченно думает.

НАСТЯ. А он какой?.. (К Петрушке). Зачем ты траву рвешь? Тут бабушка живет.

ПЕТРУШКА. А это щавель. Из него щи можно варить.

ОЛЬГА. Обождите, не надо шуметь.

Шумит трава, шелестят листья на деревьях, идут белые облака по небу, — это работает ветер в мире и напевает за своей работой. Ольга снова склоняется к могиле бабушки.

Дети садятся на траву. Петрушка застегивает пуговицу на платье у горлышка сестры и собирает травинки, приставшие к ее волосам.

НАСТЯ. Петрушка, а какой папа?

ПЕТРУШКА. Такой, — его нету.

НАСТЯ. А какой?.. Давай играть с тобой — нарочно ты папа, а я мама.

Петрушка подымается с травы.

ПЕТРУШКА. Нам некогда играть... Мама, я за хлебом пойду, а то мягкий разберут, нам черствый будет.

Ольга, поднявшись с могилы, отпускает детей.

ОЛЬГА. Ступай и Настю возьми. Я скоро приду.

Петрушка берет Настю за руку, и они уходят. Ольга одна. Она начинает убирать могилу: обрывает бурьян и вкапывает старую плошку в землю до половины; в плошке теперь растет принявшийся и отросший за долгое лето цветок. Затем Ольга вновь становится на колени перед могилой.

ОЛЬГА. Мама, мне худо без вас... Говорят, все забывается, а я не могу забыть ни вас, ни Алешу. Где Алеша — с вами или со мной? Я не могу больше без него, я обмираю по нем, и дети меня не утешают, и от работы я не устаю...

Ольга идет по дороге, что пролегает через рабочие огороды, приближаясь на зрителя.

ОЛЬГА. Кто мне ответит, что делать моему сердцу?

Ольга останавливается.

ОЛЬГА. Я умру, а у меня дети... Алеша! Я и во сне теперь тебя не вижу, и в воображении ты не приходишь ко мне...

Ольга озирается в пустом светлом дне, но вокруг нее безлюдное поле.

ОЛЬГА. Неужели тебя нет, тебя нет нигде, и я люблю одно свое воспоминание?

Она продолжает идти, потом опять останавливается.

ОЛЬГА. Я не знаю, что мне делать, а я паровозы могу своим дыханием обогреть...

Ольга уходит по дороге, повернувшей в сторону, и экран пуст.

Поздний вечер в комнате Ивановых. Степан полураздетый спит на раскладной кровати, где раньше спала бабушка. Настя спит на подстилке на полу, постеленной

кое-как. За столом под лампой сидит один Петрушка; он положил голову на руки, что лежит на столе, и дремлет.

Подняв голову, он осматривается в полусне, опоминается, лицо его морщится в страдании, и он утирает рукавом выступившие слезы: «Мамы нету!»

Комната Пашкова. Пашков лежит на кровати. Он читает книжку, а возле кровати на стуле стоит патефон; патефон играет музыку, но пружина ослабевает;

тогда Пашков, не прерывая чтения, одной рукой крутит рукоятку патефона.

В дверь стучат. Дверь отворяется. Входит Петрушка.

Пашков останавливает патефон и привстает на кровати.

Петрушка робко подходит к столу; на столе стоит стакан с искусственной челюстью; Петрушка берет челюсть и рассматривает ее, поворачивая и проводя по ней пальцами.

ПЕТРУШКА. Кости ей грызешь?

ПАШКОВ. Грызу, Петя.

ПЕТРУШКА. А мякоть? Глотаешь?

ПАШКОВ. Мякоть глотаю.

ПЕТРУШКА (положив челюсть обратно). Мамы нету... И на работу не ходила — прогуляла.

Пашков садится на кровати, он испуган.

ПАШКОВ. Где ж она? Пойдем искать. Что ж ты сразу не пришел ко мне?

Петрушка подает челюсть Пашкову; тот вставляет челюсть в рот.

ПЕТРУШКА. Покажи как: жевни чего-нибудь!

Пустая ночная улица.

На этой улице появляется Пашков и Петрушка. Пашков ведет за руку Петрушку, он его тащит за собой, они почти бегут, сначала приближаясь к зрителю, а затем остановившись в неуверенности, поворачивают в переулок и исчезают.

Внутренность деревянного, наскоро построенного вокзала. Много людей — преимущественно женщин, детей и стариков. У бревенчатой стены сидит возле своих вещей пожилой человек с большой длинной бородой; на руках у него малый ребенок: ребенок плачет, старик успокаивает его и баюкает на руках.

Появляется Ольга. Она тихо проходит среди массы людей и садится на краешек скамьи недалеко от старика с ребенком.

Старик разбирает одежду на ребенке и сажает его, держа на руках по нужде; затем старик вытирает зад ребенку концом своей бороды, заворачивает ребенка и, поместив его к себе на колени, выжимает конец бороды руками, а руки вытирает о волосы на своей голове.

Ольга глядит на этого старика, подымается, идет к нему и опускается возле него на вещевой мешок. Старик опять качает и баюкает ребенка, посматривая на Ольгу.

СТАРИК. Чья сама-то?

ОЛЬГА. Я здешняя...

Молчание. Старик склоняется к заснувшему ребенку и целует его в лобик.

СТАРИК. Мужняя жена — или так, вольная?

ОЛЬГА. А что вам?.. Покажите мне ребенка — пожалуйста.

СТАРИК. Бери. У меня уж руки отсохли. Своих-то чего не завела? Тебе уж пора.

Ольга взяла ребенка на руки и вглядывается в него любопытным, завистливым и нежным взором матери.

СТАРИК. Я тебе говорю — мужняя ты иль вдовица?

ОЛЬГА. Да что вам, какое дело? На что вам знать, вы ведь старый человек.

СТАРИК. Я-то? Эка дура, мне всего полсотни и малый-то, что лежит у тебя на руках, — мой!..

Молчание.

СТАРИК. Жена вот у меня пропала по этой войне, плохо дело стало; дитя на руках и самому трудно в груди бывает: душа там есть, и она сучает.

ОЛЬГА. А вы давно жену потеряли?

СТАРИК. Да не так чтобы, а уж время прошло...

ОЛЬГА. Может, найдется еще.

СТАРИК. А все может быть, это как знать... Да мне сейчас уж очень женщина нужна-то была бы!

ОЛЬГА. Так вам старушку надо в няньки подыскать...

СТАРИК. Зачем старушку! Эка ты глупая какая, без мужа живешь! Мне супругу и хозяйку следует — вот кого... Отчего я тебя и спрашивал — может, ты за меня пойдешь!

Ольга отдает ребенка обратно старику и в страхе подымается на ноги.

СТАРИК. Чего обомлела?.. Выходи — не заскучаешь, а бороду я обрежу!

ОЛЬГА. Что вы говорите!

СТАРИК. Дело говорю. Мне малого надо сберечь и самому тоже не сплющить от безделья такого...

ОЛЬГА. А первая жена найдется!

СТАРИК. Дай бог. Явится, тогда и рассудим как быть. А то зачем же, чтоб всем плохо было — и ей там, и малолетку нашему, и мне.

ОЛЬГА. А я замужняя.

СТАРИК. Так чего же ты шатаешься, иди прочь отсюда — я думал ты неудельная бобылка. Мне бобылка нужна.

Ольга отходит от старика.

Ольга вдалеке от старика. Она оглядывается — и видит, как старый отец, склонившись, снова и долго целует своего ребенка, прильнув к его головке.

С Ольгой заговаривает пожилая женщина, за юбку которой держатся двое детей.

Комната Ивановых. Спят по-прежнему Степан и Настя, а за столом теперь сидят друг против друга Петрушка и Пашков. Они молчат. Петрушка дремлет.

Дверь отворяется. Входит Ольга. Пашков встает ей навстречу, радуясь ее приходу. Петрушка пробуждается.

ПЕТРУШКА. Загуляла... Где была? Вот тебе на работе достанется.

ОЛЬГА (резко). Не твое дело. Ложись спать — сейчас же ложись!

ПЕТРУШКА. Успеется...

Он медленно сходит со стула, еще медленнее начинает стелить себе место рядом с Настей и постепенно укладывается, бормоча недовольства. Пашков собирается уходить.

ПАШКОВ. Ольга Васильевна... Я хотел вас спросить, что вам нужно что-нибудь или нет?

ОЛЬГА. Мне ничего не нужно.

Тихий стук в дверь. Дверь приотворяется, показывается голова Софьи Ивановны.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Чего же, ты, головушка горькая, на работу-то не вышла?

ОЛЬГА. Не ваше дело: не вышла — и все.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Как не мое дело! Так будем работать, когда ж мы воевать кончим!.. Что с тобой сделалось такое, ведь ты иная была!

ОЛЬГА. Ничего не случилось...

Голова Софьи Ивановны исчезает за дверью. Пашков тихо выходит.

Ночь. Все дети спят. Ольга подходит к Степану и гладит его голову. Потом принакает к спящим на полу меньшим детям.

Неслышно отворяется дверь и осторожно входит Пашков. Он кладет на стол кулек.

Ольга выходит к Пашкову.

ОЛЬГА. Что это?

ПАШКОВ. Сахар, Ольга Васильевна, это сахар... Я рафинад получил, он детям годится, я забыл его на стол положить.

ОЛЬГА. Возьмите его обратно и уходите вон!

Пашков опускается на колени и касается руками башмаков Ольги.

ПАШКОВ. Ольга Васильевна... Простите меня, Ольга Васильевна.

ОЛЬГА. Уходите домой.

ПАШКОВ. А чем же тогда, чем я могу объяснить вам, что я привык к детям, к Насте с Петрушкой, и к вам я привык, Ольга Васильевна, и дом ваш полюбил...

Ольга касается рукой непокрытой головы Пашкова и проводит по его волосам. Пашков встает с коленей и припадает к руке Ольги, затем к ее плечу. Ольга не снимает своей руки с его головы, и Пашков целует Ольгу в щеку. Сняв руку с головы Пашкова, Ольга внимательно смотрит на своих детей: спят ли они? Пашков неуверенно обнимает Ольгу.

Ольга без пренебрежения отстраняет его и отходит от него.

Затемнение.

Небольшой массовый сад для гулянья: местный парк культуры и отдыха. Вечер. Играет музыка. Гуляют люди. Идут Ольга с Пашковым: Ольга держит за руку Настю, Пашков — Петрушку, а Степан идет в одиночестве. Настя и Петрушка одеты более

чисто и тщательно, чем прежде, а Степан одет в просторный мужской костюм, и можно подозревать, что это костюм с плеч Пашкова.

Будка или открытый павильон, где продается разноцветная вода. К будке подходит Пашков и все Ивановы.

СТЕПАН. А с витаминами вода?

ПЕТРУШКА. А почему, почему?

НАСТЯ. Мне два стакана!

Ольга угощает детей водой и открывает сумочку, чтобы расплатиться, но Пашков опережает ее.

ПЕТРУШКА. За меня платить не надо! Я не стал пить: тут рубль стакан без сахара: обираловка!

СТЕПАН. Как не надо? А я твой стакан тоже выпил!

Деревянный кинотеатр. Самодельная афиша: «Кинофестиваль лучших детских кинокартин».

К театру подходит вся группа наших людей. Пашков в кассовом окошке покупает билеты. Степан говорит что-то с матерью. Мать его увещевает.

СТЕПАН. А какой я ребенок? Я не пойду — там курочек будут показывать и как умный мальчик колот дрова одной старухе, у какой сына не было... Я на танцы пойду глядеть!

ОЛЬГА. Ну как хочешь! Танцор еще!

СТЕПАН. А что? Я тоже буду. Ты с отцом не танцевала, что ль? Ага — отец мне все говорил.

Пашков приносит билеты. Их берет Петрушка.

ПЕТРУШКА. Один я продам. Насть, пойдем!

СТЕПАН (забирая билет у Петрушки). Мал еще. Я сам продам.

Петрушка и Настя направляются в кинотеатр, а Степан пошел в другую сторону. Ольга и Пашков остались одни. Пашков деликатно берет Ольгу под руку.

Комната Пашкова. Ольга сидит, а Пашков хлопчет у стола, где расставлена кое-какая пища и стоит бутылка наливки.

ПАШКОВ (наливая две рюмки). Ну, за что, Ольга Васильевна?

ОЛЬГА (беря рюмку). Не знаю. За наше прошлое счастье, за вашу жену и моего мужа.

ПАШКОВ. Хорошо, но печально!

Они выпивают.

Пашков заводит патефон. Бутылка на столе почти пуста. Патефон играет вальс. Пашков приглашает Ольгу, и они начинают танцевать.

Танец. Обняв Ольгу и водя ее в танце, Пашков целует ее во время танца в плечо, в щеку около уха. Ольга равнодушно танцует, и глаза ее глядят пусто и холодно.

Они сидят рядом на маленьком диване, тесно друг к другу. Пашков целует Ольгу в губы. Ольга не сопротивляется; она удивлена и несколько напугана. Пашков повторяет свой поцелуй.

ОЛЬГА. Я устала.

ПАШКОВ. Ну не надо, не надо. Я больше не буду. Я отвык от счастья, и вот забылся.

ОЛЬГА. Я в кино пойду, детей встречать.

ПАШКОВ. И я с вами, и я с тобой!

ОЛЬГА. Нет, я одна.

Ольга подымается. Пашков помогает ей собраться — подает шапочку, сумку, снимает пушинки с платья.

Потемневший вечер. Улица в поселке. Радиорепродуктор на столбе. Несколько человек слушают радио. К ним подходит Ольга и останавливается. Радиорепродуктор передает раскаты артиллерийского салюта в Москве. Затем радио начинает играть торжественную музыку.

ОЛЬГА. Что это?

ОДИН ИЗ СЛУШАТЕЛЕЙ ГРУППЫ. Салют в Москве, немцев погнали, скоро будет наша победа!

Ольга отходит. Она идет одна. Она останавливается.

ОЛЬГА. Почему я так обижена?

Двое детей приближаются к ней навстречу. Ольга ожидает их. Подходят Петрушка и Настя.

НАСТЯ. Мама, нам про победу говорили!

ПЕТРУШКА. Это наш отец там!

Ольга берет Настю к себе на руки и целует ее.

НАСТЯ. Петрушка, мама плачет.

Петрушка обхватывает мать руками и прижимается к ней.

Затемнение.

Зимний день. Комната Ивановых. В ней много перемен, указывающих, что время идет. В комнате много новых предметов: шкаф, часы на стене и проч. Уже нет признаков того, что люди живут здесь временно, случайно, словно на привале в походе. Вся семья обедает. У Насти волосы заплетены в косички. У Степана пух над верхней губой. Петрушка в материнском фартуке разливает суп в тарелки; он почти не изменился. Печка прежняя. Мать в ватнике, в рабочей одежде. Пока Петрушка разливает суп, Настя взяла газету, одела бабушкины очки на нос и читает газету вслух: «Наши части с боями продвигаются вперед, в глубь Германии. За истекшие сутки взято пленных сорок одна тысяча восемьсот тридцать солдат и офицеров противника».

СТЕПАН. Во наши дают! Хорошо там!

ПЕТРУШКА (снимая очки с Насти и бросая их прочь на кровать). Чего глаза портишь? Будешь слепая — на пенсии жить!

Приходит Пашков. Он приносит и дарит: Насте — книжку, Степану — коробку папирос, Петрушке — одну калошу.

ПАШКОВ (Петрушке). А другую я тебе на базаре подыщу, одну я потерял.
ПЕТРУШКА. Вторую я сам найду!
ОЛЬГА. А зачем папирсы, он еще молод курить!
СТЕПАН. А работать не молод? Раз я рабочий класс — мне можно!
ПЕТРУШКА (Пашкову). Садись обедать — вон туда.
ПАШКОВ. Да я обедал уже!

Петрушка наливает Пашкову суп.

СТЕПАН. Харчись, дядя Семен. Жми!

Настя с книжкой в руках перебирается на колени к Пашкову. Пашков приглубливает Настю и ласкает — и они обедают вместе из одних тарелок, поставленных вплотную, и вся семья обедает.

НАСТЯ. Дядя-папа, а ты вечером придешь?

ПАШКОВ. Приду, Настя, приду.

НАСТЯ. А потом уйдешь?

ПАШКОВ. Потом уйду.

НАСТЯ. А ты не уходи, живи с нами, а то ходишь туда-сюда, нам скучно.

ОЛЬГА (смущенно). Кушай, Настя...

ПЕТРУШКА. Она болтать любит, а хлеб не разжевывает и глотает его как попало.

Стучат в дверь. Все поворачиваются к двери — в ожидании.

Пауза.

СТЕПАН. Иди сюда!

Дверь открывается. Входит юная почтальонша, запорошенная снегом, и с нею сопровождающая ее Софья Ивановна, вся исполненная любопытства.

Почтальон подает пачку писем и сверху пачки она положила еще отдельное письмо.

Степан и Петрушка протягивают руки, но почтальонша подает письмо Ольге.

— Вам, — говорит почтальонша.

ПЕТРУШКА. Отец жив!

Почтальонша подает книжечку, чтобы расписаться. Ольга держит письма и не видит книжки.

Настя соскакивает с колен Пашкова и расписывается. Почтальонша уходит. Софья Ивановна остается.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Иль правда жив! Ведь сколько лет ни слуху, ни духу!.. Да ты уж скажи мне, Олюшка, я уж с тобой порадуюсь.

ОЛЬГА. Я сама ничего не знаю.

Она сжимает все письма в обеих руках, встает из-за стола, подходит к окну и там прячет пачку писем к себе за ватник, за пазуху, в укромное место.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ты хоть одно — верхнее-то письмо прочитай.

ОЛЬГА. Я боюсь... Ступайте, Софья Ивановна.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ну ладно, поплачешь, потом скажешь.

Софья Ивановна уходит. Пашков подымается из-за стола, берет шапку, одевается, собирается уходить, но стоит на месте, не зная еще, как ему поступить.

Ольга выкладывает письма на подоконник и перебирает их не читая.

Настя подходит к матери.

НАСТЯ. Мама, давай я буду читать. Я вслух!

Она берет одно письмо, что почтальонша принесла отдельно.

ПАШКОВ. Вслух не надо!

НАСТЯ. А я в уме буду.

Настя садится за стол и читает письмо про себя. Все молчат. Ольга перебирает письма руками на подоконнике.

НАСТЯ (среди чтения). Мама, здесь плохо написано... Капитан Алексей Алексеевич Иванов ранен.

Настя читает про себя. Молчание.

НАСТЯ. А потом он не умер... «Мы просим вас, глубоко уважаемая Ольга Васильевна, навестить супруга в госпитале, потому что он сильно скучает. Жить ему еще долго, а он желает вас поскорее увидеть, как можно скорее. Кланяемся вам и шлем привет боевой подруге нашего героя-командира. Неизвестные вам и уважающие вас Исаев, Моргунов, Белоярцев».

Петрушка отходит в угол и, уткнувшись лицом в стену, плачет в одиночестве.

СТЕПАН. Дядя Семен, ты иди домой.

Пашков молча уходит.

СТЕПАН. Мама, пойдем на работу, нам пора.

ПЕТРУШКА (в слезах). Мама, не ходи!

СТЕПАН. Чего — не ходи! Знаешь ты! Мы бы не работали — отца совсем убили.

Ольга оборачивается от окна к детям. Она подходит к Насте и целует ее.

К матери подходят Петрушка и Степан, отталкивая друг друга.

Ольга снова целует Настю. После Насти она целует Петрушку и целует Степана. Лицо ее в слезах, но она улыбается в совершенном счастье, которое с трудом переносит ее сердце.

И Ольга вновь страстно целует всех своих детей, а дети прижимаются к ней и, слегка оттирая один другого, стараются, чтобы мать поцеловала каждого вне очереди и скорее.

Затемнение.

Платформа вокзала. Стоит пассажирский поезд. По платформе ходят пассажиры. В тамбуре вагона, у его открытой двери, стоит отъезжающая Ольга. Она смотрит на своих детей. Они все трое стоят на платформе, провожая мать. Позади детей, в

отдалении от них и от вагона, стоит одинокий Пашков. Гудок паровоза. Поезд трогается.

Трое детей бегут рядом с поехавшим вагоном. Мать машет им рукой, высунувшись из тамбура.

Пашков, сняв шапку, остается на месте, молча наблюдая Ольгу, ее еле различимую фигуру, исчезающую вдалеке вместе с вагоном.

ДОЛГО ШЕЛ ПОЕЗД ЧЕРЕЗ ПРОСТРАНСТВА РОДИНЫ НА ЗАПАД

Ольга в жестком вагоне сидит у окна. Ее сосед, сержант, играет на гармонии.

За окном — избушка на взгорье с журавлем у колодца.

За окном — дедушка и внучек идут по полю, на котором уже есть проталины, следы весны.

За окном — корова глядит добрыми глазами на проходящий поезд.

За окном — погорелое селение и мертвая роща с обугленными стволами деревьев. Ольга внимательно, не отрывая лица от окна, наблюдает видения, что проходят за стеклом.

За окном — маленькое военное кладбище: несколько деревянных (дощатых) пирамидок с деревянными же звездами наверху и несколько крестов. Ольга встает и провожает глазами исчезающее кладбище.

ГОСПИТАЛЬ, КУДА ПОЕХАЛА ОЛЬГА, НАХОДИЛСЯ НЕВДАЛЕКЕ ОТ ГОРОДА, ГДЕ ОЛЬГА РОДИЛАСЬ, ВЫШЛА ЗАМУЖ, РОДИЛА ДЕТЕЙ И ПРОЖИЛА ВСЮ ЖИЗНЬ ДО ВОЙНЫ. ТЕПЕРЬ, ПОСЛЕ ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ, ОЛЬГА СНОВА УВИДЕЛА СВОЙ ГОРОД.

Вдали видны руины разрушенного города. Ольга идет с чемоданом в руках по улице города, где все дома разрушены; она идет по тропинке, протоптанной среди кирпичной и каменной щебенки; общий ландшафт похож на то, что будто здесь прошла каменная метель, и она нанесла бугры, но не из снега, а из раскрошенного камня.

Стоит разрушенный взорванный дом. От него осталось полтора этажа. Со второго этажа, — что видно в пустые проемы бывших окон и стен, — свешивается изуродованная железная кровать, почти на весу держится шкаф, на стене (в интерьере) висят фотографии и картинки из детских журналов.

Ольга появляется из этого дома и стоит возле него, рассматривая его внутренность. Оставив чемодан на земле, она идет внутрь дома.

Ольга на втором этаже, где кровать, шкаф и фото с картинками на стенах.

Ольга снимает со стены фотографию: это семейная карточка — на ней Ольга с мужем и трое их детей: Степан, Петрушка и Настя. Ольга вглядывается в старую фотографию и берет ее с собой. Затем она проводит рукой по спинке кровати, по шкафу, готовому сорваться, по стенам. Она наклоняется и подымает детскую погремушку и мужской портсигар; эти вещи она также забирает с собой.

Ольга смотрит снаружи, с улицы, на свой разрушенный семейный очаг.

Она берет чемодан и уходит по тропинке среди холмов каменной щебенки.

В руинах стоит уцелевшая деревянная скамья. У скамьи лежит большое спиленное дерево, и пень этого дерева находится тут же.

Ольга подходит к этой скамье и садится на нее...

Она сидит одна в размышлении, в воспоминании.

Она берет чемодан и отходит в сторону, садясь там на камни, а скамья остается пустая. Ольга смотрит из отдаления на пустую скамью.

Спиленное дерево исчезает: оно живое, оно растет, как прежде, возле скамьи. Позади скамьи не руины, а целый населенный дом, и окна его светятся вечерним светом — электричеством и отражением летнего заката солнца на стеклах окон.

По летней улице, где растут деревья у тротуара, идут двое юных людей: Алексей Иванов в гражданском костюме и девушка Ольга в белом платье. Иванов ведет под руку свою невесту. Юные Алексей и Ольга садятся на скамью под живым, растущим деревом, на котором бормочут, шевелятся листья.

Алексей держит руки Ольги в своих руках и говорит ей что-то, а Ольга в ответ молча улыбается.

К ним подходит женщина-мороженщица с ящиком мороженого. Алексей вынимает деньги и уговаривает ее. Женщина снимает с себя ящик с мороженым. Алексей отдает ей деньги. Женщина ставит ящик на землю и уходит, Алексей, продолжая говорить с Ольгой, ставит ногу на ящик с мороженым, и Ольга также ставит свою ногу на тот же ящик.

Алексей склоняется к уху Ольги и шепчет ей свои слова; Ольга молчит; Алексей целует ее в висок. Юная Ольга слегка вскрикивает и закрывает лицо руками — и нынешняя Ольга, стоящая на камнях, повторяет ее жест.

Прежняя реальная картина, т. е. руины, пустая скамья, спиленное дерево.

Реальная, наша Ольга подходит к пустой скамье и гладит ее рукой, ласкает в воспоминании о прошлом.

Улица незнакомого поселка. Длинный деревянный дом. Над домом, над его крыльцом белый флаг с красным крестом.

Является Ольга со своим чемоданом и входит в этот дом, в госпиталь.

Внутри госпиталя. Приемная комната. Канцелярия. Сидит военнослужащая сестра. Она быстро перебирает выписки из историй болезней. Ольга стоит над ней в ожидании. Военнослужащая сестра находит нужный лист и читает его.

СЕСТРА. По выздоровлении — выбыл в свою часть.

ОЛЬГА. А где его часть? Куда же мне ехать?

СЕСТРА. Я вам могу сказать номер его полевой почты. Ищите по номеру.

ОЛЬГА. Я буду искать его, я его найду.

СЕСТРА. Ищите. Вы его жена?

ОЛЬГА. Да... А вы видели его?

СЕСТРА. Не помню. Их много у нас.

ОЛЬГА. Как же вы не помните?

СЕСТРА. Не помню, дорогая, не помню. Я устала. Сколько их было!

Ольга поднимает свой чемодан и уходит от сестры.

Блиндаж. Обычная обстановка. На столе горит светильник, сделанный из сплющенной на выходном конце большой гильзы. В блиндаже майор Иванов, командир батальона, и еще три офицера: Исаев, Моргунов, Белоярцев; Моргунов — тоже майор, остальные капитаны, а по возрасту все они примерно ровесники; это те самые, немного знакомые нам люди, что ехали в одном вагоне, в одной купе с Ивановым. Иванов работает над картой.

ИВАНОВ. Ну, я расчертил — и маршруты для рот, и время их движения. Осталось согласование с соседями справа и слева.

БЕЛОЯРЦЕВ. Это мы сумеем — согласоваться нетрудно.

ИВАНОВ. Нетрудно? Это самое трудное и есть — думать не о себе только, а и о соседях.

ИСАЕВ. Ничего, Алексей Алексеевич, теперь воевать недолго осталось.

ИВАНОВ. Вот будешь думать — ничего да недолго — и будет долго и трудно, и семью не скоро увидишь.

Трое офицеров переглядываются меж собой. Моргунов, самый старший по возрасту и самый веселый по нраву человек с большими усами, откровенно хохочет.

МОРГУНОВ. И семью еще увидим, Алексей Алексеевич, и детей еще новых нарожаем на радость. Во как будет!

ИВАНОВ. Не знаю, не знаю... У меня семья далеко — на том свете, наверное.

МОРГУНОВ. А может, и ближе.

ИВАНОВ. Едва ли. За всю войну всего одно письмо недавно получил, и то от сорок третьего года.

БЕЛОЯРЦЕВ. Да вон мне и пишет жена, а какая радость: я ей не верю.

ИВАНОВ. Что — изменяет, что ль? Вот горе! Обидели его!

БЕЛОЯРЦЕВ. Да не очень обидели, Алексей Алексеевич, а все-таки неудобно себя чувствуешь: измена же не подвиг! А я уважал свою жену.

ИВАНОВ. Какая измена! Что она — родине, что ль, изменила? — ишь ты, я бы сам тебе изменил, будь я на ее месте!..

БЕЛОЯРЦЕВ. Это все так, но у меня тоже есть самолюбие, Алексей Алексеевич, и у вас оно есть, от него никуда не денешься!

ИВАНОВ. Самолюбие у тебя! Ага! А ты бы его чувствовал не теперь, а тогда, когда ты к одной Зое бегал, к регулировщице под Кромами, — помнишь иль забыл?

МОРГУНОВ. Он это слабо, он это слабо помнит, Алексей Алексеевич.

БЕЛОЯРЦЕВ. Почему? Помню.

ИВАНОВ. Так чего ж ты жену заочно подозреваешь?.. Я вот и сам еще не знаю, кто больше для родины и для победы сделал — я или моя жена. Скорее всего она.

ИСАЕВ. Ну, как сказать! Из вас, Алексей Алексеевич, одной крови сколько вышло, если считать просто на граммы...

МОРГУНОВ. Да пуда полтора, не меньше, ей богу. Из меня от двух тяжелых ранений вышло семь фунтов, я считал. (Он хохочет).

ИВАНОВ. А я не считаюсь здесь своей кровью, когда там у женщины и у подростка кости сохнут от работы круглые сутки, когда они там хлебом с картошкой не всегда наедаются...

Офицеры молчат.

МОРГУНОВ. Да, в тылу у нас тоже, выходит, богатыри.

ИВАНОВ. Наши жены там, наши советские женщины, наши дети и старики, — вот какие там богатыри. Это они нас всю войну и кормят, и одевают, и оружие делают в достатке с избытком.

БЕЛОЯРЦЕВ. Это все совершенно верно, Алексей Алексеевич, и совершенно точно. Но я говорил, собственно, об одном частном случае, о любви...

ИСАЕВ. Вот это действительно частный случай! Как можно так думать! Пока этот частный случай существует, на земле всегда и счастье и надежда будут...

БЕЛОЯРЦЕВ. Разве? Ты так хорошо и подробно это знаешь. А что есть любовь?

ИСАЕВ. Точно не знаю, а приблизительно. Любовь — это значит вперед, это внутреннее движение человека, это атака будущего оружием сердец...

ИВАНОВ. Не знаю, верно это или нет, но это красиво...

БЕЛОЯРЦЕВ. Я о своей жене, а вы о человечестве.

МОРГУНОВ. Какая жена!.. Другая станет перед тобой — ну, скажем, туловищем или частично корпусом — и человечества тебе никакого из-за нее не видно... И будешь ты в тени в одиночку жить! (Показывает игрою, как это получается, когда жена весь мир загораживает своим туловищем. Все смеются)

БЕЛОЯРЦЕВ. Опять вы не туда... Я просто сказал, что мне моя жена не нравится, потому что я здесь четвертый год под огнем, а она...

МОРГУНОВ (смеясь). Ну, а ей, допустим, — ты прости меня, — другой нравится и не под огнем... Сережа, ты не переживай, ты атакуй регулировщицу холодным оружием сердец! Вперед!

БЕЛОЯРЦЕВ. Ну, хватит пошлости!

ИВАНОВ. Тут не пошлость... Пошлость в твоём подозрении жены.

БЕЛОЯРЦЕВ. Оставим жену. Это мое дело.

ИВАНОВ. Дело твоё, но нехорошо твоё дело.

БЕЛОЯРЦЕВ. Скажите, Алексей Алексеевич, а если бы ваша жена, работая инженером на заводе, сблизилась бы, скажем, с хлеборезом или шофером и сама бы вам о том написала, — как бы вы себя чувствовали?

ИВАНОВ. Не знаю, не переживал. Но ведь ты не знаешь, как жила твоя жена эти годы, а без точного знания такое дело не поймешь.

БЕЛОЯРЦЕВ. Все равно в проступке всегда есть вина.

ИВАНОВ. Чепуха! Есть проступки и даже преступления, где нет никакой вины и виноватых нету, а есть необходимость.

БЕЛОЯРЦЕВ. Нет преступлений без вины и нет у меня больше жены!

ИВАНОВ. Дурной ты и сердце у тебя маленькое... Твоя жена труженица, мученица, ты бы, может, с ума сошел на ее месте, если б поработал так, как она, а ты ее ненавидишь, что ее кто-то там в губы поцеловал.

БЕЛОЯРЦЕВ. А если больше?

ИВАНОВ. Что больше?.. Она мир спасла вместе с нашим бойцом, а ты ее в измене подозреваешь, в измене одному тебе!

ИСАЕВ. А все-таки тяжело узнать, что жена неверна.

МОРГУНОВ. Да ничего! Можно же растереть это дело: гулять, танцевать, ухаживать. Не надо только одному сидеть и скорбью надуваться.

ИВАНОВ. То есть как же это: значит, тогда в клубе надо жить! Эх ты, решил задачу!

ИСАЕВ. Скажи, Алексей Алексеевич, а если бы, допустим, что-нибудь случилось подобное с твоей супругой? Ты как тогда бы?

ИВАНОВ. Да я что!.. Я солдат, дорогой мой, а солдат и смерть стерпит, когда нужно. А раз я смерть прощаю, то и жену не обижу.

ИСАЕВ. А все-таки?

ИВАНОВ. Чего тебе — все-таки? Моя жена не железная копилка для добродетели... Все люди, брат, сейчас раненые, — зачем же упрекать жену, если ее поранила жизнь и судьба. Не одни же осколки и пули бьют человека.

БЕЛОЯРЦЕВ. Так-то оно так...

МОРГУНОВ. А сердце все же свербит! Сердце ведь сволочь!

Жужжит зуммер полевого телефона.

ИВАНОВ (беря трубку). Сосна слушает... Да... Он самый... Так точно... Есть. Посылаю связного. (Кладет трубку). Ну, ребята, у меня работа, да и вам пора...

Все трое встают, прощаются, как военные, — дружелюбно и любезно, понимая, что каждое свидание может быть последним.

Весенний яркий день.

Вдали — западноевропейский город. В городе горит несколько зданий. Слышны раскаты удаляющейся, затихающей стрельбы.

По дороге мчатся вперед наступающие колонны наших войск. По другой дороге подтягиваются обозы. Идут грузовики. На одном грузовике, на котором едет группа красноармейцев, сидит и Ольга, глядя вперед, в пожар войны, сияющими глазами.

Двухэтажный дом в заграничном городе. Снаружи стоят два наших автоматчика. Связисты тянут линию. Невдалеке горит дом. Появляется Иванов с офицерами и двумя ординарцами. Очевидно, что они пришли с переднего края. Все они входят в дом. Недалеко от этого дома, по той же улице, остановились наши грузовики, и они разгружаются.

С одного грузовика сходит Ольга со своим чемоданом и не знает, куда ей идти. Она стоит. Артиллерийский огонь, стук автоматов, что слышались вдалеке, утихают.

Пауза. Издали доносится гортанный гул тысяч человеческих голосов, и среди этого гула можно разобрать слитный гром русского ура. Ольга замерла и слушает, стараясь понять обстановку.

С группой младших офицеров идет веселый Моргунов. Ольга несмело подходит к нему и спрашивает у Моргунова о муже. Моргунов вытягивается перед Ольгой, козыряет ей, берет у нее чемодан и приглашает ее следовать впереди себя, все время громко радуясь.

ОЛЬГА. Что вы? Я смешная?

МОРГУНОВ. Вы душка!

Издали слышится торжественная музыка. Ольга жадно слушает.

ОЛЬГА. Что это?

МОРГУНОВ. Сейчас узнаете.

Дом, где находится Иванов. Из дома быстро выходит Иванов с офицером связи.

Ольга издали видит мужа, стоящего на каменном крыльце дома. Она бежит к нему.

К крыльцу подходит «виллис»; Иванов и его сопровождающий быстро, почти на ходу, вскакивают в «виллис» — и исчезают. Вдалеке играет музыка.

Моргунов идет с чемоданом Ольги. К нему подходят две девушки (австрийки) и подносят ему два букета весенних цветов. Моргунов благодарит, он хочет поцеловать руку старшей девушке, но они обе подставляют ему щеки, и Моргунов целует их в щеки.

Ольга сидит на нижней ступени крыльца дома, откуда только уехал Иванов.

Моргунов подходит к ней и дарит ей оба букета цветов.

Прямая улица. На зрителя мчатся на большой скорости несколько «виллисов».

В переднем «виллисе» — Иванов с сопровождающим его офицером. Во втором «виллисе» американский офицер со своим адъютантом.

Иванов вглядывается вперед и даже привстает с сиденья.

Он видит: на крыльце его дома сидит его жена; Ольга в платке, в ватнике, в валенках, в чем выехала она из далекого дома.

Ольга вблизи. Подскакивает первый «виллис», за ним второй, третий. Ольга встает в смущении, — и она видит мужа, выходящего из первой машины.

Иванов подходит к Ольге. Она стоит в стеснении против него.

Иванов сразу подымает ее, берет к себе на руки, как ребенка, и уносит по ступеням в дом.

Американские офицеры, наблюдавшие эту сцену, аплодируют. К американцам подходит Моргунов; он представляется старшему офицеру, здоровается со всеми и каждому говорит что-то, затем приглашает их в помещение. Американцы, смеясь, обнимают Моргунова, — и вся веселая группа офицеров подымается в дом.

Весенний вечер. Магазин женского готового платья.

Из магазина выходят с коробками покупок Моргунов, Исаев и Белоярцев.

МОРГУНОВ. Счастливые глупы и недогадливы!

БЕЛОЯРЦЕВ. Да, а я бы хотел быть сейчас таким глупым, как наш Алексей.

Вход со двора в тот дом, где находится Иванов. Появляются три наших офицера с покупками. Стучат в дверь. Дверь отворяется, выходит Ольга. Офицеры ставят коробки у ног женщины.

ОЛЬГА. Кому это?

МОРГУНОВ. Вам, вам, душка вы наша. Примите и не обижайте нас, старых вдовцов и сирот.

Офицеры одновременно козыряют и поворачиваются налево кругом.

Поздний вечер. Играет музыка. Вестибюль большого ресторана, где происходит банкет для офицеров союзных армий. Русские и американские офицеры беседуют и курят в вестибюле.

И вдруг офицеры расступаются, давая дорогу. Появляется Иванов под руку с женой. Иванов в парадной форме и с орденами. Ольга одета в европейское весеннее платье, в лакированные туфли, голова ее причесана, как быть должно. Она выглядит теперь почти как девушка, и радость сделала прекрасным ее лицо. Позади них следует счастливый Моргунов. Зал ресторана. Посредине люди танцуют, у стен ужинают за столиками.

За одним столиком сидят Иванов и Ольга. Ольга находится в состоянии, близком к волшебному сновидению. Иванов время от времени трогает руку Ольги, проверяя, здесь ли она в действительности. Они молчат.

Американский майор обращается к Иванову — он просит разрешения пригласить Ольгу на танец.

Ольга танцует с американцем. Моргунов танцует с Габриэль. Музыка играет какой-то бушующий танец.

Усталая Ольга возвращается к мужу. Иванов улыбается; он доволен, что Ольге здесь хорошо; он угощает ее вином и фруктами.

ИВАНОВ. Дети там не забыли меня?

ОЛЬГА. Нет... Только Настя все спрашивает: а какой папа?

ИВАНОВ. Она маленькая крошка была...

ОЛЬГА. Она маленькая.

ИВАНОВ. А мама как?

ОЛЬГА. Я боялась тебе сказать... Мы берегли ее, но она все скучала по тебе, все тосковала, она думала — ты давно убит, и она умерла...

Молчание.

ИВАНОВ. Давно уже мамы нет?

ОЛЬГА. Давно, Алеша.

Моргунов, Белоярцев, Исаев и еще два офицера сидят за столиком. К ним подходит официантка с вазой, в которой лежат конфеты, шоколад, маленькие подарки; у официантки есть также цветы. Офицеры платят деньги официантке и говорят, куда нужно отнести цветы и то, что в вазе.

Официантка подносит подарки к столу Ивановых и с поклоном кладет на стол все, что было в вазе, и цветы.

Иванов и Ольга смотрят в сторону друзей — офицеров; друзья им кланяются издали и делают жесты сочувствия и дружелюбия. Моргунов подымает бокал, предлагая тост. Все пьют на том столе за их здоровье. Иванов и Ольга отвечают тем же.

ОЛЬГА. У тебя раны не болят, Алеша?

ИВАНОВ. Не болят, нет... Залечили крепко. Расскажи мне о себе, я думал — тебя нет в живых.

ОЛЬГА. А я думала тебя нету... А я без тебя не могу, а у меня дети...

ИВАНОВ. Да, наши дети... Я бы Настю хотел сейчас на руках подержать. А Степан и Петрушка уже большие выросли?

ОЛЬГА. Они большие выросли, Алеша, и разумные стали.

ИВАНОВ. Я тебя поцеловать хочу, Оля. Спасибо, что ты детей сберегла, выкормила и вырастила. Четыре года я думал, когда прикоснусь к тебе, я и во сне тебя видел, в бреду с тобой говорил...

ОЛЬГА (смущенная). Не надо, Алеша, не надо меня целовать.

ИВАНОВ. Ты отвыкла от меня?

ОЛЬГА. Нет... Зачем мне подарили это платье, туфли, зачем ты меня шоколадом кормишь и вином? Мне не надо.

ИВАНОВ. Почему?.. Да тебя в золото надо одеть, пуговицы из бриллиантов сделать и всей этой Европе показывать, чтобы они руки тебе целовали.

ОЛЬГА. Алеша, я больше не могу... Не хвали меня, не люби меня. Здесь так хорошо с тобой!

Иванов ничего не понимает. Подходит Белоярцев и приглашает Ольгу на танец.

ИВАНОВ. Ей сейчас некогда. Ступай прочь пока.

БЕЛОЯРЦЕВ. Есть! Прошу прощения.

И Белоярцев отходит.

ОЛЬГА. Алеша, я не такая, какая была... Я не стерпела жизни и тоски по тебе, а если бы стерпела, я бы умерла, я знаю, что я бы умерла тогда, а у меня дети и я бы тебя никогда не увидела...

ИВАНОВ. Так что же было с тобой, милая, бедная моя?

ОЛЬГА. Я чувствовала, что пропадаю без тебя, мне нужно было — пусть кто-нибудь будет со мной, я измучилась вся, и сердце мое темное стало, я детей своих уже не могла любить, а для них, ты знаешь, я все стерплю, для них я и костей своих не пожалею...

ИВАНОВ. Подожди, не надо больше... У тебя что, у тебя человек был?

ОЛЬГА. Был, Алеша.

ИВАНОВ. А он что — он не обижал моих детей?

ОЛЬГА. Он их любил, Алеша, он добрый был, он пожилой уже.

ИВАНОВ. Пожилой уже?

ОЛЬГА. Пожилой, у него своя семья погибла...

Молчание. В зале веселое оживление. Музыка играет новый вальс.

К Ивановым подходит сразу группа офицеров: Белоярцев, Моргунов, Исаев, два американца. Еще несколько не дойдя до Ивановых, один американец надламывает спички, подает их своим спутникам, те берут спички, спичка с целой головкой достается Моргунову, — ему, следовательно, досталось право пригласить Ольгу на танец.

Моргунов увлекает Ольгу в танцующую толпу.

К оставшемуся в одиночестве Иванову подходит Габриэль и протягивает ему руку, приглашая танцевать, но Иванов отказывается. Габриэль с наивной алчностью глядит на уставленный стол. Иванов указывает ей на стул.

Габриэль садится охотно. Она сама наливает себе вина, выпивает, и жадно, не сдерживаясь, кушает пищу. Она веселая и голодная. Иванов глядит на нее равнодушно, но он добр по привычке и подвигает ей различные яства.

Ольга и Моргунов возвращаются к столу Иванова.

ГАБРИЭЛЬ (вставая). Мерси! (И уходит).

ОЛЬГА (обращаясь к Моргунову). Это кто?

МОРГУНОВ. Да так — неизвестно кто: местная обедневшая империалистка!

Моргунов кланяется, целует руку Ольге и уходит.

ОЛЬГА. Алеша, пойдем домой.

ИВАНОВ. А где мой дом теперь?

ОЛЬГА. Со мной, Алеша.

Она берет его за руку. Иванов встает, безвольный, как спящий.

Они подходят к тесной толпе танцующих. Им нельзя пройти между танцующими. Они останавливаются. Ольга кладет свою руку на плечо мужа, другой обнимает его и ведет его в танец, вписываясь в тесный круг танцующих.

Они удаляются среди танцующих; они у выхода наружу.

Улица чужого иноземного города. Горелые дома. Безлюдие. На проезде валяется битая немецкая техника — пушки, повозки, зарядные ящики, пустые автомашины, а также бревна, трупы лошадей и немецких солдат и прочее.

Ольга ведет за руку Иванова, как маленького, по этой улице. Иванов покорно идет.

Затем он вырывает свою руку от Ольги — и действует: хватает бревно, сворачивает его с дороги и отшвыривает, приподнимает за подножку малолитражную разбитую машину и опрокидывает ее, кантуя через крышу;

берет лафет у легкого орудия и волочит всю пушку в сторону; раскачивает наклонившийся столб с траверзами наверху и рушит его на землю; наклонившись, подымает заостренный труп немца и бросает его от себя.

Действуя так, Иванов удаляется от зрителя, а Ольга тихо идет за ним. Уже не видно ясно и точно, что именно там сокрушает Иванов, только слышен гром его работы. Они вблизи. Ольга берет мужа за руку. Иванов глядит на нее одичалым и кротким лицом.

ИВАНОВ. Я утомиться, я измучиться хочу и не могу.

ОЛЬГА. А зачем? Ты успокоишься только со мной, больше ни с кем.

Иванов берет Ольгу на руки, несет ее вперед и сажает в пустую повозку, а повозку катит перед собою, упираясь в нее руками, сзади. Ольга, сидя в повозке, улыбается, глядя на мужа, и болтает ногами.

ОЛЬГА. Успокойся! Все ведь не так, как ты думаешь.

ИВАНОВ. Прочь уходи!.. Прочь ты от меня, пока я, пока мое сердце еще любит тебя!

Ольга прыгает с повозки — и уходит одна по дороге во тьму, а Иванов стоит неподвижно и смотрит ей вслед; он делает движение в сторону ушедшей — несколько шагов, и останавливается.

Затемнение.

Весенний день. Площадь того же иностранного города. Парад союзных войск. В отдалении стоят старшие офицеры — русские и американские, — принимающие парад. На одной стороне площади, на тротуаре, среди наших интендантов военнослужащих, стоит в качестве зрителя Ольга; она одета теперь в ватник, в валенки, в теплый платок, — в ту одежду, в которой приехала; у ног ее стоит домашний чемодан. Музыка играет торжественный марш. По площади проходит американское подразделение.

Затем движется наша сводная рота; во главе ее идет Иванов; он идет точным шагом с обнаженной опущенной саблей; окаменевшее, словно мертвое лицо его смотрит прямо перед собой. Проходя мимо старших командиров, Иванов поднимает саблю в положение салюта — и у Ольги, следящей за мужем, катятся в этот момент слезы из глаз.

КПП на дороге за городом. Группа наших командиров, ожидающая машин. К этой группе подходит Моргунов, провожающий Ольгу.

МОРГУНОВ. Мало вы у нас погостили, Ольга Васильевна...

ОЛЬГА. У меня отпуск скоро кончается, а ехать нужно долго.

МОРГУНОВ. Жалко, жалко...

Подходит пустой грузовик. Пассажиры залезают в него; садится в кузов и Ольга; Моргунов подает ей чемодан, прощается с ней. Грузовик трогается и уезжает.

МОРГУНОВ (один). Да, любовь существует. Жениться, что ль, после войны?.. Эх ты, пустое, вольное мое сердце!

Вечер в кафе в западноевропейском городе. Игрет музыка. Разная публика наеляет кафе: есть немного местной гражданской публики, но большинство — военные, наши и американцы. За одним столиком сидит одинокий Иванов и пьет вино. Несколько пар танцуют. В одной танцующей паре — Габриэль, она замечает Иванова — и подходит к нему.

ГАБРИЭЛЬ. Бон-суар.

ИВАНОВ. Здравствуйте. Кушать хотите?

ГАБРИЭЛЬ. Нон.

ИВАНОВ. А пить? (Иванов поясняет ей смысл слов жестами, но Габриэль немного и сама понимает по-русски).

ГАБРИЭЛЬ. Уй, конечно.

Она садится, пьет вино. Иванов вначале задумчиво и равнодушно глядит на Габриэль, но потом оживляется: Габриэль внешне хороша, она держится просто и откровенно, а Иванов хочет забыться с ней.

ИВАНОВ. Муж, муж есть у вас?

ГАБРИЭЛЬ. Мьюж, мьюж...

Иванов показывает на себя.

ИВАНОВ. Такой, как я?

ГАБРИЭЛЬ (понимая). Нон, нон. Бон-ами, бон-ами...

ИВАНОВ. Ага. Жених, что ль?

ГАБРИЭЛЬ. Уи, уи, женых! (Она изображает жестами, какого он роста и что у него усы).

ИВАНОВ. А чего же ты здесь крутишься? Жених есть, выходи замуж!

ГАБРИЭЛЬ. Лё травай, лё травай...

ИВАНОВ. Что?

ГАБРИЭЛЬ. Лё травай... (Показывает игрою рук). Ту-тук-тук! Лё травай!

ИВАНОВ. Не понимаю... Ни дьявола не понимаю...

ГАБРИЭЛЬ (думая). Трюдящи... Ту-тук!

ИВАНОВ. Ага, ты на работе!

ГАБРИЭЛЬ. Работ, работ.

ИВАНОВ. А жених знает, жених, я говорю, знает?

Иванов вынимает бумажник и показывает на него.

ГАБРИЭЛЬ. Уи, уи.

ИВАНОВ. И жених, бон-ами этот знает, что ты... (Делает поцелуй в воздухе. Показывает на бумажник).

ГАБРИЭЛЬ (смеясь и понимая). Бон-ами? Уи, уи.

ИВАНОВ (размышляя, смущаясь). Как же так? Вот стерва-то! Да и жених стервец!

И далее Иванов показывает ей на себя — и заламывает для отсчета один палец на руке, — указывает на другого мужчину в кафе — заламывает другой палец, — на третьего — третий палец и т. д., до десяти на двух руках. Габриэль понимает и смеется; она так же считает на пальцах на своих руках и, когда пальцы на руках у нее все были уже заняты, она показала на свои пальцы на ногах — и рассмеялась еще веселее.

ИВАНОВ. И своему бон-ами ты про всех говоришь, про всех про нас? (Показывает ей игрою, что это значит).

ГАБРИЭЛЬ (поняв). Нон, нон! (Делает жест, как бы зачеркивающий пальцы на ногах, и разжимает пальцы на одной руке) Польовин!

ИВАНОВ. Половину только? Ясно!.. Да, баба ты миловидная, а не наша.

ГАБРИЭЛЬ. Экуа?

Иванов вынимает из бумажника деньги и подвигает их Габриэль. Габриэль мгновенно их прячет куда-то, неуловимо куда.

ИВАНОВ. Вот тебе экуа... Ступай домой отдыхать! Получай деньги за беседу!

Габриэль ничего не понимает. Поднявшись со стула, она берет Иванова за руки и пытается увлечь его за собою. Но Иванов машет рукой.

ГАБРИЭЛЬ. Оревуар?

Иванов подтверждает. Удивленная и недовольная Габриэль уходит. Но, отошедши, тут же возвращается, целует Иванова в губы, оставляет что-то на столе и исчезает.

ИВАНОВ (взяв деньги, что оставила Габриэль). Половину оставила обратно!.. Ах ты, лё травай, лё травай, бедная дочка!

Затемнение.

День в комнате Ивановых. Петрушка подметает комнату. В комнате кроме прежних предметов находится кровать, ковер-подстилка, два чемодана и несколько мелких вещей — из комнаты Пашкова. Всё это уставлено как следует, по-хозяйски и содержится в порядке.

ПЕТРУШКА. Мать приедет — оладьев напеку, компот сделаю, полы вымою — чего еще надо!.. Отец небось подарков нам пришлет: мне часы на левую руку, Степке и Насте — тоже чего-нибудь.

Приходит Софья Ивановна с телеграммой.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Гляди-ка, Петр, вам телеграмма: мать не нынче завтра будет.

ПЕТРУШКА (отбирает телеграмму и кладет ее не читая). Чего она раньше времени? — может, с отцом беда какая?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Да ну уж, какая беда, раз жив! Вот с моим беда — ни слуху, ни духу!

ПЕТРУШКА. Да тебе чего — ты отвыкла. Вон тетка Марья из керосинной лавки вышла за инвалида, и ты женись на инвалиде, у кого вторая категория!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Да ты найди хоть, а я погляжу да подумаю.

ПЕТРУШКА. Сыщу: давай ведро капусты.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. У, идол малолетний! (Она уходит).

Внутренность жесткого вагона, густо населенного. На лавке сидит осунувшаяся Ольга. Против нее сидит одинокий инвалид; он кушает сало и яйца и угощает Ольгу. Она отказывается и, открыв свой чемодан, вынимает оттуда бутылку коньяку и ставит его инвалиду. Тот довольный, открывает бутылку, но вагон останавливается, инвалид берет чайник и уходит за кипятком.

Поезд стоит на небольшой станции. Вокруг лес, солнечный весенний день. Играет музыка из большого репродуктора над зданием станции. На платформе станции танцуют друг с другом местные девушки-крестьянки. Все счастливы и веселы; и эти девушки, и местные колхозные старики, и станционные железнодорожники. Одни пассажиры, вышедшие из вагонов за кипятком и за продуктами, ничего не понимают.

Наш безрукий инвалид, что вышел с чайником, был окружен смеющимися, счастливыми девушками, одна из них обняла его и танцует с ним, а другая побежала с чайником за кипятком. Внутренность вагона, в котором сидит Ольга. Вагон трогается. Входит счастливый инвалид с чайником. Все обращаются к инвалиду.

ИНВАЛИД. Германия сдалась, и наша полная победа.

КТО-ТО ИЗ ПАССАЖИРОВ. Не пустое ли люди говорят?

ИНВАЛИД. Правда. Москва ликует, по радио слышать. Войны нету.

Инвалид глядит на Ольгу.

ИНВАЛИД. Не солдатка ли? Говорила, от мужа едешь?

ОЛЬГА. Солдатка.

ИНВАЛИД. И я, видишь, был солдат.

Ольга обнимает и целует инвалида несколько раз.

Лицо ее освещается всеобщей радостью.

За окном вагона — свет весны, зеленые сосны — и затем огромное ровное бесконечное пространство, состоящее лишь из неба, земли и света, но это наиболее простая и лучшая картина русской природы.

Раннее утро. Восходит солнце. Вокзал в том поселке, где живет Ольга. Слышна прежняя знакомая мелодия работающих агрегатов близкой электростанции. Возле путей стоят Петрушка и Настя. Петрушка обут в один валенок, и на другой его ноге калоша, подаренная еще Пашковым, подвязанная веревочкой. Настя одета чисто и аккуратно. Слышен звук подходящего поезда — работа паровоза.

Подходит поезд. Петрушка взял Настю за руку и побежал мимо поезда, заглядывая во все окна вагонов.

Появляется и заспанный Степан.

Из одного вагона выходит Ольга.

Ольга среди своих детей. Они окружили ее, обнимают и целуют ее.

СТЕПАН. А скоро отец-то приедет? Война уж кончилась!

ПЕТРУШКА. А раны у него зажили?

НАСТЯ. Мама, а папа любит меня?

Мать медленно идет с детьми через рельсы. Пустая комната Ивановых. Входит вся семья. Ольга оглядывает комнату и видит чужие вещи. Она узнает их.

ПЕТРУШКА. Это дядя Семен уехал.

ОЛЬГА. Куда же он уехал?

НАСТЯ. Мама, он мне сказал — неизвестно, далеко-далеко и навсегда. Так он сказал.

ПЕТРУШКА. А вещи он мне подарил. Он сказал: владей, Петрушка. Ему не надо! Теперь у нас хорошо стало!

Ольга садится среди детей.

ОЛЬГА. Скоро отец приедет, мы уедем домой.

Затемнение.

Ночь в комнате Ивановых. Петрушка спит на подаренной кровати. Степан на раскладной кровати умершей бабушки, а Ольга и Настя на полу. Ольга не спит; ее глаза открыты: в них блестят неподвижные слезы.

МИНОВАЛО МИРНОЕ ЛЕТО

Осенний день. Кладбище. Могилы покрыты опавшими листьями.

На кладбище появляется Иванов: в руках у него чемодан; он в шинели без погон.

Он подходит к могиле своей матери. На деревянной доске, прибитой к кресту, обозначено ее имя. На могиле еще растут поздние цветы.

Иванов снимает фуражку, становится на колени у могилы и припадает к ней лицом.

На кладбище приходит Настя. Она несет в руках старую, давнюю плошку, в которую посажен теперь свежий цветущий цветок. Настя тихо подходит сзади к отцу, припавшему к земле, и стоит с плошкой в руках, не зная, кто это здесь у могилы.

Отец подымает лицо от земли и молчит, не видя Настю. Настя подходит к кресту, ставит под него плошку с цветком и обирает могилу от листьев. Отец молча глядит на дочь.

ИВАНОВ. Настя!

Настя приближается к отцу.

НАСТЯ. Я Настя Иванова, а вы папа — или нет?

Иванов прижимает ее к своей груди и целует ее ручки, ее лоб, ее уши и ее глаза. Комната Ивановых. На горячей печке варится пицца. Петрушка один. Он сидит за столом и читает по складам книгу:

— Мос-мос-ква-ква бело-бело-камен-ная.

Сорвавшись со стула, он помешал суп в горшке, попробовал его на вкус и опять стал читать.

Вошла Настя.

НАСТЯ. Папа пришел.

ПЕТРУШКА. Врешь! Смотри, я сам читаю...

Входит отец Иванов. Петрушка недоверчиво глядит на него.

ИВАНОВ. Здравствуй, Петр!

Петрушка припадает к шинели отца. Приходят с работы Ольга и Степан.

СТЕПАН (серьезно). Здравствуй, отец!

ИВАНОВ. Степан... Здравствуй, мой первенец! Здравствуй, большой!

Он целует Степана. Ольга стоит замерзшая у двери. Иванов целует ее холодно в лоб. Семья сидит за столом. Дети оживлены. Родители серьезны.

ПЕТРУШКА. Небось уморился, отец, на войне. Ты ешь говядину, мы ее получили.

ИВАНОВ. Немножко уморился. Ничего, теперь я отдохну... Вот завтра я в Москву поеду, а потом оттуда за вами приеду, все трое сразу поедимте со мной, мы там будем жить.

НАСТЯ. А мама?

ИВАНОВ. А мама — мама потом приедет.

Все умолкли.

ИВАНОВ. Кровать у вас новая, — по ордеру получили?

НАСТЯ. Это не наша. Ее дядя Семен подарил нам.

Все молчат.

ПЕТРУШКА. А мать где будет? Без матери нельзя.

ОЛЬГА. Я... А я здесь с бабушкой останусь. Я к ней пойду.

Ольга плачет, прикинув к кровати.

СТЕПАН. Отец, зачем ты мать пугаешь? Она и так, посмотри, худая, картошку без масла ела, а масло Настьке отдавала, она помрет скоро.

ИВАНОВ. А знаешь, что мать делала здесь, чем она занималась?

ОЛЬГА. Алеша!..

ПЕТРУШКА. Мы знаем... Мать по тебе плакала, тебя ждала, а ты приехал, она тоже плачет. Ты не знаешь!..

НАСТЯ. Мама, это правда папа?

Ольга, вставши, берет Настю за руку и уводит ее из комнаты. Петрушка и Степан тоже уходят из комнаты.

Иванов один. Он одевает шинель, фуражку, берет чемодан. Приходит одна Ольга.

ОЛЬГА. Зачем так нужно было? Дети все поняли.

ИВАНОВ. А по-вашему как? Солдат умирай за других, солдат и жену отдавай другому, — и чтоб дети радовались?

ОЛЬГА. Нет. Вы бы сказали мне одной, я бы умерла, и дети никогда ничего не узнали и остались при вас.

ИВАНОВ. Так, значит, было что знать?

ОЛЬГА. Было, я вам говорила.

Иванов молча и сразу уходит. Ольга одна. Возвращаются трое детей.

СТЕПАН. Мама, нам на работу скоро пора. Садись кушать, ты ничего не ела.

ОЛЬГА. Сейчас...

ПЕТРУШКА. А когда поезд в Москву пойдет?

СТЕПАН. А тебе зачем в Москву?

ПЕТРУШКА. У нас дело есть. Нам с отцом надо жить.

Вокзал. Стоит пассажирский поезд. В тамбуре вагона у открытой двери стоит Иванов.

Поезд трогается и уходит.

Дорога, выходящая из поселка. По этой дороге бегут из поселка к переезду Петрушка и Настя, но они далеко, их нельзя узнать из-за расстояния: видно только, что один из них побольше, а другой поменьше.

Петрушка, взяв за руку Настю, быстро увлекает ее за собой, а Настя хлопчет ножками за Петрушкой, и тогда Петрушка волочит ее за собой.

Переезд. Через него проходит поезд. В тамбуре вагона по-прежнему стоит Иванов и глядит перед собой.

Последний вагон поезда миновал переезд.

Двое детей добежали до переезда.

У переезда они сразу оба упали, поднялись и опять побежали вслед за поездом, устремляясь вперед по песчаной дорожке, что рядом с линией. Одна нога Петрушки одета в валенок, а другая в калошу.

Петрушка поднимает левую свободную руку в сторону уехавшего отца и машет рукою к себе, чтобы отец возвратился.

Потом они бегут еще быстрее вслед поезду.

И тут они оба сразу упали на землю.

Иванов высунул из тамбура и смотрит назад.

С точки зрения Иванова. Он видит Петрушку и Настю, все более отстающих от поезда и все еще бегущих — и дети снова упали. Иванов опускает свой чемодан с порожек вагона на землю и прыгает вслед за ним с поезда.

Затемнение.

Обмоточный цех. Группа работниц.

Ольга работает, считая вилки: семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...

В цех входит Иванов. Все работницы обращают на него внимание, и больше всех Софья Ивановна. Ольга одна работает сосредоточенно.

Иванов подходит к ней и кладет ей руку на голову.

Ольга поднимает голову.

ИВАНОВ. Здравствуй... Прости меня, я не мог тебя дождаться.

Он целует ее. Некоторые работницы растроганы и утирают слезы.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Здравствуйте, Алексей Алексеевич...

Иванов здоровается с ней и со всеми другими.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ступай, Оля, отпросись, а мы твою норму себе возьмем. У тебя же великое дело: муж приехал. Я бы тут...

ОЛЬГА. А вы и так, Софья Ивановна, на обед сегодня не ходили.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Поужинаю два раза — забота какая. Иди.

ИВАНОВ (кланяясь всем). Спасибо вам!

СОФЬЯ ИВАНОВНА И ДРУГИЕ. И вам спасибо... И вам!.. Отдыхайте теперь! Семью свою растите!

Все подходят к Иванову и снова жмут ему руку, трогают его шинель, пожилые работницы гладят его по груди и целуют.

Иванов и Ольга уходят.

Иванов и Ольга стоят в уединении под старым лиственным деревом, шумящем на ветру.

ИВАНОВ. Оля, ты прости меня, что было.

ОЛЬГА. Не в чем прощать, Алеша, ты и тогда любил меня.

ИВАНОВ. Нет. Это я думал, что люблю тебя, а я любил самого себя.

ОЛЬГА. А теперь, Алеша, а теперь?

ИВАНОВ. Только теперь мое сердце пробилось к тебе, и это дети мои помогли мне...

ОЛЬГА. Ты славный, ты честный мой... Алеша, пойдем к нашим детям.

ИВАНОВ. Пойдем домой, Оля.

Иванов берет жену за руку, и они удаляются, они уходят по дороге в уже сияющий светом электрический городок.

Комната Ивановых. В комнате хлопочут Петрушка и Настя. Они уже разобрали кровать Пашкова на части — и Петрушка выволакивает прочь наружу разобранные части железной кровати; он уходит с одной частью, возвращается за другой, а Настя тем временем собирает мелкие вещи и безделушки, стоявшие некогда в комнате Пашкова, складывает их в корзину и корзину эту волочит прочь в дверь.

Ночь в комнате Ивановых. Горит свет, занавешенный самодельным абажуром — куском материи. В комнате прежняя обстановка, когда в ней не было вещей Пашкова. На раскладной бабушкиной кровати спит Степан; на полу спит Ольга, а справа и слева от нее лежат спящие Настя и Петрушка, положившие руки на мать, словно для ее защиты. На стене висит верхняя одежда Ольги — ватник, теплый платок, грубая рабочая юбка. Иванов сидит один на табуретке и наблюдает свою семью. Лица детей спокойны, лицо Ольги истощено, закрытые запавшие глаза ее обведены черными кругами, но выражение его означает гордость и уверенность мощного существа. Тишина. Лишь слышится заглушенная мелодия машин вечно работающей электростанции.

Иванов подходит к одежде жены, трогает ее, касается лицом ватника и целует, приложив к лицу, рабочий теплый платок своей жены.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ТЕМЫ СЦЕНАРИЯ ПОД УСЛОВНЫМ НАЗВАНИЕМ «БЕССМЕРТНЫЙ СОЛДАТ»

Общая и конечная идея сценария заключается в изображении и доказательстве того, что война во имя истины жизни своей родины и смерть на войне являются высшим творческим действием человека [если истина воодушевлена истиной его родины, совпадающей с общечеловеческим идеалом, истиной, в которой рожден и воспитан человек-солдат. Война может идти с переменным успехом, но конечная победа остается за тем народом, в котором воплощена истина исторического развития, который предварительно, еще до войны, был нравственно воодушевлен этой истиной, а не за тем народом, который является носителем преходящего]. (Текст в скобках вычеркнут Платоновым).

Истинность этой идеи для меня однажды открылась на фронте — в лице одного красноармейца.

В одном артиллерийском расчете работали три бойца — Иван, Петр и Степан, все на одну фамилию Свиридовы — не братья, а жители одной деревни, где действовали всего две фамилии — Свиридовы и Матюшкины.

Горе сравняло Ивана, Петра и Степана Свиридовых: у всех у них погибли семьи в войне жены, дети и родители; они одинаково были теперь сиротами. И деревня их теперь, в Смоленской области, сотлела от вражеского огня, ветры и потоки сровняли место, где когда-то родились и выросли солдаты, и родная деревня ушла в прах и забвение.

Известие о постигшем горе застало Свиридовых на позиции, перед боем. Бойцы были разными людьми, с разными душами, и горе судьбы они перенесли каждый по-иному: 1) Степан — в прошлом темный человек, исхищенный преступник, творивший зло и беззаконие в своей деревне, разбивший сердце жены, живший лишь для наслаждения жизнью и жертвовавший всем ради этого наслаждения, — Степан, потрясенный войной, горем и реальностью смерти, — ищет в боях и бесстрашном поведении искупления грехов своей жизни, но в течение всей драмы войны он убеждается, что искупление к нему не приходит: война не исправленческий дом, она не оправдывает прошлое и не дает утешения сердцу преступника. Более того, такое самоощущение не уменьшает эгоизм Степана и он в боях ведет себя недостойно; воспитавший себя в привычке к наслаждению и радости жизни, он является в сражении трусом; 2) Петр — семьянин; он не может смириться с гибелью своих детей; он сознательно решил разделить их участь стать мертвым, — но по дороге в могилу он решил сокрушить в отмщение смертоносную силу фашизма, и эта решимость превращает его в искусного бойца, совершенно равнодушного к опасности, но не встречающего своей смерти. Третий боец, Иван Свиридов, иначе решает свою судьбу. Для него война есть высшее творческое действие человека. Он не ищет в ней гибели, подобно Петру, или искупления прошлой неправильной жизни, подобно Степану, он ищет в войне средства для улучшения всемирной жизни; он понимает ее как творчество нового мира через уни-

чтожение зла; Иван становится мастером смерти врага; он на войне возвышает свое понимание жизни, становясь как бы заместителем всех погибших и умерших и живя во имя их, ради них, совершая дела и подвиги, не совершенные ими. В душе Ивана Свиридова существует идея, отвечающая его совести и осмысливающая его существование — после (сего? — нрзб.) необходимо оставить землю, где вместо смерти была бы возможна жизнь, чтобы судьба его семьи и его самого больше не повторилась. И в сей особенной, творческой жизни, творящей смерть злодейству, Иван Свиридов находит питание для своей потрясенной души и терпение для всех страданий войны.

Все эти характеристики главных действующих лиц сценария изображаются их поведением в бою. Бой с врагом есть высшее выражение драмы народа — в нем, в бою, находят свое явное, точное и простое отражение вся правда сражающегося народа и все его слабости.

Бой, искусно, глубоко и точно изображенный, открывающий всю тайну человека, участвующего в бою, все его надежды и недостатки человека, такой бой и будет конкретным воплощением народной драмы, данной в немногих сравнительно лицах.

В бою Иван Свиридов утрачивает руку и глаз. Давление огня противника было столь велико, что в этом бою погибает от трусости Степан, затем погибает и Петр, державшийся почти до конца боя, трижды раненный.

Однорукий и одноглазый Иван действует в одиночестве.

В госпитале Иван встречает санитарку Марусю, напоминающую ему своим образом и характером мать и сестру. Между Иваном и Марией возникает глубокая симпатия — не только любовь, но то более возвышенное чувство, когда человеческие существа прижимают(ся) друг к другу ради сохранения от гибели своего самого драгоценного состояния, что в них вложили народ и родители, — может быть, это следует назвать чувством свободы и человеческого достоинства, которые должны быть сохранены для достижения развития человеческого существа.

Иван Свиридов, уже переживший тайну творческой жизни в бою, желает, однако, возвратиться в действующую часть. Его просьбу об этом удовлетворяют, в чем ему помогает Мария Михеева.

Иван и Мария встречаются в подразделении морской пехоты. Иван снова артиллерист — он работает с некоторыми им самим изобретенными приспособлениями, устраняющими его телесный недостаток. Вместе со своей частью он проходит деревню, в которой родился, откуда теперь немцы уже изгнаны. Там он отыскивает свою мертвую мать и прощается с нею.

Иван Свиридов, не отказываясь от своей любви к Марии, находит для этого своего чувства высшую одухотворенную форму, из которой исключена необходимость телесной близости; самой высшей необходимостью и участью Ивана является бой с врагом. Тема любви его решается тем, что [она уходит в сферу звезд. Мария понимает Ивана]... (Текст в скобках зачеркнут).

В следующем бою Иван лишается глаза, затем ему сильно ранят ногу, затем голове. Весь расчет орудия перебит. Сражается один Иван Свиридов, утрачивающий в бою почти все свое тело, почти всю свою жизнь. Этот бой (нрзб.) долгий, имеет паузы, имеет кульминацию; он полон нарастающего подвига Ивана Свиридова, подвига, слагающегося из прозаических моментов, его героического приспособления к тому, чтобы вести огонь, имея в себе лишь исчезающую жизнь, — он непрерывно изобретает свое поведение и заместителей своим ослабевшим убывающим органам тела. Он борется на два фронта с противником и со смертью, уже вошедшей в него огнем. Он управляет своим изнемогающим телом, и дух его возрастает в своей силе и торжествует: орудие Свиридова работает; враг гибнет перед ним.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ТЕМЫ КИНОСЦЕНАРИЯ С УСЛОВНЫМ НАЗВАНИЕМ «СЕМЬЯ ИВАНОВА»

Дело происходит во время окончания войны и после войны. Это история одной советской семьи, которая, будучи потрясена войной, доведенная роковыми обстоятельствами до катастрофы, переживает катастрофу и обновляется в огне драмы, обновляется таким образом, что ее послевоенное положение является более прочным, возвышенным и духовно счастливым, чем до войны. То, что в молодости супругов было лишь чувственным, теперь стало чувством. [Это история гибели и спасения семьи]. (Зачеркнуто). Закаленные сердца людей теперь обрели способность регулировать свои страсти на свое благо, тогда как прежде их лишь увлекали стихии страсти — иногда на радость, но чаще на муку и на погибель. Характеры же наших героев, воспитанные в подвигах войны и труда, ныне способны стали владеть любовью, не угашая ее и не подвергаясь ее разрушительной силе. В этом моральная новость послевоенного советского мира. Но это не просто обретено в результате войны, это завоевано мучением и напряжением достойных человеческих сердец, что и составляет предмет пьесы.

На войне воюет капитан Николай Алексеевич Иванов, командир батальона. В удаленном тылу живет его семья: жена Евдокия Дмитриевна, 32 лет, инженер машинного зала районной электростанции, и дети: Петр — 13 лет, Настя — 9 и Володя — 7 лет. От мужа уже три года как нет сведений: больше шансов, что он погиб.

Жене Евдокии трудно живется — работает она почти круглые сутки (большая станция работает с предельной нагрузкой; в сценарии будут эпизоды, характеризующие и работу электростанции в дни войны, и образ инженера Евдокии Ивановой как труженика). Затем ей и морально и материально трудно: любимый муж, вероятно, погиб, она духовно одинока, у нее трое детей, растущих почти без ее надзора.

У начальника отдела снабжения станции Степана Семеновича Шипова в войне погибла вся семья: жена и четверо детей; он совершенно одинок. Ему уже 45 лет; по душевному складу он семейный человек, ему необходимо непрерывно заботиться о близких, иначе он жить не может.

На образе и поведении Евдокии Ивановой лежит печать сдержанной печали: она реально видит яростный трудный мир, где предстоит жить ее детям, и она боится за них. Ее образ, центральный в пьесе, подлежит особо глубокой детальной разработке в сценарии; общими словами его выразить нельзя.

Обстоятельствами судьбы и совместной службы Евдокия Иванова и Шипов сближаются. Шипов любит Евдокию скромным, ясно не выраженным чувством и обожает ее детей; кроме того, он и материально помогает семье существовать, делая это с большим тактом.

Дети Ивановых — резко выраженные существа. Старший, Петр, служит почтальоном — ради заработка и ради того, чтобы письмо, которое когда-нибудь придет отец, не пропало на почте. Он ведет хозяйство семьи, он главный заботчик о младших детях, он, тринадцатилетний, как бы заместитель отца. Младшие, Настя и Володя,

тоже дети раннего понимания действительной жизни, и одновременно мать сохраняет в них чистоту детства, прелесть невинных душ.

Внезапно приходит письмо от друзей Иванова, что он ранен и находится во фронтовом госпитале. Евдокия, узнав об этом, точно освещается вся изнутри. Она берет отпуск, оставляет на время детей и едет к мужу. Она видела войну — и видит ее теперь по дороге на запад, куда ушли наши войска. Война показывается как бы с обратного конца. В госпитале, где должен быть Иванов, его уже нету: он выписался в часть. Евдокия едет в часть, к переднему краю. Бои происходят далеко за нашими границами. Наши войска берут большой заграничный город и входят туда; входит туда же и батальон Иванова. В этот заграничный город приезжает Евдокия Иванова — и находит там мужа. Происходит встреча их после четырехлетней разлуки. Встреча происходит в обстановке чужого весеннего города (м. б., это будет весна). Здесь же есть представители союзных войск (американцы и англичане). Иванов близок к совершенному счастью, военному и личному.

Однако Евдокия прямодушно объясняет ему свое положение: у нее был человек Шипов, близкий как муж. Иванов по-мужски, и ярости, сразу отвергает Евдокию и порывает с ней. Он остается один среди товарищей. Товарищи его утешают; он даже в момент отчаяния знакомится с одной западной женщиной — и видит существенную разницу между Евдокией и этой западной женщиной, что лишь увеличивает его отчаяние.

Евдокия уезжает в одиночестве домой, в тыл, пораженная до глубины сердца непониманием мужа ее положения, непониманием ее непрестанной любви к нему.

Дома она повергается в одиночество — больше, чем прежде, когда у нее еще была надежда, что муж жив, — и дети ее не могут утешить, а Шипова она удаляет из дома навсегда. Война окончена. Иванов демобилизуется и возвращается домой, чтобы забрать у жены детей и начать новую жизнь в другом городе. У него даже есть такой другой город на примете, у него есть и женщина, демобилизованная медицинская сестра, с которой он ведет соответствующие переговоры о своем положении, о желании начать новую жизнь. Эта медсестра, будучи наивным, глупым, но святым существом, однако, понимает трагедию Иванова точнее, чем он сам. Она видит его равнодушную, странную, деловую любовь к себе и дает себе ясный отчет о его вымышленном чувстве.

Иванов приезжает домой, чтобы ликвидировать свою старую семейную жизнь. В дело вступают дети, опытные жизнью, рассудительные умом и чистые сердцем. Их действия — в пользу примирения отца и матери, ради сохранения семейного очага, — их нежная, но упрямая сила словно освещают и очищают темный поток жизни, темную страсть отца и матери, в которой дети правильно чувствуют враждебную для себя, смертельно опасную для всех стихию. Одновременно на Иванова реально но неощутимо воздействует окружающая среда, то есть коллектив тружеников электростанции, где совершается как бы непрерывный трудовой подвиг, работа, напряженная как сражение, в котором участвует и его жена.

Иванов хотел было «отомстить» Шипову, но Шипов своим благородным отношением к Иванову разоружает его.

Героическое сердце солдата Иванова, испытавшее великую войну, переживает дополнительное воспитание в тылу, воспитание трудное, жестокое, но благотворное.

И снова рождается страстная любовь меж супругами. У Евдокии Ивановой она никогда и не прекращалась; ее любовь в это переходное время пребывала лишь в форме страдания.

Но эта их новая любовь — уже не прежняя; она имеет теперь совсем другое конкретное воплощение. Это не ревнивая влюбленность юности, а чистый свет двух мужественных и нежных сердец, разлучить которые уже бессильна судьба, разрушительная сила обстоятельств.

Идея пьесы ясна. Она заключается в изображении того, каким путем можно преодолеть одно из самых опасных последствий войны — разрушение семьи, где найти нравственную силу, которая сможет противостоять губительным страстям людей, и где находятся источники их истинной любви, любви, так сказать, второго поцелуя, которым люди обмениваются в знак верности и взаимного чувства на всю жизнь.